

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»
Научно-исследовательский институт прикладной культурологии

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Сборник научных статей
ТОМ 2 (10)

Кемерово 2012

УДК 008
ББК 71.4(2)
У91

Печатается по решению НИИ прикладной культурологии
при ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

Редколлегия:

А. А. Гук – доктор философских наук, доцент,
директор НИИ прикладной культурологии, главный редактор;

И. Ф. Петров – доктор философских наук, профессор,
заведующий лабораторией актуальных проблем современной культуры
НИИ прикладной культурологии, зам. главного редактора;

Н. Т. Ултургашева – доктор культурологии, профессор,
заведующая лабораторией традиционной народной культуры
НИИ прикладной культурологии;

И. А. Сечина – кандидат философских наук,
ученый секретарь НИИ прикладной культурологии

У91 Ученые записки НИИ прикладной культурологии [Текст]: сбор-
ник научных статей / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. –
Кемерово: КемГУКИ, 2012. – Т. 2 (10). – 168 с.

ISBN 978-5-8154-0238-6

ISBN 978-5-8154-0223-2

УДК 008
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-8154-0238-6
ISBN 978-5-8154-0223-2

© Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, 2012

**МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ
ПЕДАГОГОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ
КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА**

Е. В. Веселовская

Бурный рост научно-технического прогресса и интенсивное развитие информационных технологий позволяет говорить о медиакультуре как наиболее динамично развивающейся отрасли культуры. Под медиакультурой понимается «совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [3, с. 8]. Доступность средств массовой информации, в том числе и сетевых ресурсов, широким слоям населения приводит к тому, что каждый член общества начинает испытывать потребность не только в получении, в потреблении информации, но и в её продуцировании, трансляции. «Роль медиакультуры в обществе растёт невиданными ранее темпами, являясь комплексным средством освоения человеком окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах» [там же, с. 11].

При этом приходится констатировать, что вовлечение личности в медиакультурное пространство носит, как правило, стихийный характер. Наблюдается противоречие между возросшими информационными и коммуникационными потребностями общества, признанием ценности формирования медиакультуры – и отсутствием возможностей у широких слоёв населения получить соответствующие компетенции.

Медиаобразование, под которым понимается «процесс развития личности средствами и на материале средств массовой коммуникации» [6], в России находится пока ещё в зачаточном состоянии. Это вызвано рядом причин, среди которых:

- разная степень доступности медиа для различных групп населения;
- отсутствие чётких дефиниций феноменов медиакультуры, медиаобразования, медиаграмотности; разночтения в понятийном аппарате

рассматриваемой предметной области, препятствующие ясному определению содержания медиаобразования;

- интенсивный рост информационно-коммуникационных технологий: некоторые разработки методистов по формированию медиаграмотности быстро утрачивают актуальность;

- отсутствие региональных образовательных медиacentров, осуществляющих разработку и реализацию учебных программ повышения медиаграмотности, либо их недостаточное материально-техническое оснащение.

Между тем актуальность, необходимость медиаобразования исключительно велика: так, ЮНЕСКО рекомендует его к внедрению в национальные учебные планы всех государств, в систему дополнительного, неформального и «пожизненного» образования, поскольку рассматривает его как часть основных прав гражданина любой страны мира на свободу самовыражения, на получение информации и как инструмент поддержки демократии [8].

В качестве средства медиаобразования ЮНЕСКО предлагает программу медийно-информационной грамотности (МИГ) педагогов, отмечая, что потребность в МИГ расширяет движение граждан к образованию, которое было бы невозможно без учителей как главных факторов преобразований [там же]. Именно на учителей, преподавателей возлагается миссия осуществления медиаобразования населения, поэтому первостепенной задачей в этом направлении должно стать повышение медийно-информационной грамотности самих педагогов. Полный анализ программы и обзор имеющихся в науке точек зрения на содержание медиаобразования содержится в работе Н. И. Гендиной [2].

Представляется также чрезвычайно важным, что медиа можно рассматривать не только как предметную область образования, но и как важнейшее средство, технологический ресурс организации образовательно-воспитательного процесса в целом. Не вызывает сомнений, что педагог, обладающий информационными и коммуникационными компетенциями, может более эффективно осуществлять свои профессиональные функции.

Вопрос о целесообразности разработки и внедрения программы медийно-информационной грамотности педагогов в Кузбассе в настоящее время не получил однозначного решения. С одной стороны, повышение

информационной грамотности работников образования – необходимое условие их профессионального роста, и соответствующие образовательные программы на протяжении несколько лет реализуются в ряде образовательных учреждений области (ГОУ ДПО (ПК) Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, ГОУ Кузбасский региональный институт развития профессионального образования и др.). Следовательно, есть основания считать, что образовательные потребности педагогических работников в сфере информационной грамотности в определённой мере удовлетворяются. С другой стороны, понятия информационной и медийной грамотности не тождественны (см. об этом: [2, с. 145]; [5]); можно предположить, что не все компетенции в области медиаобразования формируются у педагогов в процессе обучения на курсах повышения квалификации. И о степени реальной удовлетворённости образовательных потребностей учителей без проведения специального исследования судить чрезвычайно сложно.

С целью определения уровня медийно-информационной грамотности педагогических работников г. Кемерово и их готовности к его повышению был проведен опрос. В нём приняли участие 60 педагогов, работающих в учреждениях общего, дополнительного и среднего профессионального образования, имеющие разный стаж работы – от 3 до 42 лет. Испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Что вы понимаете под медийно-информационной грамотностью педагога?
2. Оцените свой уровень владения медийными средствами (нужное подчеркнуть)
- высокий; средний; низкий.
3. Какие медиа (средства массовой коммуникации) Вы используете в своей педагогической деятельности?
4. Хотели бы Вы повысить свой уровень медийно-информационной грамотности в рамках изучения специального обучающего курса?
5. Ваш педагогический стаж.
6. Преподаваемая дисциплина (профессиональная специализация).

Прежде чем подвергнуть анализу ответы испытуемых, обратимся к определениям, отражённым в научной литературе. Понятие медийной (медийно-информационной) грамотности в зарубежной и отечественной науке

получило множество определений, существенно отличающихся в содержательном плане. Так, в одном из источников указывается, что медийная грамотность – это «умение анализировать и синтезировать медийную реальность, умение «читать» медиатекст» [7, с. 24]. При этом данное понятие рассматривается автономно от понятий «грамотность информационная», «грамотность визуальная», «грамотность компьютерная» [5]. Согласно другой точке зрения, медийная грамотность «помогает учащимся / студентам общаться с медиа под критическим углом зрения, с пониманием значимости медиа в их жизни. Медиаграмотный учащийся / студент должен быть способен критически и осознанно оценивать медиатексты, поддерживать критическую дистанцию по отношению к популярной культуре и сопротивляться манипуляциям» [1, с. 1]. В документах ЮНЕСКО под медийно-информационной грамотностью понимается результат медиаобразования – процесса освоения теории и практических умений «для овладения современными средствами массовой коммуникации» [8]. На наш взгляд, наиболее универсальным определением рассматриваемого понятия является данное в Александрийской декларации 2005 г.: информационная грамотность как основа образования в течение всей жизни «позволяет людям эффективно искать, оценивать, использовать и создавать информацию во всех сферах деятельности для достижения личных, социальных, профессиональных и образовательных целей» [4, с. 1].

В ходе опроса педагогам было предложено дать своё определение медийно-информационной грамотности. 9 человек (15 % испытуемых) на данный вопрос не ответили. Ответы трёх респондентов (5 % от общего количества) не подлежат интерпретации («это средство получения информации», «выход в Интернет, интерактивная доска» и т. п.). В понимании 16 респондентов (27 %) МИГ сводится к компьютерной грамотности. На вопрос: «Что Вы понимаете под медийно-информационной грамотностью педагога?» были даны следующие ответы: «должен уметь работать на компьютере», «владение компьютером, мультимедийными досками», «свободное владение современными средствами обучения (компьютер, интерактивные доски)»; «умение использовать ИКТ», «владеть и применять компьютерные технологии в учебном процессе» и пр. (ср.: «Грамотность компьютерная (computer literacy) – способность использовать компьютерную технику, знание основ информатики, информационных техноло-

гий» [1]). Остальные 50 % полученных ответов в той или иной степени сопоставимы с известными научными определениями МИГ: «умение находить и использовать информацию», «владение информацией, умение находить нужную информацию, передавать её», «умение извлекать и анализировать, интерпретировать информацию из доступных источников СМИ», «умение работать на компьютере, получать, анализировать всю необходимую информацию, используя Интернет». В целом отмечается отражённый в данных определениях «потребительский» характер отношения педагогов к информации, который передаётся словами «находить», «использовать», «владеть». Только в 4-х ответах отражён другой аспект медийно-информационной грамотности – способность продуцировать, передавать информацию: «владение современными информационными технологиями; распространение собственного опыта посредством использования ИКТ»; «умение работать в сети Интернет, работать с виртуальными педагогическими сообществами»; «владеть компьютером, знать и применять различные программы, создавать медийные продукты»; «использование компьютерных технологий, освоение нового, передача знаний».

55 % педагогов, принявших участие в опросе, определили свой уровень владения медийными средствами как «средний», 31 % – как «низкий». Всего 4 респондента (6,6 %) выбрали первый вариант – «высокий». Ещё один вариант ответа на второй вопрос был добавлен самим опрашиваемым – «никакой». Остальные 5,5 % испытуемых затруднились с выбором варианта ответа.

Под медиа (средствами массовой коммуникации) понимают «технические средства создания, записи, копирования, тиражирования, хранения, распространения, восприятия информации и обмена ее между субъектом (автором медиатекста) и объектом (массовой аудиторией)» [6]. Участники опроса не были ограничены в перечислении средств. Тем не менее, в бланках ответов отмечались, как правило, один-три средства, что свидетельствует о недостаточно полном, широком использовании учителями медиа в образовательном процессе либо о весьма приблизительном представлении об их видах, функциях и возможностях. Наиболее часто в числе ответов фигурировали варианты: «интернет» (отметили 44, 5 % опрошенных); «компьютер (ноутбук)» (24,5 %); «презентации слайдов» (20 %; «видео»

(13 %); «проекторы» (13 %), «телевидение» и «телевизор» (9 %); интерактивная доска (9 %). В числе единичных ответов – «DVD», «радио», «аудиоаппаратура», «камера». Только 9 участников опроса (15 % от общего количества респондентов) отразили в анкетах использование печатных средств информации. Четыре человека упомянули специальные программы – Word, Power Paint, «программу электронного тестирования», включение которых в число средств массовой коммуникации представляется спорным. Около 30 % (!) ответов интерпретировать сложно – к средствам массовой коммуникации были причислены «методика», «набор текста на компьютере», «контрольные средства по темам», «библиотека» и «библиотека наглядных пособий», «моделирование», «лаборатории», «музыка» и т. п. Стремясь ответить наиболее полно, один из опрашиваемых, учитель русского языка и литературы, пишет: «С компьютером далеко не на «ты». Если пользуюсь, то помогают ученики. Видеофильм поставить могу». 6 человек (10 % от общего числа респондентов) оставили данный вопрос без ответа. Двое из опрашиваемых ответили: «не использую».

Можно предположить, что причиной редкого обращения учителей к медиа является недостаточное материально-техническое оснащение образовательных учреждений, однако обращает на себя внимание и другой факт: низкий уровень владения как самими средствами массовой коммуникации, так и терминологией медиакультуры.

73 % опрошенных хотели бы повысить свой уровень медийно-информационной грамотности в рамках изучения специального курса, 8 % респондентов не испытывают такой потребности; оставшиеся 19 % затруднились ответить.

Нельзя говорить о массовом характере проведённого исследования, однако его результаты дают основания для выводов о недостаточно высоком уровне медийно-информационной грамотности педагогов (по крайней мере, принимавших участие в опросе), востребованности специальных курсов медийно-информационной грамотности, острой необходимости разработки и внедрения соответствующих образовательных программ. Содержание данных курсов, техническое оснащение процесса обучения, методика преподавания, бесспорно, должны отвечать самым современным требованиям.

Литература

1. Баканов Р. П. Масс-медиа глоссарий терминов // evartist. narod. ru: EVARTIST. Авторский проект Екатерины Алеевой. – URL: <http://www.evartist.narod.ru/text23/0022.htm>
2. Гендина Н. И. Формирование информационной и медиаграмотности в условиях информационного общества: новая инициатива ЮНЕСКО и проблемы российского информационного образования //edu.of.ru: Российский общеобразовательный портал. 2012. – URL: <http://edu.of.ru/attach/17/160165.PDF>
3. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
4. Маяки информационного общества. Александрийская декларация об информационной грамотности и образовании на протяжении всей жизни // ifar. ru: МОО Информация для всех. – URL: <http://www.ifar.ru/ofdocs/ifla/ifla12.pdf>
5. Терминологический словарь // mediagram. ru: Информационная грамотность и образование для всех. – URL: <http://www.mediagram.ru/dictionary/>
6. Усов Ю. Н. Медиаобразование в России (на материале экранных искусств). Доклад на российско-британском семинаре по медиаобразованию / Ю. Н. Усов. – М., 1995. – 18 с.
7. Фёдоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А. В. Фёдоров. – Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 2010. – 64 с.
8. Media and Information Literacy Curriculum for Teachers (prepared by UNESCO) [Electronic resource] / Wilson C. [et al.]. Paris, UNESCO, 2011.192 p.,illus. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001929/192971e.pdf>.

ОБРАЗ ВЫПУСКНИКА ВУЗА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Н. А. Побожей, Н. В. Усова

В настоящее время одной из задач современной профессиональной школы является подготовка компетентного, гибкого, конкурентоспособного специалиста, способного за счет владения методами решения большого ряда профессиональных задач достигать поставленные цели в разных быстро меняющихся социокультурных ситуациях.

Конкурентоспособность как новое качественное состояние специалиста можно отнести к числу стратегических ценностей, способствующих преодолению индивидуального психологического барьера.

В современном мире образование выступает средством развития людей, подготовки их к жизни и профессиональной деятельности. Реализация государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования 3-го поколения в значительной мере затрагивает вопросы содержания подготовки, актуализируются задачи связи теории и практики, межпредметных связей. Но современная система образования до сих пор в целом является репродуктивной, активными в ней оказываются только преподаватели.

Одной из главных проблем образования является определение того, какие виды деятельности и в какой последовательности следует предложить будущим специалистам, как мотивировать и организовывать их, как оценивать процесс познавательной деятельности, чтобы обеспечить готовность студента к предстоящей продуктивной созидательной деятельности.

Идеализированная модель образа выпускника как результата подготовки специалиста, предложенная Н. В. Кузьминой, включает семь элементов: 1) оценочный; 2) идеалы, цели, ценности; 3) энергопотенциалы, способности; 4) ответственность; 5) компетентность; 6) умелость; 7) искусство, творчество. Взаимодействие педагога со студентами средствами своего предмета – это путь к реальному результату, развитию психических новообразований в личности, деятельности, индивидуальности выпускников.

В условиях глобализации современной культуры смещаются акценты с принципа адаптивности на принцип компетентности выпускников об-

разовательных учреждений, происходит заметная переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность», на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся.

Компетенция – определенная сфера, круг вопросов, которые человек уполномочен решать, некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), проявляющиеся затем в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях. Компетентность – индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии.

Все компетентности социальны в широком смысле этого слова: они вырабатываются, формируются и проявляются в социуме. Социальны они и по своему содержанию:

- Ключевые — это обобщенно представленные основные компетентности, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность человека в социуме.
- Социальные (в узком смысле слова) компетентности – характеризуют взаимодействие человека с обществом, социумом, другими людьми.
- Профессиональные и учебные компетентности формируются для осуществления соответствующей деятельности и проявляются в этих видах деятельности человека.

Качество подготовки специалиста в профессиональном образовательном учреждении (вузе, ссузе), как правило, оценивают по четырем критериям: 1) профессиональные знания (знания предметной области и психолого-педагогические знания); 2) уровень коммуникативной культуры; 3) стремление к профессиональному росту; 4) способность к рефлексии.

Профессиональная компетентность в рамках педагогики определена Н. В. Кузьминой как качественная характеристика субъекта деятельности, которая определяется мерой владения им современным содержанием и современными средствами решения профессиональных задач, продуктивными способами ее осуществления.

В этом контексте под профессиональной компетентностью мы понимаем способность специалиста социально-культурной сферы эффективно

осуществлять профессиональную деятельность. Она включает три основных компонента: когнитивный (знание), операциональный (набор способов действий, посредством которых осуществляется деятельность) и аксиологический (наличие определенных ценностей, освоенных индивидом не только извне, но и выработанных самостоятельно, поскольку он сам является индивидуальностью, самостью, обладающей способностью осознавать и рефлексировать собственные ценности, сопоставлять, оценивать себя и иное, проектировать будущее).

Одним из путей решения обозначенной выше проблемы может стать предоставление возможности каждому студенту приобретения опыта творческой деятельности, что позволит правильно ориентироваться и адаптироваться к быстро меняющейся социокультурной ситуации, переключаясь на новые виды деятельности, быть способным заниматься творческой деятельностью, являющейся составной частью профессиональной деятельности.

Механизм формирования опыта можно реализовать через интегрированный курс «Основы творческой деятельности». В нем сообщаются знания, необходимые для развития творческой деятельности, формируются умения творческой деятельности (разделять процесс решения творческой задачи на два независимых этапа – генерации идей и критики, экспертизы идей; умение использовать приемы поиска творческих решений – динамизации, дробления, асимметрии; умения использовать аналогии (прямую, символическую, фантастическую) эмпатию и др.), навыки творческой деятельности (сформированные, автоматически осуществляемые простые умения творческой деятельности), сложные умения творческой деятельности (комплексы навыков творческой деятельности, характеризующие готовность человека к определенному виду объективного творчества).

Сейчас ведутся настойчивые поиски технологии подготовки и оценки профессионализма специалистов социально-культурной сферы. Современные ученые (Н. И. Бочарова, Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, О. В. Первушина, Ю. А. Стрельцов, Н. Н. Ярошенко, В. А. Ясвин и др.) рассматривают профессиональную компетентность будущего специалиста через идеи имитационного моделирования заданной структуры профессиональной деятельности и определяют ее как меру результативности деятельности.

Так, например, профессиональная компетентность специалиста социально-культурной деятельности (специализация «Педагогика детско-юношеского досуга») включает в себя педагогическую деятельность, социальное общение, способность к самореализации личности, определяющие достижение хороших результатов в профессиональной деятельности. Исходя из этого, выпускник ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» должен обладать ключевыми и специальными (профессиональными) компетенциями.

К ключевым компетенциям личности относим:

1) компетенции ценностно-смысловой ориентации: ценности бытия, жизни; ценности культуры, науки, производства; история собственной страны, религии; формирование экологической этики; умение разрешать конфликты ненасильственно, формирование толерантности;

2) компетенции в сфере самостоятельной познавательной деятельности: усвоение способов приобретения знаний из различных источников информации, структурирование знаний, ситуативно-адекватная актуализация знаний, расширение, приращение накопленных знаний; средства и способы деятельности: планирование, проектирование, моделирование, прогнозирование, исследовательская деятельность, ориентация в разных видах деятельности;

3) компетенции в сфере гражданско-общественной деятельности: выполнение ролей гражданина, избирателя, потребителя; свобода выбора и ответственность за принятое решение, уверенность в себе, собственное достоинство; обладание экономической, правовой, информационной и коммуникативной культурой, элементарными умениями общения на иностранном языке;

4) компетенции в сфере социально-трудовой деятельности: оценка собственных профессиональных возможностей; ориентирование в нормах и этике взаимоотношений, участие в принятии групповых решений, умение работать в коллективе, навыки самоорганизации; способность учиться на протяжении всей жизни как основа профессионального и личностного саморазвития, самосовершенствования, саморегуляции, самооценки;

5) компетенции в сфере культурно-досуговой деятельности: оптимальный выбор путей и способов использования человеком свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность; знание и соблюдение

ние норм здорового образа жизни, правил личной гигиены; сформированность интереса к ценностям мировой культуры, понимание места и роли национальной культуры жителей данного региона в контексте мировой культуры, владение основами сценического мастерства и режиссуры детских культурно-досуговых программ.

Специальные (профессиональные) компетенции в воспитательно-образовательной деятельности:

- осуществлять целостный педагогический процесс в соответствии с образовательными программами учебных заведений разного типа (дошкольного, школьного, дополнительного образования);
- создавать гуманистическую педагогическую среду как условие успешного всестороннего развития ребенка;
- организовать воспитательную работу с целью выявления и развития интересов, склонностей, удовлетворения запросов и потребностей детей;
- осуществлять лично ориентированный подход на основе изучения личности детей, анализа их обученности и воспитанности; проектировать развитие личности школьников;
- обладать умениями выставочно-презентационной деятельности;
- владеть профессиональной лексикой и др.

Специальные (профессиональные) компетенции в учебно-методической деятельности:

- планировать воспитательно-образовательную работу по организации детского досуга: разрабатывать сценарии мероприятий, систему контроля знаний и умений школьников на основе изучения и анализа проведенных мероприятий, образовательных программ, учебных пособий, дидактических материалов, учебно-методической литературы;
- проектировать содержание и технологии обучения и воспитания с учетом анализа достигнутых результатов.

Специальные (профессиональные) компетенции в социально-педагогической деятельности:

- разъяснять участникам воспитательно-образовательного процесса (педагогам, родителям, социальным партнерам) практически значимые по-

ложения школьной, семейной и народной педагогики, психологии и методики воспитания и обучения детей.

Выпускник должен знать:

- основные документы о правах ребенка и обязанностях взрослых по отношению к детям (Конвенция о правах ребенка, Международная конвенция о правах и основных свободах человека и др.);
- цели, задачи, содержание, принципы, формы, методы и средства обучения и воспитания;
- основы психологии человека, общую возрастную и педагогическую психологию, психологические особенности детей дошкольного, младшего школьного возраста, подростков;
- особенности анатомии и физиологии детей и требования к обеспечению санитарно-гигиенических условий в образовательном учреждении;
- требования и способы обеспечения безопасности жизнедеятельности детей;
- основы организации деятельности образовательных учреждений разного типа и управления ими и др.;

Выпускник должен:

- понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес;
- быть готовым к освоению образовательной программы высшего профессионального образования;
- соответствовать требованиям к уровню подготовки выпускника по учебным дисциплинам ГОС ВПО.

Гибкая система профессиональной подготовки в Кемеровском государственном университете культуры и искусств (программы обучения дополнительной специализации, спецкурсы, спецсеминары) позволяет студенту расширить круг профессиональных компетенций, получить знания смежных наук, приобрести практический опыт работы не только в школе, но и в дошкольных и детских учреждениях дополнительного образования. Это, несомненно, повышает конкурентоспособность, востребованность и уверенность при трудоустройстве наших выпускников.

Литература

1. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века: учеб. пособие для самообразования. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Пед. О-во России, 2002. – 512 с.
2. Введенский В. Н. Компетентность педагога как важное условие успешности его профессиональной деятельности // Инновации в образовании. – 2003. – № 4. – С. 21–31.
3. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М., 1990. – 90 с.
4. Маленкова Л. И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие. – М.: Пед о-во России, 2002. – 272 с.
5. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М., 1996. – 156 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. Ю. Казарина

Понятие «профессиональная культура» не является простым сочетанием понятий «профессионализм» и «культура». Этот феномен претендует сегодня на статус самостоятельного явления культуры. Поэтому поиски определения понятия «профессиональная культура» необходимо начинать с выявления смыслового наполнения базисного понятия «культура».

Философские и культурологические исследования феномена культуры представлены в научных трудах В. С. Библера, М. Б. Туровского, М. С. Кагана, В. Ж. Келле, В. М. Межуева, А. И. Арнольдова, Н. С. Злобина, П. С. Гуревича, В. Е. Давидовича, Ю. А. Жданова и др.

По мнению А. И. Арнольдова, «культура – это и развивающиеся системы материальных и духовных ценностей, и процесс человеческого творчества, и трансляция накопленного опыта» [1; с. 72]. В данном определении выявляются основные компоненты культуры: аксиологический (совокупность материальных и духовных ценностей), деятельностно-коммуникативный (трансляция накопленного опыта) и личностно-

творческий (процесс творчества), так как являются наиболее важными для изучения профессиональной культуры.

Отметим, что основополагающей для изучения феномена «профессиональная культура» является *деятельностная концепция культуры*, которая выявляется в трудах отечественных культурологов и философов XX в.: Г. С. Батищева, Н. С. Злобина, Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана, В. М. Межуева, В. С. Библера, А. И. Арнольдова, В. Е. Давидовича, В. Ж. Келле, Л. Н. Когана, М. А. Лифшица, М. Б. Туровского, Э. А. Баллера, Э. В. Ильенкова, Э. В. Соколова, Ю. А. Жданова, Ю. Н. Давыдова, А. Г. Асмолова, В. С. Степина, В. Д. Шадрикова, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева и др.

В философском словаре «деятельность» определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование; ... реальная движущая сила как индивидуальной, так и общественной жизни и условие существования человека и общества» [12].

Сущность понятия «культура» в соответствии с деятельным подходом определено В. С. Степиным: «культура как система информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и ко всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы» [11; с. 63]. Культура хранит, накапливает социальный опыт, транслирует его из поколения в поколение, генерирует новые программы деятельности, и в этом смысле она проецируется в образование, и это также важно для выявления сущностной основы профессиональной культуры.

В работе Н. С. Злобина говорится о том, что культура с позиции деятельностного подхода может быть определена как «социально значимая творческая деятельность в диалектической взаимосвязи ее результативности, выражения ее процессуальности, предполагающей освоение людьми уже имеющихся результатов творчества, опыта человеческой истории во внутреннее богатство индивидов, вновь воплощающих содержание этого богатства в своей социальной деятельности, направленной на преобразование действительности и самого человека» [6]. Данной позиции придерживается и В. М. Межуев, для которого «культура – это производство самого

человека во всем богатстве и многосторонности его общественных связей и отношений, во всей целостности его общественного бытия» [9]. Отметим, что деятельностная концепция позволяет говорить о таком взаимодействии понятий «культура» и «образование», когда последнее выступает в качестве одного из важнейших механизмов трансляции, распространения, укоренения или трансформации культурных ценностей. Именно в таком контексте важно изучение феномена профессиональной культуры.

В отечественной культурологии пока нет единых общепринятых принципов деления культуры по ее типам и видам. Анализ специальной литературы показал существование множественности подходов к выявлению типологии культуры. Философ и культуролог А. Я. Флиер утверждает, что «главным и обязательным методическим условием любой систематизации (типологизации, классификации) должно быть очевидное единство избранного основания, как необходимое условие для рассмотрения данной группы объектов в качестве суммы, подлежащей систематизации, а также выстраивания этих объектов в какой-то ряд или иерархию» [13; с. 154].

Анализ понятия «профессиональная культура» показал, что к его исследованию ученые обращаются с точки зрения педагогики и психологии (И. Ф. Исаев, В. А. Сластенин, Е. Н. Шиянов, С. А. Дружилов, Е. А. Панова, В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых и др.); с точки зрения культурологии (А. И. Кравченко, Б. И. Кононенко, А. Н. Быстрова, Н. Г. Багдасарьян, А. В. Литвинцева, И. Е. Чайкина, Е. В. Чернец, Г. М. Кочетов, Ю. М. Лотман, А. Я. Флиер и др.); с точки зрения философии (Н. А. Бердяев, В. Л. Бенин, М. В. Десяткина и др.); с точки зрения искусствоведения (Н. А. Ковешникова, Т. В. Матвеева, И. А. Асессоров, И. В. Поселенова, М. В. Соколов, Ю. В. Веселова, Л. П. Дыко и др.).

Говоря о происхождении профессиональной культуры, следует отметить, что она зародилась в процессе разделения труда, проявившегося в выделении социальных функций, статусов и ролей, длящихся со времен неолита, когда происходила специализация в самых различных областях материального, интеллектуального, художественного и иного производства, коммуникации и пр. Однако вопрос состоит не в том, какая профессиональная культура и в каком порядке выделялась, а в том, что такое вообще профессиональная культура как тип культурной системы. Понятно, что в основе профессиональной культуры лежат не столько социально-бытовые

элементы образа жизни, сколько некоторые принципы социального сознания и поведения, диктуемые особенностями технологии деятельности по правилам той или иной профессии, зафиксированные в учебниках и навыках профессиональной подготовки. Сюда же входят элементы социальной этики, целей и социальной ответственности за последствия данной деятельности, профессиональные традиции, статусные роли, профессиональный язык и т. п.

Уже в античную эпоху появились первые объединения ремесленников и торговцев, воинов и жрецов, в среде которых начали вырабатываться определенные специфические ритуалы поведения и этикета, внешние атрибуты принадлежности к такому объединению и пр. Еще большее развитие все это получило в эпоху средневековья, когда начали складываться специфические ремесленные цеха и гильдии, рыцарские и церковные ордена, существенно углубившие символично-ритуальные особенности своего быта, начавшие постепенно влиять и на обыденную сторону культуры подобных объединений, на их язык (профессиональный жаргон), стиль поведения и пр. В эпоху нового времени система цехов и гильдий, а также большинства орденов (за исключением церковных) преимущественно распалась, но понятие «профессиональной культуры» (военного или священника, финансиста или инженера) еще больше углубилось. Перечень подобных профессиональных культур вырос до многих десятков, в каждой из культур (субкультур) складывалась своя специфическая система поведения, этика отношений, суждений, оценок, статусно-ролевых положений, языка, символики и пр. Практически каждая из профессиональных культур со временем обрела свою систему воспроизводства, обучения, трансляции профессиональных и культурных навыков и образцов (начиная от системы профилированных вузов, а также профессиональных школ среднего звена и пр.), где человек получал более или менее полную подготовку по соответствующей специализации. Появилась такая категория изданий, как учебник по профессии, на страницах которого, собственно, и зафиксирован в достаточно систематизированном виде комплекс знаний, образцов и эталонов соответствующей профессиональной культуры. Вне зависимости от наличия каких-либо государственных министерств соответствующего профиля (управляющих результатами деятельности специалистов, но не их профессиональной культурой) происходит более или менее стихийный

процесс культурного самоуправления на основе общественного мнения, суждений экспертов и корифеев профессии [13; с. 162–163].

По мнению Н. Д. Ермишиной, профессиональная культура представляет собой социальный тип в культурной системе. Этот тип характеризуется степенью распространения и особенностью воспроизводства конкретного профессионального (специализированного) образа жизни. Н. Д. Ермишина, соглашаясь с А. Я. Флиером, также считает, что в основе профессиональной культуры лежат принципы социального сознания и поведения, диктуемые особенностями технологии деятельности по правилам той или иной профессии [5; с. 181]. Профессиональную культуру объединяет общее образование, профессиональная терминология, устойчивый круг общения (профессиональная среда), отношение к профессиональному долгу, социальная ответственность за последствия данной деятельности, элементы профессиональной этики, профессиональные традиции, профессиональный язык.

Социально-историческую трактовку понятия «профессиональная культура» можно встретить у русского философа Н. А. Бердяева, который считал, что «профессиональная культура – это совокупность норм, правил и моделей поведения людей – относительно замкнутая область, связанная со спецификой деятельности людей в современных условиях разделения труда. В ней, как в любой другой отрасли культуры действуют два начала – консервативное, обращённое к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращённое к будущему и создающее новые ценности» [4]. Это высказывание Н. А. Бердяева позволяет связать его с двумя концепциями образования, которые находятся в определенной взаимосвязи с профессиональной культурой, поскольку в начале XXI века происходит смена одной концепции другой. Речь идет о «знаниевой» (или информационно-знаниевой) и «компетентностной» парадигмах высшего профессионального образования, которые одновременно выступают в качестве моделей профессиональной культуры.

Процесс поступательного развития в профессиональном образовании отражен в высказывании Ж. Бэнде, директора управления и анализа ЮНЕСКО: «научиться учиться» – это и есть цель, к которой должно стремиться образование в его институциональных формах, и это дает индивиду

возможность «культивировать» себя в качестве прогрессирующего существа в течение всей жизни» [8; с. 15–16].

Профессиональную культуру специалиста в любой сфере можно рассматривать как сущностную характеристику целостности личности, а целостность профессиональной культуры человека обеспечивается наличием единых уровней взаимодействия человека с окружающим его миром, соотносимых с такими ее компонентами, как профессиональное мышление, профессиональная компетентность и профессиональное мастерство. Данное утверждение позволяет уточнить их через призму образования.

Исследования социокультурной обусловленности образования представлены в научных работах А. Г. Асмолова, А. П. Булкина, Н. Д. Кондратьева, Е. В. Пискуновой, П. Н. Сорокина. Изучению особенностей реализации компетентного подхода в содержании образования посвящены труды Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, О. Е. Лебедева, М. В. Рыжакова, А. В. Хуторского, С. Е. Шишова и др. Различные подходы к структурированию содержания образования отражены в работах Б. Блума, Дж. Брунера, Б. С. Вульфсона, М. Н. Данилова, А. Н. Джуринского, М. В. Кларина, В. В. Краевского, Ч. Куписевича, Л. Клинберга, И. Я. Лернера, В. С. Леднева, М. Н. Скаткина, А. В. Хуторского и др.

Можно рассматривать взаимодействие между культурой и образованием через выделение определенных образовательных систем, а точнее образовательных концепций. По мнению А. Г. Барабашева и Е. В. Масленниковой, основное противостояние компетентностной и знаниевой парадигм образования как основных моделей (типов) профессиональной культуры на данном этапе развития образовательного пространства разворачивается в областях гносеологии (отношение к истине: истинность, либо полезность знаний), методологии (формы и методы ведения образовательного процесса: пассивное усвоение либо интерактивные формы), организации обучения (получение аналитических заданий либо полномасштабное участие в профессиональной активности) [2].

Знаниевая парадигма образования возникла и укрепилась в естествознании и математике. Её истоки восходят к становлению классического естествознания Нового времени, пришедшего на смену теологически ориентированного либерального искусства средневековых университетов. Основные черты знаниевой парадигмы лучше всего характеризуются извест-

ным афоризмом Ф. Бэкона: «Знание – сила». Основная культурологическая идея данной парадигмы как набора принципов и задач образования заключается в том, что обучающийся должен усвоить основные знания в предметной области и именно наличие таких знаний автоматически обеспечит успех его последующей профессиональной деятельности. Приверженность знаниевой парадигме особенно заметна в классических университетах, основу которых составляют факультеты естественнонаучного и математического профиля, а также в направлениях науки, для которых теория стала самостоятельным и культивируемым предметом изучения (экономика, теоретическая социология и т. д.).

Истоки компетентностной парадигмы образования восходят к началу 20-го столетия, к бурному развитию общественных работ, появлению сферы обслуживания и становлению управления как социально ответственной деятельности. Компетентностная парадигма образования возникла в новых областях профессиональной подготовки и повышения квалификации, не относящихся к традиционным научным направлениям образования. Первоначально разработка модели или профиля компетенций в организациях была связана с использованием компетенций в качестве прикладных инструментов для оценки персонала.

В *компетентностной парадигме* как специфической модели профессиональной культуры возрастает роль креативности, развития способностей к научно-аналитической, опытно-экспериментальной деятельности. Вопросы реализации компетентностного подхода отражены в работах российских психологов: П. Я. Гальперина, В. Д. Шадрикова, И. С. Якиманской, И. А. Зимней, Э. Ф. Зеера и др. Основные черты компетентностной парадигмы образования сформированы в принципах «системы профессиональных заслуг и достоинств» (merit system), требующей от специалиста «накопления» его умений и навыков в ходе обучения и профессиональной деятельности. А. Г. Барабашев, С. А. Пархоменко утверждают, что основная идея компетентностной парадигмы как цели образования заключается в том, чтобы обучаемый сформировал практически полезные профессиональные свойства, и обладал самостоятельностью в их применении [2].

Компетентностная парадигма в полной мере не отрицает знаниевую парадигму, ибо без ее основы невозможно сформировать комплексную и специализированную компетентность выпускника современного вуза. Но в

системе этих знаний акцент смещается к знаниям не общемировоззренческим, а к научно-фундаментальным и предметно-технологическим. Одновременно в компетентностной парадигме актуализируются, приобретают больший вес профессиональные, предметные навыки и умения.

Традиционно различают два подхода к пониманию компетенций – американский и европейский. При американском подходе компетенции определяются через описание поведения, когда демонстрируются характеристики сотрудника, способствующие достижению высоких результатов в работе. При реализации европейского подхода компетенции раскрываются через описание рабочих задач или ожидаемых результатов работы и рассматриваются как способность сотрудника действовать в соответствии со стандартами, принятыми в организации.

По мнению ряда российских ученых, в качестве концептуального определения возможно принятие формулировки, предложенной в европейском проекте TUNING: «...понятие компетенций и навыков включает знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте). Компетенции представляют собой сочетание характеристик (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственности), которые описывают уровень или степень, до которой некоторое лицо способно эти компетенции реализовать» [3; с. 11].

А. В. Лубский утверждает, что высшее образование «должно формировать у человека способность к творчеству, способствовать превращению творчества в норму и форму его существования, в инструмент свершения во всех сферах человеческой деятельности – в труде, в науке, в технике, в культуре, в искусстве, в управлении, в политике». Способность к творчеству и есть способность к самостоятельному, критическому и проектному мышлению [8; с. 25–26].

Переход от знаниевой парадигмы обучения к компетентностной парадигме образования означает, что на смену технологиям «научения» и усвоения знания приходят технологии проектирования условий познания и понимания, предусматривающие его рождение и становление в процессе

образовательной деятельности. И в этом случае именно компетентностная парадигма позволяет полностью обеспечить данные задачи.

Обновление целей образования привело к тому, что к началу XXI века постепенно складывается подход к построению содержания образования на основе компетенций. Он предполагает ориентацию на образовательные результаты – компетенции (личностные, познавательные, коммуникативные, социальные и т. д.). Сторонниками данного подхода являются Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, О. Е. Лебедев, А. Г. Каспаржак, А. К. Маркова, М. В. Рыжаков, М. А. Холодная, А. В. Хуторской, С. Е. Шишов и др.

Профессиональную компетентность иногда напрямую связывают с мерой профессионализма работника, хотя, на наш взгляд, это слишком расширительное толкование. «Компетентность – это не только результат или оценка деятельности человека, но и сам ход его мышления и деятельности». В таком понимании компетентности практически задействована вся глубина пространства профессиональной культуры; она охватывает тот диапазон деятельности работника, который позволяет судить о профессионализме как стороне профессиональной культуры в целом [8; с. 64–65].

А. М. Омаров называет важнейшие слагаемые профессиональной культуры: освоение общей культуры, приобщение к ее достижениям; овладение профессиональным мастерством, полная творческая реализация профессиональных навыков; профессиональная компетентность в своем виде деятельности; грамотное, эффективное использование средств и методов при достижении цели; рациональность, расчетливость при осуществлении своей работы; возможность предвидения результатов труда; способность и желание передать свои умения, знания, навыки; культура общения и нравственно-профессиональная этика. Профессиональная культура, соединенная с нравственными нормами, профессиональная компетентность в синтезе с моральными установками заставляют человека стремиться к более полному профессиональному и личностному, гражданскому самовыражению.

Профессиональная компетентность как компонент профессиональной культуры обеспечивает знаниевые основания деятельности, единство методологических, теоретических и технологических знаний. Не менее важную роль в профессиональной культуре играет ее деятельностный

компонент – *профессиональное мастерство*. Именно в нем происходит преобразование совокупности теоретически сформированных предпосылок в реальное профессиональное действие. Знание сливается с практическим опытом и перерастает в умения и навыки; рождается и накапливается профессиональный опыт как основа мастерства, устанавливается столь необходимая обратная связь со знаниевым компонентом. В связи с этим следует согласиться с выводом исследователей о том, что любая профессиональная деятельность передается «в форме нормативно-одобренного способа деятельности».

Компетентностная парадигма образования обращена в первую очередь к личности. Механизмы личностного становления человека (рефлексия, смыслотворчество, автономность и др.) рассматриваются как самоцель образования, достижению которой, в конечном счете, подчинены его содержательные и процессуальные компоненты. Эффективность усвоения при этом собственно предметного содержания возрастает благодаря тому, что оно обретает теперь качественно новый личностный смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта индивида.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- 1) профессиональная культура – это динамически развивающийся феномен, теснейшим образом связанный с образовательной культурой;
- 2) в основании современной модели профессиональной культуры лежит компетентностная парадигма образования, актуализирующая креативный потенциал личности.

Литература

1. Арнольдов, А. И. Культурология: явления и процессы. – М.: МГУКИ, 2007. – 408 с.
2. Барабашев, А. Г. Образование в сфере публичного управления: компетентностная парадигма // Вестник Московского государственного университета. – 2010. – № 3.
3. Байденко, В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 72 с.

4. Бердяев, Н. А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Письмо 13-е. О культуре // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л., 1991. – 220 с.
5. Ермишина, Н. Д. Культурология. – М.: Академический проект, 2007. – 432 с.
6. Злобин, Н. С. Культура и общественный прогресс. – М.: Наука, 1980. – 293 с.
7. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство, 1994. – 412 с.
8. Лубский, А. В. Высшая школа: от обучения к образованию. – Ростов н/Д, 2008. – 95 с.
9. Межуев, В. М. Культура и история. – М., 1977.
10. Омаров, А. М. Управление: искусство общения. – М., 1983.
11. Степин, В. С. Культура // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – с. 63.
12. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
13. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

И. Г. Ултургашева

На этапе переоценки общечеловеческих ценностей и роста национального самосознания народов большое практическое значение приобретает решение проблемы нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения в традициях народной культуры. С возникновением суверенных государств и стремлением их к равноправным взаимоотношениям с другими государствами появилась реальная возможность в культурологической, педагогической науке активно использовать этнопедагогические процессы.

Опыт прошлых десятилетий показал, что забвение лучших народных традиций, отрыв от выработанных народом в течение многих веков духовно-нравственных ценностей и идеалов ведет к глобальному кризису всех сфер общественной жизни.

Одной из причин роста преступности, наркомании, нищеты, детской беспризорности, конфликтов на основе национальной нетерпимости является духовная деградация и нравственное обнищание общества. Демографический спад, превышение смертности над рождаемостью усугубляется ростом численности больных, неполноценных детей. Все это представляет угрозу генофонду, здоровью и силе нации и свидетельствует о «поломке» в социальном и духовном механизме жизни [4].

Традиционный уклад народного быта – это продукт всей истории общества в области организации жизнедеятельности первичных социальных общностей – кровнородственных семейных и общинных коллективов. Из этих клеток строится базовая структура общественного организма в целом. Образование должно, во-первых, способствовать тому, чтобы человек осознал свои корни и, тем самым, мог определить то место, которое он занимает в мире; во-вторых – привить ему уважение к другим культурам.

Подтверждением этому могут служить слова академика, доктора педагогических наук, профессора Г. Н. Волкова: «Очень высокая ставка на традиционную культуру воспитания в современном мире естественна и закономерна. Национальная традиция воспитания практически является условием и национального возрождения. Это основа основ»[5].

При изучении народных традиций, обычаев ребенок может сравнивать культуру, историю других народов, у него воспитывается терпимость к непохожим друг на друга традициям, появляется возможность увидеть постоянство и естественность этого разнообразия, что формирует заботливое отношение к общечеловеческим ценностям, к окружающим людям, природе.

Подростки, всегда ищущие свой идеал, сегодня находятся в растерянности: кто и где этот идеал? Данный возраст, как известно, требует своего стиля общения, применения различных приемов и методов обучения и воспитания. В этом возрасте складываются основы нравственности, стабилизируются черты характера, основные формы межличностного поведения, «продолжается процесс формирования и развития самосознания ре-

бенка» [2]. Подростков отличает повышенная познавательная и творческая активность. В этот период происходит формирование системы личностных ценностей, развиваются организаторские способности, но главным «новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости» [5]. Подросток претендует быть взрослым и в то же время знает, что уровень его притязаний не во всем оправдан.

В этом возрасте влияние значимых для подростка личностей, по сравнению с воздействием внутрисемейного общения, усиливается, и «подростничество в этом плане является переходным периодом от детства к взрослости». Именно к этому времени должны быть приурочены главные воспитательные усилия со стороны школы как на уроках, так и вне их.

В плане индивидуальных различий детей этот возраст является переходным, одним из наиболее сложных и зависит от социально-психологического влияния семьи.

В подростковом возрасте у детей складываются две разные системы взаимоотношений: одна – с взрослыми, другая – со сверстниками. На первом месте во взаимоотношениях подростков стоят товарищеские отношения, которые основываются на уважении личного достоинства другого человека, равенстве, готовности прийти на помощь. Возникают особые нравственные требования к дружеским взаимоотношениям: взаимопонимание, отзывчивость, чуткость. Овладение нравственными нормами составляет важнейшее личностное приобретение подросткового возраста. Через общение со сверстниками они усваивают жизненные цели и ценности, нравственные идеалы, нормы и формы поведения. « Психологически правильное воспитание и есть продуманное, научно обоснованное общение людей, рассчитанное на развитие каждого из них как личности» [1].

В этом возрасте важно помочь подростку найти правильные нравственные ориентиры, сформулировать представления об основных категориях морали, совместно определить пути самовоспитания. Расхождение между желаемым и возможным, представляемым и реальным, посильным и непосильным – характерное противоречие этого возраста, которое необходимо учитывать в процессе нравственного воспитания подростков, и в частности, при воспитании средствами народных традиций и обычаев заботливого отношения к людям. Поэтому идеалы, связывающие исторические эпохи и поколения, устанавливая преемственность лучших традиций,

смогут вдохновлять, пробуждать стремление к более совершенным взаимоотношениям между людьми.

Оценка педагогического наследия прошлого, выяснение его отношения к педагогической культуре настоящего и будущего как хакасского, так и других народов продолжает оставаться одной из важнейших проблем. За последние 20 лет появились исследования, посвященные использованию традиций хакасской культуры в гуманистическом, эстетическом, патриотическом, интернациональном и нравственном воспитании учащихся. В то же время вопросы формирования у подростков заботливого отношения к людям средствами народных традиций в условиях национальных школ и инновационных учебных заведений требуют более детального рассмотрения и освещения.

Анализ культурологической, психолого-педагогической литературы и наблюдения за школьниками позволяют рассматривать воспитание заботливого отношения к людям как одну из граней отношения человека к человеку, обществу, так как человеческие взаимоотношения влияют на морально-психологический климат общества, на результат труда, на здоровье и настроение людей. Если в человеке как в личности отсутствуют такие признаки заботливости, как доброта, отзывчивость, внимательность, милосердие, желание помочь окружающим, не дожидаясь просьбы, то он теряет свой авторитет среди людей.

Развивая российскую культурную и образовательную традицию, необходимо прежде всего возродить культуuroобразующий статус российского образования. Но культура не развивается вне человеческих общностей, выполняющих роль ее носителей и обеспечивающих ее трансляцию новым поколениям. Трансляция культуры осуществляется в основном через этнические и национальные общности.

«Национальная доктрина образования», принятая в 2000 году, определила основные идеи и задачи образования, среди которых развитие национальной культуры, гармонизация национальных и этнокультурных отношений, сохранение и поддержка национально-культурной самобытности народов России и гуманистических традиций российской культуры. В связи с этим сегодня особое значение приобретает изучение традиционной культуры в процессе этнокультурного, этнохудожественного образования.

Под этнокультурной направленностью образования в культурологических исследованиях понимается такая характеристика образования, которая показывает, в какой мере его цели, задачи, содержание, технологии воспитания и обучения ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального государства, способного к самоопределению в условиях современной мировой цивилизации.

Внутренние созидательные системообразующие возможности этнохудожественной культуры несут в себе огромный обучающий и воспитательный потенциал, значение которого трудно переоценить в современной образовательной ситуации. В реальном учебном процессе школы, студии, внешкольного образовательного учреждения роль практического интегратора (в терминологии М. Ю. Новицкой) разных ступеней и областей образования в единый непрерывный педагогический процесс могут взять на себя программы курсов «Наследие» (для дошкольного возраста), «Введение в народоведение» (для младших школьников), «Мир народной культуры» (для среднего и старшего школьного возраста). Все три курса построены на едином методологическом основании – комплексном освоении ценностно-смыслового содержания традиционной культуры с точки зрения трех философских проблем: «Человек и природа», «Человек и семья», «Человек и история». Это единое методологическое и мировоззренческое основание и обеспечивает непрерывность этнохудожественного образования при различиях в методике, обусловленных возрастными особенностями детей. Рекомендации по учету возрастной специфики в работе с дошкольниками и младшими школьниками представлены в учебно-методических пособиях и комплектах для курсов «Наследие» и «Введение в народоведение» [6].

В современном этнокультурном и этнохудожественном образовании следует учитывать и условия, в которых живут и воспитываются дети и подростки в настоящее время, окружающую среду и историческое прошлое народа. К примеру, для хакасских семей в городской местности сегодня специфичным является неоднородность национального состава, появление семей, в которых один из родителей принадлежит к другой национальности, что в отдельных регионах привело к потере многих национальных традиций и обычаев, культуры и языка. И все больше семей, живущих отдельно от представителей старшего поколения. Вот почему в воспитании

личности ребенка большое значение имеет культурное наследие народа, которое создано многими поколениями.

Необходимость исследования формирования заботливого отношения к людям обусловлена идеей воспитания человека в духе гуманизма. Источником воспитания высоконравственных людей является народное художественное творчество и самобытный фольклор. Современная социальная ситуация возрождает интерес к гуманистическим возможностям традиционной культуры. В фольклорной форме интегрируются, закрепляются и аккумулируются традиции, вырабатываемые этносом или его локальными группами. Мы имеем в виду этническое самосознание, этнические установки, историческую память (легенды, предания), передачу мифологических верований, традиций, осмысление обрядов, обычаев как элемент этнохудожественного образования, воспитания и интеграции стереотипов соционормативной культуры.

Среди основных задач сохранения народной культуры в современном образовании можно выделить те, которые направлены непосредственно на воспитание межкультурной толерантности:

- глубокое овладение учащимися культурой своего народа как непременное условие интеграции в иные культуры;
- формирование у учащихся представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание понимания сходства национальных культур и положительного отношения к культурным различиям;
- создание условий для «погружения» учащихся в культуру других народов;
- реализация деятельностного подхода в формировании и развитии умений и навыков взаимодействия с представителями различных культур.

В целом, содержание гуманитарных предметов общеобразовательных школ дает возможность детям и подросткам усвоить такие базовые понятия, как культурная традиция, российская культура, мировая культура, традиционная культура, различия между культурами, взаимовлияние культур, культура мира, взаимопонимание, согласие, солидарность, сотрудничество, толерантность, ненасилие и другие. Но новый подход к воспитанию межкультурного общения и сохранению традиционной культуры своего народа требует условий для формирования навыков толерантности, основанной на межнациональном и межкультурном диалоге. Если, опираясь

на мудрость этнопедагогики, принять за принцип выражение: «великое складывается из малых дел», то следует расширить возможность общения детей с культурой народов, проживающих на территории полиэтнических регионов. И это возможно как на уроках предметов гуманитарного цикла через введение в программы тем региональной тематики, так и в процессе внеурочных мероприятий, где может осуществляться прямое общение с носителями этнокультуры.

В заключение следует сказать, что в ходе освещения данной проблемы выявлена необходимость использования национально-культурных традиций в современном воспитании и образовании. Этнокультурный фактор в жизни народа, страны, человека – это вовсе не мифическое чувство, а веками сформированные и сформулированные в базовых понятиях и установках народа, страны духовность, память, традиции, сознание, нравственность и культура. Сказано: «На высохших корнях дерево не плодоносит». «Человек без роду и племени» – это человек, всегда готовый к конфликтам и к войнам, говорили древние мудрецы. «Самое страшное – это когда загрязняются родники», – говорят на Кавказе. И это все не просто слова, а мудрость человеческого опыта, которым не следует пренебрегать. Народные культуры нашей страны – это родники многонационального народа Российской Федерации. Духовно-нравственный, культурно-исторический потенциал – это великое достояние страны, человечества. Это мощная корневая система, на которой держится человеческая цивилизация.

Особое место в распространении знаний о традиционной культуре и воспитании детей и подростков на основе воплощенных в ней духовно-нравственных ценностей и идеалов должны занять дошкольные учреждения, школы, центры дополнительного образования. В настоящее время эта работа проводится. И наша с вами задача продолжать этот путь просвещения.

Литература

1. Кон И. С. Психология ранней юности: Кн. для учителя / И. С. Кон. – М.: Просвещение, 1989.
2. Национальная школа: Концепция и технология развития // Матер. Междунар. конф. / сост. А. Д. Николаев и др.: под. ред. Е. П. Жиркова. – М., 1993.

3. Немов Р. С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 2 кн. – Кн. 2: Психология образования / Р. С. Немов. – М.: Просвещение: Владос, 1994.

4. Народная художественная культура: учеб. для вузов. / под науч. ред. Т. И. Баклановой и Е. Ю. Стрельцовой. М., 2000.

5. Сахипова Р. А. Воспитание и обучение на традициях народной педагогики. Учебное пособие. Москва-Воронеж, 2005.

6. Новицкая М. Ю. Ценностно-смысловой потенциал этнохудожественной культуры и его системообразующая роль в едином Российском образовательном пространстве // Материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. – Шуя, 2005. – С. 27–28.

ТРИ ФАКТОРА (ТРИАДА) ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭКСКУРСИОННОЙ РАБОТЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

М. А. Киселева

В современных условиях модернизации отечественного образования размываются жесткие рамки прежней унитарной педагогической системы: наблюдается активное интегрирование образовательных учреждений разного типа и продуктивность их сетевого взаимодействия в социокультурной сфере. Ориентация на подлинную открытость системы российского образования обозначило актуальность проблемы взаимодействия краеведческих музеев и образовательных учреждений в современной экскурсионной практике.

Предметом исследования статьи выступает интеграция культурно-образовательных учреждений (краеведческий музей – учреждения образования) в экскурсионно-краеведческой работе.

Целью является изучение трех факторов сетевого социокультурного взаимодействия: психолого-педагогического потенциала экскурсии; лично-ориентированной педагогической парадигмы; образовательного ресурса краеведческого музея.

Задача статьи состоит в раскрытии функциональной возможности триады факторов в системе «краеведческий музей и учреждение образования».

В историографии отечественного музееведения и экскурсионного дела проблема социокультурного взаимодействия образовательных учреждений (краеведческий музей – учреждение дополнительного образования) как на общероссийском, так и на региональном уровне не стала предметом монографического исследования. Незавершенность темы сетевого взаимодействия краеведческих музеев и учреждений дополнительного образования определяет целесообразность ее изучения [см. 1, 4–6, 8–9].

В качестве теоретико-методологической основы сотрудничества культурно-образовательных учреждений рассматривается теория «коммуникативного действия», акцентирующая внимание на процессе общения как ключевом факторе социального развития (автор немецкий философ Юрген Хабермас) [7, с. 200–206]. Коммуникативное действие, отмечает Ю. Хабермас, – это круговой процесс социализации, который сохраняет традиции и обновляет культурный потенциал через общение, обсуждение и взаимопонимание участников коммуникации. Обмен опытом и социальными смыслами, формируя личностную позицию и саму личность, выступает в гносеологическом контексте в качестве теории познания, поскольку передаваемое участниками коммуникации друг другу содержание обретает характер знания. В контексте данной теории раскрываются функциональные возможности триады факторов системы «краеведческий музей и учреждение образования», их взаимодействие и взаимосвязь в обеспечении продуктивности непрерывного экскурсионно-краеведческого процесса общения.

В выявлении факторов, определяющих взаимодействие культурно-образовательных учреждений (краеведческий музей – учреждение образования), ведущая роль принадлежит комплексному подходу [3, с. 68]. Он позволил определить в общей совокупности факторов (моментов, аспектов, сторон и т. д.) основополагающий, от которого зависят другие, выступающие в качестве подчиненного ему как главному и решающему, – это психолого-педагогическое содержание экскурсии, которое включает в себя: во-первых, психические процессы восприятия экскурсионного материала; во-вторых, познавательное и воспитательное значение экскурсии;

в-третьих, дидактическое ядро (признаки, принципы, функции); в-четвертых, методику проведения.

Экскурсия как процесс познания состоит из чувственного познания (ощущения, восприятия, представления) и логического познания (мышления). Познание начинается с возникновения контакта органов чувств человека с объектом. Восприятие наблюдаемых объектов происходит на основе зрительных, слуховых, осязательных ощущений – с их помощью формируется представление. Процесс познания продолжается в абстрактном мышлении экскурсантов. На этой основе они приходят к выводам. В результате сосредоточенность внимания и единство переживания способствуют углубленному восприятию разбираемого материала.

Таким образом, восприятие экскурсионного материала основано на сочетании трех видов психических процессов, взаимосвязанных между собой: познавательных (ощущение, представление, мышление, воображение); эмоциональных (переживание); волевых (усилие для сохранения внимания, активизация работы памяти). Это позволяет рассматривать экскурсию в качестве важнейшего канала ретроспективной информации.

Познавательное и воспитательное значение экскурсии состоит, во-первых, в конкретизации знания, выработке правильного представления о закономерностях развития природы и общества, расширении кругозора, повышении культуры, развитии познавательных способностей. Во-вторых, удовлетворяя потребности в конкретизации, «овеществлении» знаний, экскурсия одновременно содействует их упрочнению и углублению. В-третьих, обогащая впечатления, экскурсия позволяет ощутить черты эпохи, отраженные в памятниках, окунуться в ее быт, культуру, «увидеть» ее современников, «услышать» их, представить ход и характер события, приобщиться к прошлому, лучше понять современность, зримо ощутить будущее. Предметность, конкретность, образность экскурсионного раскрытия темы содействуют созданию устойчивых представлений и понятий как об отдельных событиях и об их участниках, так и о типологических явлениях.

Дидактическая составляющая экскурсии (признаки, принципы, функции), включающая экскурсовода и посетителя в субъект-субъектные отношения, эффективно реализует познавательно-воспитательные возможности системы «краеведческий музей – учреждение образования».

Признаками экскурсии являются: наличие целей и задач; объекты экскурсионного показа – подлинные музейные предметы; наличие группы и квалифицированного специалиста – экскурсовода; приоритет зрительного и вербального восприятия; передвижение по заданному маршруту в специально организованном пространстве; протяженность во времени; дифференцированный подход к группе.

Принципами экскурсии, определяющими педагогический экскурсионный процесс, его содержание, организацию, методику обучения экскурсантов, являются: научность, идейность, связь с жизнью, доступность, системность, доходчивость и убедительность. Их следует рассматривать в совокупности, т. е. во взаимной связи друг с другом.

Широкий круг объектов показа, многоплановая тематика, методика ведения, профессиональное мастерство экскурсовода определяют полифункциональность экскурсии. Можно говорить о реализации функции научной пропаганды; функции формирования интересов; функции информации; функции расширения культурного кругозора; функции организации культурного досуга. Каждая из них играет неотъемлемую роль в процессе обучения и воспитания.

Методика экскурсии, раскрывая дидактическую составляющую, позволяет, с одной стороны, выполнять краеведческому музею его основную функцию – сохранение и трансляцию культурных традиций и наследия; с другой стороны, учреждениям образования применять в экскурсионной практике современную педагогическую концепцию, гуманистический характер которой определен главной целью – реализацией заложенного в молодом человеке личностного потенциала.

Методика современной экскурсионной практики, во-первых, исходит из четкого понимания единства познавательных и воспитательных целей, стремления к их достижению в целом и применительно к каждой отдельной экскурсии. Во-вторых, построена с учетом законов и требований логики, в числе которых определенность, непротиворечивость, последовательность, обоснованность, и с учетом действия основных законов мышления: закона тождества (всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественной сама себе); закона противоречия (две противоположные мысли не могут быть истинными в одно и то же время, если они относятся к одному и тому же предмету или явлению и по своему содержанию проти-

воречат друг другу); закона исключенного третьего (между утверждением и отрицанием чего-либо нет ничего третьего); закона достаточного обоснования (всякая мысль должна быть обоснованной). В-третьих, индуктивные и дедуктивные методы показа (руководство восприятием демонстрируемых предметов) и рассказа (руководство восприятием опосредованных элементов содержания экскурсии) реализуются в экскурсионной практике через пять уровней перехода от прямого дедуктивного объяснения, возможного при наличии достаточных знаний, к вероятному объяснению при отсутствии достаточных знаний: первый – объяснение фактов из известных теоретических знаний; второй – объяснение фактов на основе перестройки ранее усвоенных знаний и их комбинирования; третий – высказывание способа объяснения в форме дедуктивной догадки в тех случаях, когда объяснение невозможно первыми двумя путями; четвертый – объяснение с помощью моделирования (индуктивно-дедуктивным путем) или аналогии; пятый – объяснение индуктивное, оно применяется при отсутствии возможности использовать моделирование или аналогию. Логическая схема при пятом уровне объяснения представляет собой следующее: вначале формулируется гипотеза, затем она в процессе приложения к новым фактам, объясняя их, превращается в доказательное понятие, умозаключение. Как и на первом уровне, в свете общего положения рассматриваются частные, отдельные факты и явления. В конце объяснения экскурсовод, возвращаясь к исходной точке, делает вывод.

Основной особенностью экскурсионной методики является живое, непосредственно-чувственное (зрительное, слуховое, мускульное) восприятие и связанные с ним эмоции. На конкретной основе непосредственных и непрерывных чувственно-наглядных представлений экскурсия осуществляет познание сущности явлений, отношений, связей, взаимодействий, поэтому наглядно-образное мышление на экскурсии приобретает основное значение по отношению к словесно-понятийному. В связи с этим в процессе экскурсионного восприятия значительно повышается роль дидактических принципов наглядности и конкретности. Наглядность экскурсионного восприятия основана на показе и зрительном восприятии реально существующих памятников и памятных мест, а также некоторых вспомогательных наглядных пособий. Конкретность экскурсионного восприятия обу-

словлена четкой определенностью объектов и связанного с ними содержания.

Подлинность, наглядность, конкретность экскурсионных объектов, достоверность связанных с ними фактов придают экскурсионному материалу убедительность и облегчают осуществление дидактического принципа социокультурного соответствия (сообразности). Локальная культура представляет собой тот строительный материал, тот источник, осваивая который растущий человек сам приобретает свойства культурности, культуросообразности, становится носителем, преемником и творцом культуры. Целенаправленное и планомерное наблюдение объекта и раскрытие его содержания подводит экскурсантов к осознанному восприятию выводов и обобщений. Здесь открываются большие возможности для развития навыков самостоятельного понятийного мышления.

Предметность и наглядность экскурсионной методики полностью соответствует сущности музея. Опора только на подлинные памятники духовной и материальной культуры обеспечивает достоверность и убедительность экспозиции.

Основополагающим фактором взаимодействия краеведческих музеев и образовательных учреждений в сфере экскурсионной работы выступает психолого-педагогическое содержание экскурсии, которое определяется психическими процессами восприятия экскурсионного материала, познавательным и воспитательным значением экскурсии, присущими ей признаками, принципами, функциями, выступающими в практике в тесной взаимосвязи и реализуемыми экскурсионной методикой.

Ведущий фактор – психолого-педагогическое содержание экскурсии – присутствовал изначально в практической деятельности культурно-образовательных учреждений. В досоветский период – это активизация в учебно-воспитательном процессе познавательной деятельности учащихся. В советский период дидактическая эффективность экскурсии использовалась коммунистической идеологией. На рубеже XX–XXI вв. модернизация отечественного образования востребовала психолого-педагогический потенциал экскурсии в формировании мотивированной компетентной личности.

Концепция модернизации российского образования обозначила современную педагогическую парадигму – личностно-ориентированное обу-

чение, которое выступает в качестве второго фактора взаимодействия краеведческих музеев и учреждений образования в сфере экскурсионной работы. Личностно-ориентированная парадигма наиболее эффективно раскрывает фундаментальность деятельности краеведческого музея в предотвращении утраты реликтов природы и культуры, в обеспечении связи веков, в сохранении локальных национально-культурных традиций и наследия. Наполняя экскурсионное поле эмоционально-смысловым содержанием, «снимающим» объективное значение краеведческого материала, и выявляя в нем субъективный смысл, новая личностная парадигма реализует идею «живого знания». Познание сливается со смыслообразованием, с выработкой собственного отношения. Здесь в подлинном смысле «любить означает знать». Эффективность усвоения экскурсионного материала возрастает, поскольку оно обретает личностный смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта индивида.

Сущность личностно-ориентированной парадигмы раскрывается в гуманистических подходах (таких, как личностный подход, деятельностный подход, социальная направленность и коллективистский подход, целостный подход, оптимизационный подход, творческий и инновационный подходы), а также в принципах обучения, среди которых: принцип развивающего и воспитывающего обучения, принцип социокультурного соответствия, принцип научности и связи теории с практикой, принцип систематичности и системности, принцип сознательной активности учащихся, принципы наглядности, доступности и прочности, принцип положительной мотивации и благоприятного эмоционального климата, принцип сочетания индивидуальных и коллективных форм обучения.

Исключительная роль современной педагогической концепции состоит, во-первых, в изменении содержания экскурсионной работы, которая направлена на реализацию и самореализацию заложенного в молодом человеке личностного потенциала; во-вторых, в активизации познавательной деятельности детских экскурсионных групп в культурно-образовательном пространстве краеведческого музея. В контексте личностно-ориентированной парадигмы экскурсия сосредоточена на внутреннем мире посетителя, на его чувственно-эмоциональной сфере – экскурсант воспринимается не как объект воспитательного воздействия экскурсовода, а как равноправный субъект. В-третьих, личностно-ориентированная концепция

обеспечивает непрерывность экскурсионно-краеведческого процесса в универсальной системе «краеведческий музей – учреждение образования».

Таким образом, второй фактор взаимодействия краеведческих музеев и учреждений образования – личностно-ориентированная педагогическая парадигма – реализуется через способы активизации познавательной деятельности при учете психолого-возрастных особенностей основной музейной аудитории – детей, что содействует развитию интеллектуального и духовного потенциала личности. Личностно-ориентированный экскурсионно-краеведческий процесс создает полноценные условия для человекоразмерной трансляции социокода (или пайдейю – культурную среду, реализующую идею человекоразмерности в полном объеме).

Педагогика, являясь посредником между музеем и человеком, оживляет музейные экспозиции, обосновывает механизмы включения человека в мир культуры с помощью музея. И сегодня современная педагогическая парадигма, актуализировав идеи гуманизма, патриотизма, толерантности как средства социального и культурного конструирования гармоничных связей и структур общественного сознания для решения проблем соотношения национальных и общечеловеческих ценностей в образовании, воспребовала культуросозидающий потенциал краеведческих музеев. Данный потенциал в современном образовательном пространстве сохраняет, воспроизводит и транслирует локальную специфику «национально-культурного мира», что в условиях глобализации, интернационализации является важнейшим фактором духовной безопасности российского общества. Ибо утрата социокультурной самобытности неизбежно ведет к потере своего особого места в общемировой семье культур и цивилизаций и, в конечном счете, – к существенному ослаблению экономических и геополитических позиций.

Уникальность краеведческого музея как механизма социокультурной коммуникации выступает в качестве третьего фактора взаимодействия культурно-образовательных учреждений в сфере экскурсионной деятельности.

Во-первых, представляя собой неотъемлемую часть духовной жизни общества, краеведческий музей принял на себя ценностные установки вариативной, развивающейся, смысловой системы личностноразвивающегося обучения: формирование человека, способного осуществлять преобра-

зование мира и умеющего творить, созидать, проявлять свою индивидуальность. Исходя из этого, музей строит свою методологию и методику в современном образовательном процессе. Краеведческий музей правомочно считать институтом социально-культурной деятельности, дополняющим и углубляющим работу учебно-воспитательных учреждений, он включает экскурсовода и посетителя в субъект-субъектные отношения, реализуя свои образовательно-воспитательные возможности при помощи средств педагогики сотворчества.

Во-вторых, в условиях, когда информационное общество столкнулось с достаточно сложной проблемой качества информации и способности ее критического восприятия, краеведческий музей выступает уникальным учреждением, которое может лучше других справиться с этой проблемой: музей опирается только на подлинные памятники материальной и духовной культуры, что обеспечивает достоверность и убедительность его культурно-исторической информации. В такой объективно создавшейся ситуации представляется важным не только усиление педагогической деятельности краеведческого музея, но и ее координация с другими учреждениями в социально-культурной сфере.

В-третьих, являясь открытой информационно-педагогической системой, обеспечивающей историко-патриотическое, нравственно-эстетическое, эколого-охранительное просвещение, опираясь на первичные источники информации, краеведческий музей становится необходимым каждому учебному заведению в реализации его учебно-воспитательных задач.

Экскурсионно-краеведческий материал может быть исследовательским и прикладным, носить общественно-полезный и образовательно-воспитательный характер. На основе экспозиции музей способен дополнить и обогатить любую вербальную информацию педагога, закрепить и углубить имеющиеся знания, преобразовать их в соответствующие убеждения, сделать сам процесс образования предметным, наглядным и осязаемым. Именно краеведческий материал, подчеркивал профессор Д. В. Кацюба, является благоприятной почвой для соединения теории с практикой, для формирования высшей формы активности и самостоятельности познания. Он вносит в преподавание большую конкретность, убедительность и наглядность, активизирует мыслительную деятельность учащихся, помога-

ет более осознанному усвоению самых сложных тем социально-политического, экономического и культурного характера [2, с. 6].

Таким образом, ориентированный на целенаправленное и последовательное просвещение учащейся молодежи краеведческий музей создает своеобразное музейно-педагогическое пространство, которое позволяет эффективно решать образовательно-воспитательные задачи, используя принципы диалогизма. Последние в современной экскурсионной практике наиболее полноценно реализуются в системе «краеведческий музей – учреждение образования».

Сочетание первого фактора (психолого-педагогический потенциал экскурсии, ее дидактическая составляющая) и второго фактора (личностно-ориентированная педагогическая парадигма) позволяет продуктивно раскрыть значимость третьего фактора – образовательного ресурса краеведческого музея.

Итак, комплексный подход позволил определить триаду интегрированной модели экскурсии, которая включает: первое – психолого-педагогический потенциал экскурсии; второе – личностно-ориентированную парадигму; третье – культуросозидающий потенциал краеведческого музея. Взаимодействие и взаимосвязь трех факторов концептуализирует (сущностно определяет) интегрированную модель экскурсии как аутентичную, наглядную и активную форму освоения локальной социокультурной реальности, что, в свою очередь, и определяет ее прикладной инновационный характер.

Литература

1. Бостанджогло М. М. Социально-педагогическое сопровождение краеведческой экскурсии подростков: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Кострома, 2004. – 18 с.
2. Кацюба Д. В. Историческое краеведение в школе и вузе. Кемерово, 1994. – С. 6.
3. Кедров Б. М. Классификация наук: прогноз К. Маркса о науке будущего. – М.: «Мысль», 1985. С. 68.
4. Основы экскурсионного дела в музеях: сб. статей / под ред. Ф. Л. Курлат, М. А. Казариновой, Н. Н. Злацен. – Труды НИИ культуры. – М., 1976. – Вып. 1. – 150 с.

5. Пашкова Е. Ю. Исторический опыт организации туристско-экскурсионной работы в Алтайском крае в 1960-е – середине 1980-х гг.: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2007. – 24 с.

6. Писцов К. М. Экскурсии как компонент культурно-просветительской политики в первое десятилетие советского государства: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2001. – 22 с.

7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. – С. 200–206.

8. Шпаченко И. А. Теоретическое обоснование и реализация комплексной модели образовательного процесса в музейно-экскурсионной среде: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Томск, 2003. – 21 с.

9. Ягодковская И. В. История становления и развития экскурсионного метода в российском образовании: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2007. – 25 с.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МИФОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ И
ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХ**
(на материале политики и масс-медиа)

А. С. Двуреченская, Ж. С. Громова

Миф представляет собой сложный культурный феномен, принимающий в истории человечества самые различные формы. XX век показал исключительное значение мифологии не только для сознания первобытных народов, но и для культуры человечества в целом. Разочарование в рационалистическом мировоззрении, которое не способствовало избавлению человека от чувства социальной нестабильности, крушение основ привычного образа жизни, ощущение негативных последствий разворачивающегося технического прогресса, мировые войны – все это явилось катализатором для усиления мифологического контекста. Однако и современная культурная действительность наполнена мифологическими конструкциями не в меньшей степени, чем традиционные общества. Миф превратился в одно из эффективных средств политического воздействия, что обусловлено тенденциями глобализации, информатизации и демократизации, приведшими к глубоким изменениям в культурной, технологической и социально-политической сферах жизни общества.

Термин «миф» зарубежные и отечественные исследователи трактуют по-разному. Если не вдаваться в теоретические дискуссии, следует обозначить три основные представления о мифе, распространенные в гуманитарных науках. Во-первых, архаический миф, главным признаком которого является синкретизм. Это упрощенная образная схема мира, объясняющая и предписывающая определенный образ действий. Во-вторых, художественный миф, своеобразие которого выражается в различных видах искусства. В-третьих, миф социальный, вызванный к жизни процессами ремифологизации и усиления светского начала в европейской и российской культурах. Особенно ярко социальный миф проявляет себя в XX веке, используя искусственно возрожденные механизмы архаического мифа. Нас будет интересовать именно социальный контекст мифа.

В XX веке во всем мире произошло оживление мифологических пластов человеческого сознания, возможное в любом обществе и на разных уровнях общественного развития. Причиной этого «оживления», в первую очередь, стал выход на мировую арену новых субъектов истории, получивший у испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета название «восстание масс». Одним из свойств массового сознания является его мифологичность. Уход в миф становится альтернативным вариантом для общественного сознания, которое пресытилось чрезмерной рациональностью европейской культуры.

В порожденных XX веком тоталитарных обществах миф, тесно связанный с идеологией, занимает конституирующее положение. Для носителя традиции миф является объектом веры и как таковой не нуждается в верификации; скорее, наоборот, миф всячески оберегается от тех явлений действительности, которые могли бы посеять в нем сомнение. Мифологический объект выше критики, выше всего, что окружает человека в повседневной жизни, и в то же время он придает ей смысл и приобщает к сакральным ценностям. Однако если в традиционных мифах объектом мифологизации являются боги, культурные герои или предки, то в мифах XX в. – реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого. Политические мифы не наследуются из глубины веков, но создаются определенными людьми или группами людей. Эти люди опираются на научные теории своего времени, стремятся придать политическим мифам видимость правдоподобия и наукообразия.

Тоталитарная мифология требует, чтобы в нее верили безоговорочно, принимали ее как должное, без рассуждений. Для мифологических образов и символов характерна высокая степень эмоциональной насыщенности. Они вызывают у человека не размышления, а смешанное чувство любви и страха, обожания и ужаса. Характерные примеры таких мифологических символов – это образы вождей (например, Сталина или Гитлера), образ Родины-матери, знамя воинской части. Политическая мифология не отражает реальность и не стремится ее объяснить; она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. В условиях тоталитарного государства мифология стремится не только заместить собой реальность, но и физически ее уничтожить. Так, например, революция, совершенная именем народа, привела к массовому уничтожению того самого

народа, во имя которого она якобы совершалась. Отметим попутно, что столь милая К. Марксу идея революционного преобразования мира несет в себе глубокий мифологический подтекст.

Политическая мифология оперирует не отвлеченными категориями, а доходчивыми, визуально представимыми образами ("враг", "товарищ" и др.). Она апеллирует не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, к его личному психологическому опыту (не случайно так значимы в политической мифологии образы отца, матери, брата, сына). Она мало проницаема для опыта и для критики извне. Напротив, именно стойкая убежденность, готовность умереть за свои идеалы считаются наивысшим подвигом и достоинством. Политическая мифология становится важнейшим средством консолидации общества и противопоставления "своих" и "чужих". Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. В этом отношении политический миф глубоко дегуманизирован; он внушает человеку мысль о том, что его индивидуальная жизнь ничтожна по сравнению с теми задачами, которые стоят перед партией и государством.

Тоталитаризм превращает свою идеологию в своеобразную мифологию, поскольку приписывает ей абсолютную истинность, считая любые другие взгляды в лучшем случае ложными, а в худшем – враждебными. Такое отношение распространяется и на науку, которая призвана подтвердить на конкретном материале справедливость данной идеологии и ложный характер любого другого взгляда на вещи. Государство утверждает свою идеологию с помощью репрессий и распространяет ее посредством внешней агрессии, вмешательства в дела других государств. Закономерно формируется образ своего государства как осажденной крепости, со всех сторон окруженной врагами. При этом и внутренние проблемы объясняются происками внешнего врага, а несогласные объявляются шпионами иноземных держав. Своему же государству придается мессианское значение. Считается, что это не просто одно из существующих государств, но самое лучшее и передовое; оно представляет собой образец для других государств и народов.

С политической мифологией связан особый механизм управления людьми: они должны не просто бояться наказания и подчиняться прика-

зам, но искренне и глубоко верить в необходимость и справедливость такого положения вещей, которое обрекает их на жертвы и лишения. Советская литература и искусство талантливо разработали такую тему, как этика и даже эстетика жертвы, необходимой для достижения великой цели – светлого будущего всех трудящихся. Отсюда образ, известный во множестве литературных и изобразительных воплощений: отряд уходит вдаль, не заметив потери убитого бойца. Предполагалось, что жертвы не только оправданны, но и необходимы, причем более всего ценилось принесение в жертву самого себя – самопожертвование.

Ту идеологию, которая была создана в нашей стране в сталинский период, вполне обоснованно можно назвать тоталитарной мифологией. Явно мифологический характер имело учение о коммунистическом будущем человечества (своеобразная модификация христианской мифологемы Царства Божия на земле) или учение о мессианском предназначении рабочего класса. Сакральное значение приписывалось таким ценностям, как народ, партия, социализм, Родина (с уточнением – "социалистическая" Родина), марксизм (с уточнением – "единственно правильное учение"), государство (с уточнением – "государство рабочих и крестьян"). Человеку предписывалось любить товарища Сталина, верить в грядущее торжество мировой революции и ненавидеть капиталистическое окружение. При этом отрицалась религия (которая именовалась "поповщиной") и демократические ценности (которые именовались "псевдогуманизмом") [8, с. 63].

Советский миф об исключительности социалистической системы, её превосходстве служит для коллективного сознания на данном историческом этапе механизмом защиты и компенсации в процессах самоопределения и соотнесения с фигурами значимых «других». Отсюда понимание «избранности» страны среди других государств. Речь идёт о воображаемых структурах символической идентификации, а не об инструментальном достижении программных коллективных целей и не об адаптивном опыте постепенного втягивания страны в современный мир. Образ национально-государственной исключительности выражается в лозунгах или словах из песен и гимнов: «Все будут как мы»; «Наша страна – лучшая в мире!». Исследователь Б. Дубин считает, что реального сплывающего значения в социально-политической жизни данный смысловой комплекс никогда не имел [см. 4]

Тоталитарная мифология, как бы ни относился к ней простой человек, абсолютно доминировала в масштабах государства. Она была замкнутой и монологической; она требовала не столько понимания, сколько запоминания и веры, убежденности. Она не терпела критики, которую непременно считала враждебной, и делала ставку на физическое устранение оппонентов. В советских мифологемах происходит дальнейшее развитие ряда общих черт архаического мифа, начатое в предреволюционной художественной культуре. Тоталитарное общество использовало в своей культуре такие фундаментальные категории мифа, как космологические описания сотворения мира в форме «добывания» культурными героями элементов природы, борьбы богов и героев с демоническими силами или создания человека нового типа. Большую роль играли трансформированные мифы о силах природы, стихиях, временах года. Все это привело к формированию так называемых календарных мифов, имеющих большое значение в жизни советского общества. Так, ежегодное празднование дня Октябрьской революции имеет аналогию с праздником Нового года — креационного акта «творения» новой жизни. «Повторение этого ритуала связано в мифологическом мышлении со страхом перед будущим, существованием не в последовательном линейном, историческом, а в мифологическом времени» [5, с. 90]. Значительную роль в формировании советской мифологии играли различные биографические моменты: рождение одного человека (вождя) или целых коллективов; инициация (посвящение в полновозрастный статус), приравняемая к вступлению в различные молодежные организации по достижению определенного биологического возраста; большая роль смерти, четкость в оформлении её дихотомической оппозиции к жизни.

Тоталитарные культы, согласно концепции Е. А. Торчинова, относятся к вторичным мифологическим системам. «Они являются одновременно элементами религиозных структур, которым сопутствуют различные трансперсональные состояния» [10, с. 188]. В литературе, посвященной современному мифу, часто встречается сопоставление религиозного мировоззрения и тоталитарной системы, в частности, культа Сталина. Это позволяет расценивать в качестве религиозных такие экстатические состояния, как свойственное советскому тоталитарному режиму обожествление вождя, экстаз при его появлении или упоминании, впадение в массо-

вый транс и отдельные самоубийства при его похоронах, превращение многих советских церемоний в последовательные ритуалы.

В советской тоталитарной культуре архаические мифы причудливо смешались с элементами христианства. Не маловажен здесь еще и особый характер русского православного христианства, имевшего стойкий языческий оттенок и сохранившего элементы мифологического сознания. Специфические особенности мифологического сознания советских людей, отражающие их реакцию на происходящие в стране процессы, выразились в народном повествовательном творчестве – стихах и песнях народных сказителей. В них конструировался образ вождя – солнца, зари, для описания его величия использовались метафоры «орел», «птица», «скала», происходило сравнение с животным или предметом, символизирующими силу и мощь.

«Образ Сталина в творчестве народных поэтов нередко носил следы национальных, внутриэтнических мифологических символов, построенных, правда, по принципам общих мифологем. Такого рода творчество было официально признано и поощряемо сталинским режимом, как демонстрировавшее поддержку и полное принятие политики коммунистической партии самыми широкими народными кругами. Одним из самых интересных вопросов в проблеме изучения мифа в советской культуре является предположение о его намеренном, осознанном использовании в вопросах политики и культуры» [5, с. 27]. Процессы, происходящие в первые после-революционные годы, позволяли непосредственно наблюдать рождение и развитие нового мифа. Одной из причин намеренного заимствования элементов архаических мифов, является, по мнению большинства исследователей, бедность собственно коммунистической идеологии и одновременно желание через традиционные, присущие человеческому сознанию мифологические конструкции легитимизировать свою власть. Мифы о Сталине, безусловно, являлись основной составляющей советской политической мифологии.

Единство советского человека и общества в партийно-государственной системе представляло собой некий символ веры советского времени, поскольку от его имени проходил любой партийный съезд и общественное мероприятие, – «народ и партия едины». Этот миф о слитности партии и народа напоминал старую формулу о единстве правосла-

вия, самодержавия и народности. Цель создания нового коммунистического мифа осознанно преследовалась, в частности, в области литературы. Так, М. Горький, роль которого в становлении пролетарской идеологии трудно переоценить, призывает к необходимости изучения мифологии, «поскольку это явление на уровне идеологических представлений режима соответствовало оценке и трудовых достижений, и будущего технического прогресса в Советском Союзе» [7, с. 123]. Реализации этой же цели способствовало и предложение Горького создать «новую» мировую литературу. Суть его заключалась в следующем: в рамках ста предложенных тем сто выбранных писателей (число здесь, несомненно, символично) должны были переписать известные мировые произведения, дабы упростить их для постижения победившего пролетариата и таким образом вооружить его духовно для подготовки мировой революции. В конечном итоге эта литературная мифологическая серия должна была быть увенчана устными легендами о Ленине, представляющими аналог традиционных легенд об основателе государства. В различных формах творчества революционной России и в сформировавшемся позднее стиле социалистического реализма мифологические конструкции проявились достаточно широко. Как отмечает Ж. Ф. Коновалова, даже под термином «социалистический реализм» в советской культуре скрывалось «создание мифического мира, мало связанного с реальностью» [там же, с. 123].

Таким образом, по определению культуролога Е. Г. Соколова, СССР представлял собой «сакральную цивилизацию – сообщество мистической сопричастности к реализации масштабного проекта (созидания утопического миропорядка в будущем), вне которого его бытие теряло всякий смысл» [9, с. 151]. Советская мифология включала многочисленные традиционные элементы, органично связанные между собой и приобретающие системный характер: мифологические способы организации пространства, мифоритуальные идеи карнавала, представления о наличии демиургов-культурных героев, ново-классические ритуалы перехода, феномен близнецства, магию начала первого дня, традиционную знаковую мифообразующую роль числа, звука. Традиционные мифологические основы были заложены и в политическую структуру советского общества.

Начало 90-х гг. XX столетия в отечественной культуре проходило под знаком ускоренного распада единого СССР на республики, в которых

проявлялись отдельные национальные культуры. Исчезает общий стержень культурной жизни – централизованная система управления и единая культурная политика. Определение путей дальнейшего культурного развития стало делом самого общества и предметом острых разногласий. Диапазон поисков чрезвычайно широк – от следования западным образцам до апологии изоляционизма. Отсутствие объединительной социокультурной идеи воспринимается частью общества как проявление глубокого кризиса, в котором оказалась российская культура к концу XX в. Другие считают культурный плюрализм естественной нормой цивилизованного общества. Постсоветская Россия в определенном смысле возвращается к идее внутреннего и внешнего самоопределения, которая была столь актуальна в первой половине XIX века.

Сегодня в отечественной культуре существует не одна мифология, а множество мифов и мифологем, причем продолжительность их существования может быть весьма незначительной: они возникают, конфликтуют друг с другом и столь же быстро исчезают или трансформируются во что-то иное. Современные мифы, как правило, охватывают не все общество в целом, но отдельные группы населения (социальные, территориальные, половозрастные, религиозные, этнические и др.). Эти мифы различны по своему происхождению: среди них есть и те, которые опираются на отечественные традиции, и те, которые представляют собой инновации (например, связаны с влиянием западной массовой культуры). Они различаются также по продолжительности существования: от мифов-однодневок, которые поражают общественное сознание на неделю-другую, до мифов, которые продолжают многовековые традиции (как, например, религиозные мифы православия или ислама).

Можно отметить четыре основные группы современных мифов [см. 6]:

1) мифы политической и общественной жизни, которые создаются политиками, партиями, журналистами;

2) мифы, связанные с этнической и религиозной самоидентификацией (например, различные мифы о России и православии, их прошлом и современном состоянии);

3) мифы, отражающие внерелигиозные верования (например, мифы об НЛО и инопланетянах, о снежном человеке, о всемогущих экстрасенсах-целителях и т. д.);

4) мифы массовой культуры и среди них, несомненно, центральный – миф об Америке и американском образе жизни.

Жители развитых стран верят в существование инопланетян и «летающие тарелки». Это массовое поверие – не что иное, как один из самых распространенных мифов XXI века. Подобная мифология стала возможна благодаря развитию науки, фантастической литературы и достижениям в области покорения космоса. Существенно повлияла на развитие современной мифологии литература жанра фэнтези. Ее влияние увеличили фильмы с компьютерными спецэффектами, превратившие фэнтези в один из самых популярных жанров. Многие культовые произведения дают начало целым ответвлениям мифологии, которую создают фанаты. Она находит свое проявление в ролевых играх, творениях литературных подражателей и т. п. Следует отметить, что по определению фэнтези является авторской сказкой, то есть с точки зрения жанровой природы фэнтези стоят очень близко к традиционной сказке, представляющей собой мифологическое явление.

Следует отметить, что унаследовало и многократно увеличило мифологичность киноискусства телевидение – новое средство электронной коммуникации. В России, как и во всем мире, телевидение является наиболее влиятельным средством массовой информации. С помощью телевидения создается виртуальная, мифологическая реальность, которая навязывается миллионам телезрителей. Телевидение снижает критичность к информации, предоставляемой воспринимающему объекту. Телезритель принимает чужой взгляд на вещи и события, происходящие в мире, за свой собственный. Здесь можно усмотреть реализацию мифологической модели, известной, в частности, по народным утопическим легендам о запретных или просто далеких землях: например, западный мир оказывается воплощенным земным раем, где мечта о грядущем блаженстве предстает уже осуществленной, точнее, перенесенной из плоскости временной в пространственную. В мифе в наиболее доступной форме реализуется потребность зрителя в позитивной информации. Эта способность телевидения делает его одним из самых действенных инструментов создания и разрушения политических мифов.

В настоящее время одним из существенных элементов массовой культуры является реклама, которая также, в свою очередь, выступает пространством для создания и распространения мифов на постсоветском пространстве. Средства массовой информации (СМИ) выполняют креативно-моделирующую роль, навязывая модели поведения, которые неизбежно становятся всеобщими. Стремление рекламы к превращению в миф тесно связано с ее глобальной задачей – созданием потребностей. Реклама создает мотивацию поступков, в значительной степени ограничивая выбор человека. Рекламные знаки указывают на отсутствующие вещи, их образы создают пустоту, ликвидировать которую и стремится покупатель. В данном случае реклама выполняет одну из главных функций мифа – упорядочение социума. Сила рекламы как формы трансляции мифов видится в опоре на глубинные архетипы национальной культуры, существующие в массовом национальном сознании, в менталитете народа, его характере. «Национальный характер понимается как система позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью данной нации» [3, с. 25]. Реклама внедряет определенную систему ценностей, конституирующих социальную иерархию, разделяя главное и второстепенное, высшее и низшее. При создании мифологической модели учитываются ценности, разделяемые большинством людей. Преимущественно это те ценности и чувства, которые восходят к архетипам. Реклама широко эксплуатирует чувства любви, надежды, силы, традиции, самосохранения, стремления к домашнему очагу и др. [2, с. 89].

В эпоху постмодернизма СМИ формируют тотальную модель коммуникации, в которой изначально заложена существенная мифологическая основа. Это проявляется в коллективности создания, трансляции и, главное, восприятия, свойственного новому типу сознания, характерного для порожденной СМИ массовой культуры. СМИ формируют пассивного в психологическом отношении человека (телевидение превращает человека из действующего, активно живущего – в наблюдающего за жизнью, неспособного к принятию решений), что, с одной стороны, соответствует мифологическому сознанию, а с другой – отвечает требованиям рекламы.

Одним из актуальных постсоветских мифов является миф о цивилизационном, культурном и религиозном самоопределении России. Современное мифотворчество – это не только создание культов и стереотипов

массового сознания, идеологий и техник манипуляции, но и формирование смыслового поля эпохи. «Советское» становится частью данного мифа. Более того, изменения последних двух десятилетий на массовом уровне не привели к принципиальным переменам в представлениях людей о ценностях их повседневного существования, привычном социальном порядке и механизмах его воспроизводства. Представления и практики постсоветского человека до сих пор определяются опытом «советского». Постсоветская действительность обращена не в будущее: современный человек интересуется не тем, каким будет его будущее, а тем, каким было его прошлое.

Современная мифология, в отличие от тоталитарной, не столь активно использует «арсенал» архаического мифа, так как она существует рядом с бурно развивающимся позитивным знанием, из которого имеет возможность черпать материал для построения своих образов и аргументов. Мифы в качестве реальности становятся содержанием сознания человека массового общества, откладываются в виде смыслов, значений, смыслового опыта как элементов жизненного мира. Мифы приобретают характер очевидности, реальности, естественности благодаря их постоянному повторению в мире повседневности, становясь некой матрицей, основой мировоззрения личности. Если тоталитарный миф статичен, то современные мифологемы динамичны и неустойчивы.

Таким образом, миф XX века в целом выступает в качестве политической технологии, связанной с манипуляцией массовым сознанием. При этом в тоталитарном мифе данная технология базируется на идеологии, а в современных мифах – на средствах массовой коммуникации. Если советская тоталитарная идеология была монокультурной и «закрытой» в отношении формирования и распространения конкретных мифологем, то в постсоветской действительности обнаруживаются общемировые тенденции информационного развития, тенденции и практики потребительского общества, вовлекающие в собственное содержание и «советский» ностальгический миф. В силу своей востребованности режимом потребительского общества «советское» подвергается в отечественной культуре дискурсивной переработке и репрезентируется, прежде всего, в медийных форматах.

Литература

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно- семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 237 с.
2. Геращенко Л. Л. Мифология рекламы. – М.: Диаграмма, 2006. – 459 с.
3. Гнатенко П. И. Национальный характер: мифы и реальность. – Киев: Вища школа, 1984. – 291 с.
4. Дубин Б. «Противовес»: символика Запада в России последних лет // Pro et Contra. – 2004. – Т. 8. – № 3. – С. 12–24.
5. Исупов К. Г. Тезисы к проблеме: Бахтин и советская культура // Бахтинский сборник. – 1997. – Вып. 3. – С. 22–29.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм. 2000. – 685 с.
7. Коновалова Ж. Ф. Миф в советской истории и культуре. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. – 311 с.
8. Сильнова Е. И. Образ Советской России: человек и общество в контексте национальной ментальности // Вопросы культурологии. 2010. № 5. – С. 61–65.
9. Соколов Е. Г. Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии // Метафизические исследования. 1997. – Вып. 2. – С. 143–166.
10. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 384 с.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МУЗЕЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СРЕДСТВАМИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О. В. Самаковская

В настоящее время вопросам развития цифрового контента и сохранения культурного наследия уделяется большое внимание на международном и российском уровнях. На современном этапе развития общества перед музеями, главными хранителями культурных ценностей, встает проблема расширения и изменения своей деятельности, в частности – в пере-

осмыслении способов управления, дальнейшего сохранения и продвижения культурных ценностей, предоставления доступа к своим коллекциям широким слоям населения, коммуникации, функционирования, как в традиционном, так и в глобальном информационном пространстве. Эти изменения в первую очередь продиктованы тенденциями развития современного общества.

Изменения, вызванные развитием информационного общества, как в культуре в целом, так и в отдельных культурных и социальных институтах, воспринимаются теоретиками и практиками неоднозначно: одни видят положительные стороны, другие, напротив, относятся с опасением к нововведениям. Изучение существующих подходов в исследовании культуры информационного общества, в том числе разных точек зрения на рассматриваемую проблему музейных специалистов, позволило определить, что большинство специалистов – современников говорят о необходимости преобразования музейной деятельности, в том числе с помощью использования современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Специалисты сходятся во мнении, что, эволюционируя в ходе общего развития культуры, музей ищет и выбирает пути своего развития, предопределенные самой культурой, отвечая требованиям времени и социокультурной ситуации в целом. Именно использование современных информационных технологий и средств коммуникации предполагает выход учреждений на совершенно новый уровень своего развития, не отвергающий традиционные направления деятельности музеев, а привносящий новые возможности их развития в современном информационном обществе.

Актуальность проблем, связанных с сохранением культурного наследия, в частности проблем сохранения и трансляции уникальной культуры сибирских народов средствами ИКТ, определила направление исследования музеев, содержащих этнографические коллекции. Научно-исследовательским институтом информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств совместно с Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» проведено социологическое исследование музеев, нацеленное на выявление уровня их информатизации и возможностей представления своих коллекций в мировом информационном пространстве. Объектом исследования явились музеи Западной Сибири, содержащие этнографические коллекции.

В исследовании принял участие 31 музей (36 % от общего числа музеев Западной Сибири, содержащих этнографические коллекции).

В ходе анкетирования собран фактический материал по этнокультурному наследию западносибирского региона, большая часть которого сосредоточена в музейных этнографических коллекциях. Музеи Западной Сибири имеют огромный этнокультурный потенциал. В западносибирских музеях сосредоточены важнейшие этнографические источники, которые характеризуют своеобразие традиционной культуры многонациональной Сибири. Однако дальнейшее изучение выявило в большинстве исследуемых музеев серьезные проблемы использования информационно-коммуникационных технологий, от которых напрямую зависит сохранность фондов, трансляция и доступность культурных ценностей.

Исследование показало, что в музеях активно используются как традиционные способы коммуникации (такие, как личные встречи (87 %) и официальные письма (74 %)), так и электронная переписка (68 %). В наименьшей степени музеи используют сеть Интернет для участия в телеконференциях (6 %).

В 74 % обследованных музеев отсутствует структурное подразделение, которое призвано выполнять разработку концепции информатизации музея, обеспечивать внедрение информационных технологий в музей, оказывать помощь музейным сотрудникам в освоении информационных технологий и эксплуатации информационной инфраструктуры.

Важнейшими показателями, определяющими возможности предоставления населению информационных ресурсов в области культурного наследия (в частности этнокультурного наследия), являются объемы электронных каталогов музеев, а также наличие сайтов в сети Интернет. Результаты исследования показали, что в 61 % музеев не ведется работа по оцифровке фондов этнографических предметов. Собственный сайт имеют лишь 32 % музеев (соответственно, информация об этнокультурном наследии, размещенном в фондах 68 % музеев, недоступна для широкой аудитории сети Интернет).

Исследование виртуального представительства этнографических музеев Западной Сибири в электронном информационном пространстве проходило путем анализа 15 музейных сайтов. В ходе анализа способов структурирования информации на сайтах выявлено 50 рубрик и подрубрик (раз-

делов и подразделов), определяющих общую структуру контента музейных сайтов, а также 11 компонентов, характеризующих функциональные возможности рассматриваемых сайтов. В рамках функционального подхода к исследованию выявленные на музейных сайтах рубрики были соотнесены с функциями музеев.

Анализ показал, что наибольшее количество рубрик (43 %), отражающих контент проанализированных музейных сайтов, содержат информацию справочного характера и предназначены, в первую очередь, для потенциальных посетителей музеев. 30 % рубрик в составе обследованных сайтов связаны с образованием и воспитанием, просвещением и популяризацией культурного наследия. Размещенная в соответствии с этими рубриками информация может быть полезна и интересна как для широкого круга пользователей, так и для специалистов. Однако результаты анализа свидетельствуют о том, что достаточно высокий процент наличия данных рубрик на сайтах не гарантирует качества размещаемой на музейном сайте информации. Лишь 13 % изученных сайтов дают пользователям возможность обращения к электронным каталогам музейных предметов, такая же доля сайтов располагает возможностью реализации коммуникативной функции. Слабое отражение находит на сайтах научно-исследовательская работа музейного учреждения (4 %). Таким образом, информация, которая по своему содержанию может быть полезной удаленным пользователям в их профессиональной и научно-исследовательской работе, отсутствует у большинства музейных сайтов. В ходе исследования была выявлена противоречивая ситуация: несмотря на то, что объектом анализа являлись сайты музеев, в фондах которых имеются этнографические коллекции, информация об этносах, то есть информация, специфичная именно для музеев этнографического профиля, оказалась представленной лишь на 27 % музейных сайтов. Полученные результаты анализа сайтов в целом доказывают, что разработка контента музейных сайтов в настоящее время носит сугубо эмпирический, субъективный характер. Это проявляется в разнородности и несопоставимости рубрик, структурирующих содержание сайтов, в неадекватности отражения на сайте основных функций музея, в слабой ориентации контента музейного сайта на целевую аудиторию.

Было выявлено, выяснилось, что лишь 32 % музеев, участвующих в исследовании, активно используют в своей деятельности информационно-коммуникационные технологии. В структуре этих музеев имеются подразделения с квалифицированными кадрами, ответственными за внедрение и

использование ИКТ; автоматизирована учетно-хранительская деятельность; имеется собственное представительство в сети Интернет и ведется работа по продвижению коллекций и экспонатов музея в сети; активно используются электронные средства связи. Однако большинство музеев (68 %) используют в своей деятельности ИКТ не в полной мере, из них 16 % – не используют совсем.

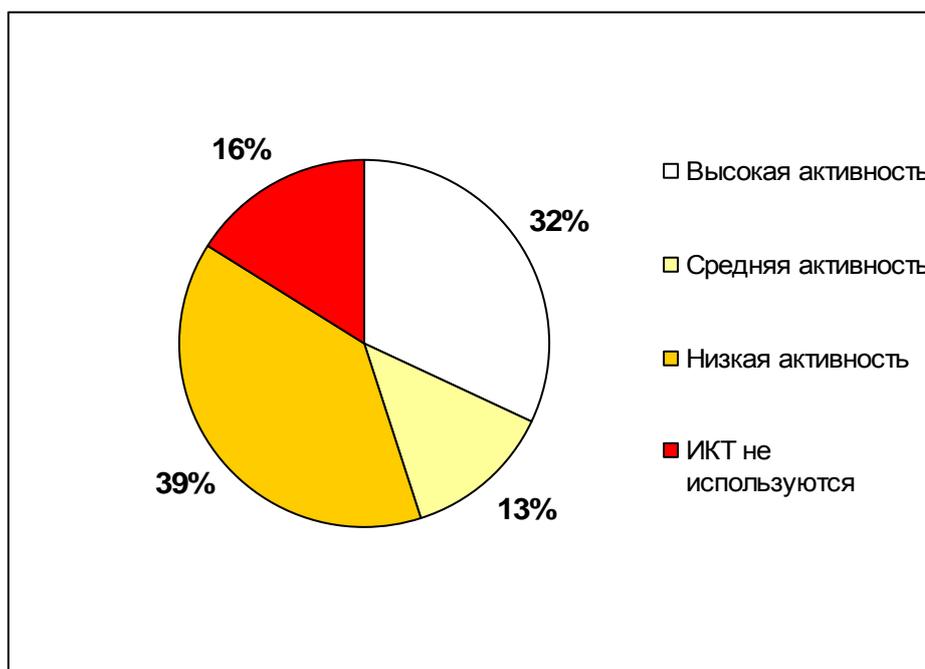


Рис. 1. Степень активности музеев, принявших участие в исследовании, в использовании информационно-коммуникационных технологий

Причины сложившегося положения отражены в ответах на вопросы анкеты о барьерах, препятствующих информатизации музеев. К их числу относятся:

- проблемы материально-технического характера (слабое техническое обеспечение музея – 42 % музеев; отсутствие / низкое качество подключения к сети Интернет – 55 % музеев);

- проблемы кадровой обеспеченности (отсутствие / недостаточность подготовки персонала к использованию ИКТ, отсутствие возможностей для обучения персонала использованию ИКТ – 39 % музеев);

- проблемы психологического характера (отсутствие у персонала / руководства мотивации к использованию ИКТ; боязнь музейных сотруд-

ников переходить на новый уровень работы (электронный тип работы); неготовность музеев передавать свои информационные ресурсы в «коллективное пользование» – 19 % музеев);

- проблемы теоретического характера. Большинство музеев (84 %) испытывают потребность в методической литературе и обучающих семинарах по разработке музейных сайтов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что существенная часть музеев (55 %), принявших участие в исследовании, на сегодняшний день не готова к вхождению в единое информационное пространство. Большинство музеев, в фондах которых хранятся уникальные экспонаты, отражающие этническое разнообразие данного региона, не адаптированы к информационной действительности и поэтому остаются закрытыми для широкой публики. Учитывая тот факт, что музеи являются основными хранителями культурных традиций и духовных ценностей, а также представляют собой ценные культурно-исторические туристские ресурсы, можно назвать два негативных следствия.

Во-первых, недостаточность информации о музеях в глобальной сети Интернет не только существенно ограничивает доступ пользователей к культурным ценностям, но и не дает возможности удаленным пользователям вести научно-исследовательскую, самообразовательную деятельность по интересующим их этнографическим коллекциям.

Во-вторых, отсутствие виртуального представительства музеев в Интернет оказывает отрицательное влияние на развитие туризма того или иного региона.

Более детальное рассмотрение проблем материально-технического характера и проблем кадровой обеспеченности, сложившихся в музеях, требуется со стороны органов исполнительной власти регионов Западной Сибири.

Сдерживающим фактором, препятствующим полному и точному отражению богатых региональных музейных коллекций в мировом информационном пространстве, стала недостаточная разработанность теории проектирования и оценки качества контента музейных сайтов.

В заключение отметим, по завершению исследования была разработана «Методика формирования контента сайтов этнографических музеев» [1], которая может быть использована в практике работы музеев. Предла-

гаемый подход к формированию структуры сайта этнографического музея полностью согласуется с основополагающими документами, принятыми в рамках проекта Minerva – «Принципы качества веб-сайтов по культуре. Руководство» [3] и «Взаимодействие веб-сайтов по культуре с пользователем. Рекомендации» [2], и ориентирован на достижение следующих результатов:

- повышение качества и доступности предоставляемой музейной информации;
- удовлетворение информационных потребностей целевой аудитории сайта;
- создание эффективных средств распространения знаний и повышение культурного уровня широких слоев населения;
- обеспечение общества знаниями, необходимыми для понимания и восприятия традиций различных народностей;
- повышение престижа музейного учреждения;
- развитие системы информационного обслуживания музейной аудитории (возможность дистанционно задать вопросы специалистам, проконсультироваться, принять участие в дискуссии);
- обеспечение условий для самообразования личности;
- развитие информационной поддержки пользователей (через анонсирование событий, мероприятий музея).

Перспективы дальнейших исследований направлены на развитие предлагаемой концепции формирования контента музейных сайтов, включая разработку мониторингового инструментария и критериев оценки качества музейных сайтов.

Литература

1. Методика формирования контента сайтов этнографических музеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nii.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=98&Itemid=103
2. Взаимодействие веб-сайтов по культуре с пользователем: рекомендации. – М.: Центр ПИК, 2008. – 2010. – 201 с.
3. Принципы качества веб-сайтов по культуре: руководство. – М., 2006. – 62 с.

**ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО
НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ
(по материалам раскопок курганов)**

М. Г. Сулейменов, А. М. Илюшин

Защитное вооружение – это комплект средств, защищающий воина от поражения оружием противника; включает в себя наголовье (для защиты головы), доспех (для защиты тела воина), накладные щитки для защиты конечностей и щит, предохраняющий корпус и голову воина [8, с. 184–193; 9, с. 118–131]. Для эпохи средневековья характерно наличие как мягкого, кожаного, матерчатого доспеха, так и более распространённого металлического. Металлический доспех с нашитыми на кожаную основу или скреплёнными между собой, без нашивания, металлическими (железными) элементами представлен двумя разновидностями: пластинчатой и кольчужной бронёй. Для народов Сибири производство и использование пластинчатого наборного доспеха признаётся местной чертой, а применение кольчуги, сплетённой из рядов сваренных или клёпаных колец (железных, редко бронзовых), в качестве бармиц шлемов или самостоятельных доспехов типа «рубаци» – заимствованием из Средней Азии [1, с. 164; 2, с. 63–64; 3, с. 103].

Современная оружейно-металлургическая методика предполагает восстановление формы металлического наборно-пластинчатого панциря путём выделения элементов панцирной защиты – нагрудника, подола, оплечий, полос покрытий рук и ног, которые, в свою очередь, состоят из устойчивых сочетаний элементов соединений и крепежа металлических пластин. Последние, соответственно, имеют разную форму и систему расположения отверстий для крепления между собой (и / или на мягкую основу) или заклёпок для крепления к мягкой основе. Таким образом, наиболее важным при реконструкции становится тип панцирных пластин (по форме и расположению отверстий); их наложение друг на друга, с совмещением отверстий; взаиморасположение разных элементов доспеха в рамках закрытого комплекса (скопление, погребение, курган, единовременный курганный могильник или группа) [10, с. 137–139].

Эпоха средневековья Кузнецкой котловины – межгорной котловины юго-восточной части Западной Сибири – в археологическом плане представлена материалами раскопок курганных погребальных комплексов (V–XIV вв.). В качестве сопроводительного инвентаря предметы вооружения, как и украшения, являются преобладающими по численности. Проведённый анализ материалов, собранных более чем за вековой период, показывает, что предметы защитного вооружения, в виде отдельных панцирных пластин и их скоплений, встречаются в памятниках аборигенного населения с захоронением по обряду кремации на стороне. Эти памятники относятся к саратовской археологической культуре, включённой в верхнеобскую общность. Период их функционирования можно определить как конец V–XII вв. [7, с. 110–113; табл. 2, 4, 8.]. Представлены материалами курганного могильника Саратовка (этап функционирования V–VIII, X–XI вв.), курганного могильника Сапогово (вторая половина VIII – первая половина IX в.), курганного могильника Октябрьский (X–XII вв.), курана-кладбища Сапогово-2 (XI–XII вв.). Лишь в одном случае скопление панцирных пластин встречено в кургане 12, могила 5, могильника Шанда (XI–XII вв.), давшего название археологической культуре пришлого населения, хоронившего по обряду ингумации с конём (Таблица 1) [5, с. 14, рис. 33, 1–10].

Материалы курганного могильника Саратовка (конец V–VIII вв.) представлены 28 фрагментами панцирных пластин, взятых из 5 могильных и 6 курганных комплексов [6, с. 87–153, рис. 4–70]. Панцирный набор представлен крупными пластинами с овальным краем, размером 8–9 х 4 см., в скоплениях, без сохранившихся отверстий. В другом случае можно взять узкие пластины с овальным краем и горизонтально срезанным верхом, размером 8 х 2,4 см., с попарно-вертикальным расположением отверстий с левого и правого краёв вертикального среза (отверстия посередине) и с попарным расположением отверстий в овальной части, как по краям, так и в центре (Таблица 1, 54, 55; 62). Другой тип пластин, вытянуто-прямоугольной формы, с трапециевидными окончаниями, размером 6 х 1 см, с попарно расположенными отверстиями: горизонтально в верхней части, вдоль среза и одним отверстием в центральной части; в центральной части вертикально

по краям и в нижней части в середине, также вертикально (табл. 1, 56–60). Материалы X–XI в. этого же могильника представлены фрагментами крупных пластин с горизонтальным и округлым краем, размером 5,7 x 4,2 см, с разнообразным расположением отверстий попарно горизонтально и вертикально по краям, с одиночными несимметричными отверстиями, а так же пластин с трапециевидными окончаниями (таб. 1, 47–49; 52,53; 50, 52). Подобный подбор пластин свидетельствует о наличии комбинированного пластинчатого наборного доспеха, когда различные его элементы формировались из пластин разного типа, а дополнительные отверстия свидетельствуют о подгонке элементов панциря. 75 фрагментов панцирных пластин из 11 могильных и 6 курганных комплексов могильника Сапогово, несмотря на сохранность, позволяют выделить фрагменты прямоугольных пластин, размером 4,5 x 3 см., с попарно расположенными отверстиями вертикально и вдоль краёв и одиночными отверстиями по углам, а так же длинные узкие пластины, размером 7 x 2 см., листовидной формы с прямоугольными краями, с парными отверстиями посередине и по краям (горизонтально и вертикально), с набором ламинарного типа. Помимо кольчуги можно предположить наличие сферического шлема (Таблица 1, 39,40,43; 41, 42, 44; 46,45). Отраженные в научной литературе способы крепления пластин позволяют предположить наличие пластинчатого нагрудника с окантовкой, чешуйчатого и ламеллярного панциря, наплечий или наручий ламинарного набора, панцирной "рубахи", шлема, комбинации пластинчатой и кольчужной защиты в одном комплекте [4]. Курганный могильник Октябрьский, раскопанный в конце 60-х годов, в настоящее время в музейных коллекциях представлен материалами 8 скоплений, большая часть которых представлена панцирными наборами. К сожалению, документация для определения 11 предметных комплексов отсутствует, но несомненно, в ходе раскопок были зафиксированы как фрагменты, так и свернутые элементы панциря. Типологически выделенные панцирные пластины близки саратовским, различие же наблюдается в размерах и расположении пластин. Из 72 фрагментов крупных прямоугольных пластин выделяются следующие типы: длинные прямоугольные пластины с округлым краем, размером 7.2 x 3,2 см, с вертикальным расположением отверстий в средней части закруг-

ления и одиночными симметричными отверстиями по краям средней части; длинные прямоугольные пластины с трапециевидным завершением, с попарным вертикальным расположением отверстий и одиночным по углам; прямоугольные пластины, в том числе с горизонтально срезанным верхом, шириной 4 см., с попарными отверстиями вдоль длинных сторон и отверстиями по краям (таб. 1, 13,14; 15, 16; 17,18, 22–24; 34, 35). 117 пластин с двусторонним трапециевидным окончанием имеют такое же расположение, что и в могильнике Саратовка, отличаясь размерами, 7-5х3-2,3 см (таб. 1, 19, 20, 25, 32, 36, 37). Доспех, применяемый населением, оставившим этот могильник, по набору элементов был, по-видимому, аналогичен доспехам могильника Саратовка. [7, с. 41–42, табл. 8]. Панцирные пластины кургана-кладбища Сапогово-2 отличаются единичностью и фрагментарностью. 4 экземпляра из могильных комплексов (2 из грунтовых захоронений с предметами ближнего и дистанционного боя) и 4 экземпляра из курганной насыпи позволяют выделить следующие типы: длинные узкие пластины с трапециевидным завершением и неустановленным количеством отверстий, размером 5,5 х 2 см; прямоугольная пластина с округлым краем, размером 3 х 2,4 см; прямоугольная пластина с заovalенными углами, размером 4,3 х 3,5 см., с парными продольными отверстиями в нижней части и по одному отверстию у длинных сторон; массивная пластина "с бортиком" и центральным отверстием (Таблица 1, 7; 9; 10; 12). Опубликованные материалы раскопок позволяют предположить наличие пластинчатого доспеха с возможными элементами из крупных пластин (тип "нагрудник-кираса" либо панцирь – "куяк"). Панцирные пластины вытянуто-прямоугольной формы, возможно, с овальным завершением, без сохранившихся отверстий, размером 3–5х2–2,5 см (в одном случае – с шпеньком из могильника Шанда), входили в состав наборного защитного пояса с заклёпочной нашивной системой крепления на мягкую основу [5, с. 14, рис. 24, А].

Панцирные пластины как элемент доспеха использовались аборигенным населением Кузнецкой котловины как в поминальной, так и в погребальной практике; как показывает анализ закрытых комплексов – для обозначения и выделения статуса воина, когда в захоронение помещалась

часть доспеха (Сапогово, к. 1, м. 1, к. 15, м. 1, к. 19). Достаточное количество и разнообразие типов пластин и способов крепления говорит о массовом производстве и широком применении данного изделия, что связывается с военно-политическими событиями VIII–XII вв., в которых население принимало активное участие. Особенность погребального обряда, когда железный инвентарь помещался на почву и в курганную насыпь, мог частично обжигаться при кремации, влияет на сохранность форм панцирных пластин и расположение отверстий, поэтому целесообразно использовать фрагменты пластин для реконструкции типов пластин, а реконструкцию панциря проводить в нескольких модификациях: наиболее полной (когда, с учетом взаиморасположения пластин в отдельных комплексах, доспех реконструируется максимально полно, из всех элементов, которые встречены в рамках хронологии курганного могильника); с учётом того, что в отдельные могилы могли помещать часть доспеха или элемент части, (нагрудник, подол, оплечье). Важность реконструкции панцирей определяется необходимостью реконструкции родов войск, в данном случае – пехоты и конницы с тяжёлой защитой (вооружением), что, в свою очередь, позволяет восстановить тактику ведения боя и применения оружия ближнего и дистанционного боя [2].

Защитное вооружение средневекового населения Кузнецкой котловины представлено средствами защиты тела воина, наборными пластинчатыми (нашивными и ламеллярными), с нагрудником и подолом, панцирями, кольчугой, сферическими шлемами и защитными поясами. Отсутствуют какие-либо данные о цельнометаллических наручьях, поножьях и щитах любой конструкции. В виду отсутствия этих данных в сравнительных материалах петроглифики, иконографических материалах и мелкой пластике, единственным источником при реконструкции типов панцирной защиты становятся типы панцирных пластин. Приведенные в таблице 1 примеры в целом соответствуют типологиям пластин и проведенным на их основе реконструкциям панцирей из материалов Северной Азии и Алтая. При реконструкции панцирной защиты из материалов Саратовки и Октябрьского будет возможным воспользоваться опытом реконструкций панцирей Лесостепного Алтая [2, с. 143–146, 153, рис. 30–33, 40; 10, с. 152–159, рис. 8–10].

Литература

1. Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – С. 149–179;
2. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
3. Кубарев Г. В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 88–112.
4. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: изд-во НГУ, 1992. – 126 с.
5. Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.
6. Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 160 с.
7. Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.
8. Худяков Ю. С. Основные понятия оружиеведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: «Наука», 1979. – С. 184–193.
9. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: «Наука», 1979. – 176 с.
10. Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: «Наука», 1987. – С. 135–163.

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА СЕТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 60–70-х годах XX ВЕКА

Н. С. Коргожа

В настоящее время назрела острая необходимость переосмысления исторического опыта социально-культурной деятельности на основе новых научных концепций и современного уровня развития гуманитарных наук. Знакомство с историей социально-культурной деятельности позволяет изучить содержание и формы досуга в различные исторические периоды и по-новому взглянуть на социально-культурные процессы, происходящие в современном обществе.

Рассмотрим основные тенденции структурной перестройки сети культурно-просветительных учреждений в 60–70-х годах XX века, направленные на широкое строительство учреждений культуры, развитие новых форм культурно-просветительной работы, увеличение количества творческих самодеятельных коллективов и любительских объединений, активизацию проведения массовых праздников и обрядов. Как отмечает Е. М. Ключко, «анализ исторического материала позволяет говорить о том, что с конца 60-х в начале 70-х гг. XX в. начинает изменяться вектор ведущих тенденций в развитии культурно-досуговой деятельности российского населения. Это было обусловлено определенным сочетанием объективных и субъективных факторов экономического, политического, духовного, психологического, нравственного характера, воздействующих на образ мыслей и поведение людей» (2, с. 10).

Социальные реформы, начавшиеся в 50-х годах XX века, создали благоприятные условия для дальнейшего развития культурно-просветительной работы в СССР. После обнародования постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» 30 июня 1956 года, в стране начались общественные процессы, получившие название по образному определению писателя Ильи Эренбурга «оттепель».

В марте 1953 года произошла реформа руководства сферой культуры, государственное руководство всеми отраслями культуры сосредоточилось в Министерстве культуры СССР (первый министр культуры СССР – П. К. Пономаренко), во всех национальных республиках были созданы

республиканские Министерства культуры. Перестроились и местные органы управления культуры, повсеместно начали действовать краевые, областные управления культуры, городские и районные отделы культуры.

Оживление культурной жизни происходило на фоне значительных социально-культурных перемен, связанных с вхождением в повседневный быт советских людей радио и телевидения. Эти средства массовой информации позволили жителям самых отдаленных населенных районов услышать информационные программы, увидеть художественные фильмы и спектакли столичных театров, концерты профессиональных мастеров.

Большую методическую помощь работникам культурно-просветительных учреждений стали оказывать вновь созданные центральные, краевые, областные методические кабинеты управлений культуры, этому способствовало издание специальной методической литературы об опыте работы учреждений культуры, в том числе выпуск серий «Библиотечка клубного работника» и «Библиотечка сельского клубного работника». В 1958 году состоялся общественный смотр культурно-просветительных учреждений, в котором приняло участие 137 тысяч государственных учреждений культуры автономных республик, краев и областей, из них 57 тысяч клубных учреждений, 40 тысяч библиотек, 40 тысяч киноустановок, большое количество кинотеатров, парков культуры и отдыха, этот смотр явился эффективным средством привлечения широких слоев населения к участию в деятельности учреждений культуры.

Заметным явлением в развитии самостоятельного художественного творчества явился Всесоюзный фестиваль советской молодежи (1956–1957), проходивший в стране накануне VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957), в ходе которого в учреждениях культуры было создано много новых самостоятельных коллективов: хореографических, театральных, хоровых, музыкальных. Молодежная революция, начавшаяся на Западе в 1960-е годы, оказала влияние и на советскую молодежь, и способствовала формированию новой молодежной субкультуры, появлению новых молодежных движений.

В декабре 1958 года был утвержден закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», положивший начало школьной реформе. На основании этого закона вводилось обязательное восьмилетнее обучение, создавалась единая

сеть профессионально-технических училищ, выпускники средней школы одновременно с аттестатом зрелости получали свидетельство о специальности.

Образовательная реформа изменила подготовку специалистов для культурно-просветительных учреждений, в 1959 году Московский и Ленинградский библиотечные институты начали подготовку специалистов по художественным специальностям, в 1964 году библиотечные институты были переименованы в институты культуры, общее число которых к концу 1960-х годов в стране составило 10 вузов (3, с. 217). В некоторых высших учебных заведениях (педагогических, сельскохозяйственных) начали работать факультеты общественных профессий, которые готовили руководителей коллективов художественной самодеятельности. Выпускники консерваторий, театральных институтов, музыкальных училищ также направлялись в культурно-просветительные учреждения для руководства коллективами самодеятельного художественного творчества.

В конце 1950-х годов в условиях развитого социалистического общества в целях формирования всесторонне развитой личности на новой основе стали создаваться народные университеты. В постановлении ЦК КПСС от 8 октября 1968 года «Об улучшении работы народных университетов» была определена роль народных университетов в системе народного образования и основные направления их развития по 50 основным отраслям знаний: (общественно-политические, научно-технические, естественнонаучные, экономические, сельскохозяйственные, педагогические, медицинские, правовые и др.) и культуры (музыка, театр, кино, изобразительное искусство) и др. С 1968 года руководство и координацию деятельности народных университетов осуществлял Центральный совет народных университетов, в состав которого входили 119 видных советских ученых и общественных деятелей, возглавлял работу совета академик И. И. Артоболевский.

В 1960-е годы повышалась общественная престижность художественной самодеятельности, наблюдались качественно новые процессы в ее развитии, возрастало исполнительское мастерство участников самодеятельных коллективов. В 1959 году впервые за высокий художественный уровень лучшим самодеятельным драматическим театрам начали присваивать звание «народный», этого звания в 1959 году было удостоено около

100 театральных коллективов (1, с. 229). Большое значение для развития театральной художественной самодеятельности имело «Положение о народных театрах», утвержденное Министерством культуры РСФСР в 1960 году, определившее права и обязанности участников коллективов, штатное расписание театров, требования к репертуару, организационные особенности их деятельности.

В работе культурно-просветительных учреждений в 1960-е годы широкое развитие получили инициативные клубы, клубы по интересам, любительские объединения, в деятельности которых реализовались интересы участников коллектива к определенному виду занятий. В целях самосовершенствования, развития творческих способностей создавались клубные объединения различной направленности: политические (клубы интернациональной дружбы, военно-патриотические клубы); трудовые (клубы новаторов, клубы ветеранов труда); научно-технические (клубы изобретателей, клубы ученых); художественные (клубы самодеятельной песни, клубы кинолюбителей); эстетические (клубы любителей искусства, клубы лекционеров); физкультурно-оздоровительные (клубы туристов, клубы аквалангистов); прикладного творчества (клубы кройки и шитья, клубы вязания) и т. д. Особое внимание уделялось молодежным и подростковым клубам, клубам старшеклассников, женским клубам, клубам молодой семьи.

Во второй половине 1960-х годов начался процесс перестройки сети культурно-просветительных учреждений, их укрупнения и объединения. На основании «Положения о государственных клубных учреждениях РСФСР», утвержденном 6 марта 1966 года Министерством культуры РСФСР, была регламентирована деятельность клубных учреждений, определен порядок их финансирования, утверждены новые формы отчетности, обозначены цели и задачи клубной работы, определены основные направления содержания их деятельности, установлены типы государственных клубных учреждений: городской Дом культуры, районный Дом культуры, сельский Дом культуры, сельский клуб и автоклуб. Также была поставлена задача создания в районном центре культурного комплекса (РКК), в который должны были входить: районный Дом культуры, районная библиотека, музей, парк культуры и отдыха, кинотеатр, детская музыкальная школа, автоклуб, в этот период произошла реорганизация сельских клубов в сельские Дома культуры.

В 1969 году в Москве был образован Научно-исследовательский институт культуры Министерства культуры РСФСР, в областных центрах начали действовать Дома народного творчества, Дома художественной самодеятельности, методические кабинеты культурно-просветительной работы.

В 1970-е годы возросла роль учреждений культуры в коммунистическом воспитании трудящихся, которое включало политическое, трудовое, нравственное, эстетическое, правовое и физическое воспитание. Учреждения культуры создавали лектории по политическим проблемам, проводили вечера трудовой славы, дни новаторов производства, чествования передовиков труда, дискуссии по проблемам нравственности, литературные и музыкальные вечера, читательские и зрительские конференции.

В целях повышения уровня культурно-просветительной работы на селе, более эффективного использования клубных учреждений в организации досуга населения в 1970-х годах началась централизация клубных систем (ЦКС). Клубная централизация способствовала созданию условий для систематического культурного обслуживания жителей отдаленных и малонаселенных сельских населенных пунктов, не имеющих стационарных учреждений.

В основе клубной централизации использовалась следующая схема культурного обслуживания в сельской местности: районный — базовый (центральный) Дом культуры — сельский Дом культуры — сельский клуб. Низовыми звеньями в сети централизованной клубной системы были красные уголки предприятий и организаций. 24 июня 1980 года Министерство культуры РСФСР издало приказ «О введении в действие временных типовых штатов сельских централизованных клубных систем», на основании которого было утверждено штатное расписание всех клубных учреждений, входящих в централизованную клубную систему.

Новый подход к организации культурно-просветительной работы проявился в создании с 1975 года культурных комплексов (КК), позволивших объединить на добровольной основе учреждения культуры, искусства, образования, спорта, бытового обслуживания. Культурные комплексы были городскими и сельскими, стирали отраслевые и территориальные границы, объединяли усилия работников социально-культурной сферы, развивали комплексные формы культурно-просветительной работы. Во вто-

рой половине 1970-х годов происходило формирование централизованной библиотечной системы (ЦБС) и создание музейных объединений.

Целенаправленному соединению культурно-просветительной работы со спортивно – оздоровительной способствовало создание культурно-спортивных комплексов (КСК), деятельность которых была направлена на развитие здорового образа жизни, привлечение населения к занятиям физкультурой и спортом, участию в спортивных соревнованиях, организации полноценного семейного отдыха. В середине 1980-х годов стали появляться новые типы культурно-просветительных учреждений – Центры досуга, направленные на развитие развлекательных, рекреативных форм досуговой деятельности. Предполагалось, что в новых типах культурно-досуговых учреждений будут созданы гостиные, танцевальные и выставочные залы, игротеки, кафе, базы проката, мастерские для декоративно-прикладного и технического творчества.

«Положение о культурно-спортивном комплексе», утвержденное Министерством культуры СССР 12 апреля 1985 года, определило структуру культурно-спортивного комплекса, специфику его управления и функционирования, содержание и формы работы. Культурно-спортивные комплексы создавались в городах, районах, поселках, селах на различных управленческих уровнях, работу культурно-спортивных комплексов возглавляли координационные советы и проводили организационную, культурно-массовую, спортивную, методическую работу, создавали спортивные секции, клубы по интересам и любительские объединения для различных категорий населения.

Таким образом, структурная перестройка сети культурно-просветительных учреждений, начатая в середине 50-х годов XX века, способствовала формированию инфраструктуры социально-культурной сферы, созданию комплексной системы объектов культуры в районных центрах, появлению централизованных клубных и библиотечных систем, возникновению сельских и городских социально-культурных комплексов.

Литература

1. Каргин А. С. Самодеятельное художественное творчество: История. Теория. Практика: учеб. пособие. – М.: Высш. Шк., 1988. – С. 229.

2. Ключко Е. М. Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945–1985 гг.): Теоретико-методологический и исторический аспекты: Учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: МГУКИ, 2007. – С. 10.

3. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: Учебник. – М.: МГУКИ, 2007. – С. 217.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С. И. Петрова

Любые потребности всегда детерминированы общественными отношениями и, с этой точки зрения, они представляют собой социокультурное явление. История развития потребностей, их осмысление есть история развития общества, писал К. Маркс: «... Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны...» [1].

Как же происходило мировоззренческое становление категории «потребность»?

Интерес к потребностям человека отмечается уже у античных и древнекитайских философов. Рассматривая человеческую природу, они фиксировали ее социальную детерминацию.

Именно в эпоху Античности была отмечена роль потребностей в жизни человека и общества, а также произошло разделение потребностей на материальные и идеальные (духовные). Так, например, Гераклит Эфесский (544–483 гг. до н. э.), изучая социальное назначение золота, благодаря которому возможен обмен, то есть, по сути, сопоставляя потребности людей и общества, показывает, что вне потребностей невозможно познание основ бытия человека и его сущности. Хотя Гераклит в своих сочинениях и не говорит напрямую о потребностях, для нас интересно его представление о человеке. Гераклита волнует связь человека с мировым разумом. Все материальные превращения, считает философ, осуществляются «законсообразно», при этом часть людей следует им, другие нет. В основании же

отличий потребностей человека находятся его "грубые психеи" [2, с. 51]. Всякое желание покупается ценой психеи, «поэтому злоупотребление вожделениями ведет к ее ослаблению». Умеренность в удовлетворении потребностей содействует развитию и совершенствованию интеллектуальных способностей человека. При этом Гераклит не придерживался мысли, что различие человеческих потребностей зависит от происхождения, богатства и иных особенностей. Рассматривая потребности человека, Гераклит считал, что они зависят от условий жизни, поэтому свиньи радуются грязи, ослы золоту предпочитают солому, птицы купаются в пыли и золе.

О потребностях писали Антифонт из Афин (V в. до н. э.), Демокрит Абдерский (460–370 гг. до н. э.), Эпикур (342–271 гг. до н. э.) [3, с. 321, 344]. Их изыскания происходили в русле материалистических воззрений и были связаны, в основном, с гедонизмом и эвдемонизмом, ядро которых составляло обоснование человеческого поведения стремлением к счастью и наслаждению.

Антифонт, например, утверждал, что все люди по своей природе равны, так как «...у всех людей нужды от природы одинаковы... И в самом деле, мы все одинаково дышим воздухом – через рот и нос – и едим мы все одинаково – при помощи рук» [3, с. 321].

Демокрит также сравнивал потребность с нуждой, считая, что последняя является побудительной силой действий человека: «Действительно, сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом в познании каждой вещи...» [4, с. 739]. Он обращал внимание на отличие самой потребности от средств ее удовлетворения, говоря, что человек не знает границ удовлетворения своих потребностей.

Эпикур, отождествляя потребности и желания, попытался дать их классификацию, выделяя естественные и необходимые потребности: «одни – естественные, другие – пустые, и из числа естественных одни – необходимые, а другие – только естественные; а из числа необходимых одни необходимы для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – для самой жизни» [3, с. 357]. Таким образом, Эпикур обуславливал существование человека обязательным удовлетворением его необходимых потребностей: «Путь к счастью возможен тогда, когда человек, руководствуясь разумом и волей, удовлетворяет эти естественные и необходимые потребности» [5, с. 254].

Кроме философов-материалистов потребности изучали и философы-идеалисты, делавшие основной акцент на разграничении животных и человеческих потребностей.

По Платону (428–348 до н. э.), носителем потребностей человека является не его тело, а душа. Поэтому их особенности объясняются жизнью души в прошлых существованиях. А так как существование души имеет телесную оболочку и при физической жизни имеет определенную свободу выбора, человек может приобрести дурные привычки. Как следствие, сформировавшиеся в результате жизнедеятельности разнообразные потребности человека оказывают опосредованное влияние на будущее существование души. Роль потребностей здесь проявляется в том смысле, что одних людей по жизни ведет материальный (телесный) интерес, других – духовный (идеальный). Отсюда, душа не бывает полностью чистой и при своих следующих существованиях опосредуется определенными потребностями человека [6, с. 212].

Под потребностью Платон понимал нужду. Потребностью (нуждой) каждого общества является стремление «к сожитию многих общников и помощников» [7, с. 369]. Сожитие есть потребность (нужда): «когда, имея нужду во многом, мы располагаем к сожитию многих общников и помощников, тогда это сожитие получает у нас название города» [3, с. 396]. По Платону, потребность была основой формирования государства. Государство «...возникает тогда, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности...» [8].

Исходя из того, что потребность есть нужда, Платон выводит базовые потребности, руководствуясь их возрастанием: «Первая и самая большая потребность – это добыча пищи для существования и жизни; вторая потребность – жилье, третья – одежда и так далее» [9].

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) выделил следующие потребности человека: государство, семья, взаимное сохранение и общение. Семья, по его мнению, это и есть «общение», служащее удовлетворению «повседневных надобностей» [10 с. 377]. «Тот (человек), кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребностей ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь

либо животным, либо божеством» [11, с. 379]. Таким образом, Аристотель обращает внимание на то, что одной из важнейших потребностей человека является принадлежность к обществу (государству).

По мнению философа, в качестве основы для социального деления общества выступают различия в способностях. А различие людей по способностям обусловило развитие различных искусств для удовлетворения необходимых потребностей [12, с. 67]. Высшей потребностью человека является потребность в удовольствии и наслаждении, так как удовольствие ведет к добродетели [10, С. 351–357]. Стремление к счастью – одна из важнейших потребностей человека, а счастье есть занятие в духе добродетели. Государство должно быть заинтересовано в том, чтобы человек становился добродетельным, ибо такой человек перенесет любые невзгоды [10, с. 613].

Аристотель отмечает, что все люди «от природы» равны между собой, а социальное неравенство возникает вследствие различной деятельности свободных граждан и рабов: «...Жизнь – активная деятельность, а не продуктивная... чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, (что могут делать рабы), ...ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому, ... (он) способен понимать ...приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств, ...своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей». И дальше: «...свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни... Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо» [10, с. 384].

Другой античный философ Сократ (ок. 469–399 гг. до н. э.) говорил о необходимости соединения личных и социальных потребностей. Только разум, по его мнению, в состоянии анализировать потребности, преодолевать неразумное отношение к жизни и неразумным потребностям. Тем самым Сократ обосновал проблему разумных потребностей человека. отождествляя добродетель и знание, он считал, что потребности обуславливаются требованиями сознательного разума. Мудрость, всеблагодать, справедливость, благочестие и добродетель должны составлять структуру

нравственных принципов человека и, в конечном счете, стать его потребностями. Высшей потребностью, по Сократу, является добродетель как главная цель жизни человека, а ее основным источником он считает творческое начало нравственности [13, с. 31–40].

Нужно отметить, что проблема потребностей человека занимала умы и других древних философов. Таких, например, как Диоген Синопский (ок. 412–323 гг. до н. э.), Антисфен (444–370 гг. до н. э.), Протагор (490–420), Аристипп (435–355 гг. до н. э.), Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 гг. до н. э.), Сенека Луций (4 до н. э. – 65 н. э.) и др. Все они, в основном, рассматривали потребности через нравственную призму поведения человека или через его отношение к миру.

Так, например, Лукреций считал, что в качестве движущей силы поведения человека лежит «нужда» и потребность. В своей книге «О природе вещей» Лукреций описывает первобытного человека более сильным, чем современник. Скромные потребности первобытных людей легко удовлетворялись, и не было необходимости в каких-то усовершенствованиях. Лукреций демонстрирует природные свойства человека, которые, по его мнению, приобретены благодаря цивилизации – изначально «природным» в человеке было только эгоистическое стремление к удовольствию. Лукреций показывает первобытного человека как одиночку, не знающего никаких моральных норм, у которого отсутствуют социальные связи, стремящегося лишь к удовлетворению своих примитивных потребностей. Таким образом, Лукреций указывает на характер первичных свойств человека, лежащих в основе его поведения.

В Древнем Китае, в частности, в Школе легистов (от лат. *lex* – закон), или «Школе законников», сложившейся в эпоху Чжаньго в IV в. до н. э., мы также можем увидеть попытку рассмотрения потребностей и желаний человека: «(Человек) не свободен от желания или отвращения, попадает под власть развращающих вещей, разрушает всё хорошее у себя. Происходит это оттого, что (он) возбуждён внешними вещами, приведён в смятение никчёмными желаниями» [14]. Как видим, из приведенной цитаты следует, что потребности человека:

- имеют объективную природу;
- имеют внешние по отношению к человеку условия существования;
- первичны по отношению ко всем другим человеческим качествам.

Основоположник моизма (одно из популярнейших учений Древнего Китая) Мо-цзы (ок. 480–400 гг. до н. э.) выделили три потребности (нужды народа): «голодающие не имеют пищи, замерзающие не имеют одежды, уставшие не имеют отдыха» [3, с. 197]. Притом он подчеркивал, что потребности можно удовлетворить лишь при условии усердного труда. «Кто усерден в труде, тот имеет возможность жить, а кто не усерден в труде, тот не имеет возможности жить» [3, с. 200].

В Древнем Китае не рассматривалась биологическая или социальная обусловленность потребностей человека, хотя понимание того, что потребности играют важную роль в его жизни и имеют побудительную силу, уже было. При этом потребности не связываются напрямую с социальным бытием человека. Подразумевалось, что каждый человек имеет то, что обусловлено его способностями: «Способный рассуждать и вести беседы пусть рассуждает и ведёт беседы, способный излагать исторические книги пусть излагает исторические книги, способный нести службу пусть несёт службу; таким именно образом все дела будут выполнены» [3, с. 201].

В средние века приоритетным в изучении потребностей становится теологический аспект. Потребности человека обусловлены жизнью души и Духа, их развитие ориентировано на таинственную связь с божественными истинами. Духовные потребности резко противопоставляются материальным. Главное же заключается в том, что создаётся духовный мир, отличный от мифологизированного сознания античного человека. Вместе с тем, вне поля философской рефлексии остались материальные потребности, что явилось отражением объективной обстановки того времени – господства в общественной и духовной жизни церкви.

Яркий представитель средневековья Аврелий Августин (Аврелий Блаженный) (353–430 гг.), многие идеи которого в дальнейшем были положены в основание католической доктрины, доказывал полную зависимость человека от Бога. Рассуждая о художнике, Августин Аврелий писал, что художник «... посредством разных членов совершает разные действия, а чтобы эти члены были способны к деятельности, ты вдунул в телесный состав его душу живую... ты даровал ему и способность ума, чтобы постигать тайны искусства и наперёд обнимать мыслию то, что предполагает он произвести...» [15 с. 584–585]. С позиций христианства высшим благом считалась потребность в любви. «Так я уже твердо знал, – писал Аврелий

Августин, – что лучше мне себя любви твоей отдать, чем злему желанию уступить» [16, с. 104].

Аврелий Августин обосновал учение о двух градах, разделив, таким образом, мир на Божественный (небесный) и человеческий (земной). Божественный град населяют праведники, их Бог предопределил ко спасению. Град же человеческий состоит из нечестивцев, проклятых Богом, они обречены на погибель.

Разделив Душу и тело человеческое, Аврелий Августин разделил потребности на материальные и духовные. Главные из них духовные – потребность в Боге, потребность любить Бога. Земные же потребности являются низменными потребностями, поэтому не нужно стремиться удовлетворять свои земные, плотские потребности, так как земная жизнь дается человеку для подготовки к небесной жизни. На небе же никаких потребностей нет, кроме потребности любить Бога. Земной грех – главное препятствие на пути удовлетворения человеческих (естественных) потребностей. И лишь молитва может помочь справиться с тяжестью плотских желаний и земных похотей [15, с. 603].

Теолог Пьер (Пётр) Абеляр (1079–1142 гг.) выделил у человека религиозно-нравственные и познавательные потребности. Человек, познавая мир, учится рассуждать и ищет истину, так как и «...в христианской вере имеют место многочисленные заблуждения»; «Сам господь Иисус Христос побеждал иудеев в частых спорах и подавил их клевету как писанием, так и разумным доказательством, и ...укрепил веру в себя не только могуществом чудес, но особенно силой слов» [15, с. 801, 802].

Активность человека проявляется не только через его потребности, но и способности. Эти понятия лежат в основе формирующего и функционирующего механизмов изменения человека и всей социальной жизни в целом. В этом плане для нас интересен представитель средневековой схоластики Альберт Великий (1193–1280 гг.), не рассматривающий напрямую потребности человека, а писавший о его способностях. «...Чувствующая душа, – отмечал Альберт Великий, – есть окончательное совершенство... в силу того, что в целом заключена вся совокупность её способностей. Но поскольку сообразно частям она распределена между частями, и каждая её способность не находится в каждой части, то она обозначает части лишь соответственно отдельным частям своей способности... Разумная же ду-

ша... делает человека вполне человеком... Поскольку сообразно отдельным способностям она не распределена между членами, то ни она, ни её силы не обозначают члены, и потому глаз человека не является человеком, и не мыслит, и не рассуждает. Вследствие этого известно, что сообразно каждой своей способности сама она отделена от частей тела и потому более, чем всё другое, близка к подобию первопричине... Некоторые способности, привязанные к частям тела, и некоторые способности, не привязанные к частям тела. И те способности, которые привязаны к телу, являются как бы орудиями, при посредстве которых разумная душа управляет и движет телом» [17, с. 14–15].

Известный средневековый философ Фома Аквинский (1225–1274 гг.) главной потребностью и целью человека называл потребность в «познании Бога». В Боге нужно искать причину всех потребностей человека и пути их удовлетворения. Люди должны постигать сущность жизни, определяемой Богом. Лишь познав Бога, можно рассчитывать на спасение. Познание же Бога не произойдет без помощи «божественного откровения». «Человеку, – пишет Фома Аквинский, – необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение». Вера помогает принять «свет божественного откровения». Только с помощью «света божественного откровения» можно осознать потребность в спасении, а истина о спасении постигается, опять же, не в разуме, а в Боге, «в божественном откровении» [15, с. 724–727].

В философии Востока в средние века преобладало понимание того, что абсолютной ценностью человеческого бытия является Бог и душа. Именно Бог и душа пришли на смену прежним представлениям о саморазвитии человека под определяющим влиянием его потребностей. Потребности человека и их развитие обусловлено наличием у него души. Душа есть только у человека, у животных ее нет. Душа и Бог – вот основные детерминанты, определяющие человеческие потребности.

Среднеазиатский философ Авиценна (Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Авиценна) (980–1037 гг.) писал о том, что человек существо общественное, что причины, побуждающие его находиться в среде себе подобных, по сути социокультурные: «Мы утверждаем, что человеку присущи такие особенности действий, исходящих из его души, которые отсутствуют у других живых существ. Это прежде всего то, что поскольку человек су-

ществует так, что у него есть цель, то он не может обойтись без общества на всём протяжении своего существования и быть подобным другим животным, из которых каждый, с целью экономии средств к существованию, вынужден ограничивать себя и себе подобных по природе... И вот по этим причинам, а также по другим причинам, более скрытым, но более достоверным, чем эти, человек нуждается в том, чтобы иметь в своей природе способность познать в другом, являющемся его сотоварищем, то, что есть в нём самом по условным признакам» [18, с. 472]. Иными словами, человек должен стремиться к объединению с себе подобными, чтобы жить, реализуя свои потребности. «Итак, природа дала душе способность создавать посредством звуков нечто, при помощи чего достигается указание на нечто другое, – отмечает Авиценна. – У животных также имеются звуки, посредством которых они сообщают друг другу о своём состоянии, однако эти звуки указывают лишь по природе и только в общем на того, кто соглашается или противоречит, не обобщая и не различая. Но то, чем обладает человек, существует путём установления. Это потому, что человеческие устремления почти беспредельны и они не могут быть обозначены звуками без предела. Человеку присуща потребность сообщать и получать сообщение, с тем чтобы приобретать и давать равномерно, а также другие потребности. Зачем ему свойственно выбирать всё и изобретать искусства. Но и другие живые существа, особенно птицы, не говоря уже о пчёлах, обладают искусством, так как они строят жилища. Однако это свидетельствует не об изобретательности и рассудке, а, скорее всего, об инстинкте и вынужденной необходимости. ... Большинство искусств у животных предназначено для обеспечения их состояния и для видовых потребностей, а не для индивидуальных потребностей. Многие же искусства, которыми обладает человек, предназначены для индивидуальных потребностей, а многие – для обеспечения благополучного состояния самого индивида» [18, с. 472–473].

Здесь Авиценна, анализируя различия между человеком и животными, отмечает, что человеку присуща потребность «сообщать и получать сообщения, а также другие потребности». И, в частности, потребность в занятии творчеством для удовлетворения «индивидуальных потребностей», для «обеспечения благополучного состояния самого индивида». Авиценна обращает внимание на индивидуальные потребности человека, обусловленные различиями между людьми, дающими ему возможность

«выбирать всё и изобретать искусства». А это уже качественное различие человека и животных, определенное различием природы самих потребностей, так как животные тоже занимаются искусством, но, в отличие от человека, «большинство искусств у животных предназначено для обеспечения их состояния и для видовых потребностей».

Период Нового времени внес существенный вклад в понимание и развитие категории «потребность». Он характеризовался, прежде всего, не только обращением к наследию античной философской мысли, но и более глубоким пониманием человека и его сущности. Социально-экономические отношения, характерные для того периода, обусловили формирование иных представлений о потребностях.

Николай Кузанский (1401–1464 гг.) обращает внимание на связь вещей и потребностей. «Все вещи находятся между собой в связи, – отмечает он, – скрытой, без сомнения, от нас и непостижимой, но такой, что из всех вещей проистекает одна единственная Вселенная и что все вещи суть самое единство в единственном максимуме» [15, с. 58]. И далее: «Все вещи состоят из противоположностей в различных степенях, имеют то больше от этого, то меньше от другого, выявляя свою природу из двух контрастов путем преобладания одного над другим». Причины потребностей человека кроются «в земных вещах» [15, с. 65].

В основе деятельности человека лежат его потребности, считал Николай Кузанский. Разнообразное по своим способностям население соединяется в группы посредством их способностей и потребностей. Однако общество, в силу своей неравномерности, обуславливает и неравномерное распределение способностей: «...В пределах человеческого вида некоторые более свободные и созерцательные люди пребывают как начало всего вида в том или ином общении с духовными и вещными сущностями, как бы в высшем небе человечности; остановившиеся на созерцании истины, они суть интеллект вида. Есть и другие, рассудок вида. Они стоят над низшими, как бы чувственными. Первые, мудрецы, – как бы ярчайшие и чистейшие светы, несущие в себе изображение духовного нетленного мира; последние, чувственные, – как бы звери, следующие похоти и сластолюбию; средние причастны свету, льющемся к ним от высших, и стоят во главе низших. При единстве человеческого вида всё вообще множество внутри вида в целом подразделяется, таким образом, на три части людей»

[19]. Из чего можно сделать вывод, что одним людям свойственны потребности «осуществления единства Бога и человека, другим – единства вещей и человека». Различие обусловлено субстанциональной природой человеческого бытия.

Николай Кузанский вывел закон о постоянном улучшении жизни, то есть, иными словами, закон о постоянном удовлетворении новых потребностей человека: «Мы видим, что по божьей милости все в природе содержит в себе стремление существовать лучше, поскольку это допускают естественные условия...» [15, с. 54]. Все потребности человека известны только Богу: «Бог, эта абсолютная максимальность, есть одновременно творец всех своих созданий, единственный, знающий их и ту цель, чтобы все было в нем и ничего не было вне его, ... являющийся началом, средством и концом всего, центром и окружностью Вселенной таким образом, что он есть предмет всех исследований, ибо без него все вещи – небытие...» [15, с. 68].

Проблемой потребностей занимались итальянские мыслители Лоренцо Валла (1407–1457 гг.) и Пьетро Помпонацци (1462–1536 гг.).

Лоренцо Валла стоял в центре гуманистического движения того времени. Рассуждая об искусстве, он считал, что искусство призвано удовлетворять необходимые потребности человека [15, с. 84]. Итальянский философ полагал естественным все, что служит самосохранению и счастью человека, выступая вместе с тем против эгоизма, расточительности и иных пороков. Неотъемлемым свойством человека Лоренцо Вала называет право на наслаждение (*voluptas*). Именно наслаждение, а не добродетель и не христианская аскеза направляет человеческую жизнь. Он славил земные радости и не считал это противоречием христианству. В понимании Лоренцо Валлы тело и душа приспособлены природой к наслаждению. Духовные и телесные удовольствия равноценны. Говоря о наслаждении, добродетели, справедливости, благоразумии, благе, умеренности и других категориях морали, дающих возможность удовлетворять и развивать нравственные потребности человека, Лоренцо Валла писал: «Высшая добродетель есть благо, смысл которого заключается в добродетельных качествах и к которому следует стремиться ради него самого, а не ради чего-то другого» [15, с. 79].

Вместе с тем для Лоренцо Вали предназначение человека, его земная жизнь неотделимы от высшей цели – небесного блаженства.

Пьетро Помпонацци – самый известный аристотелик. Он является родоначальником идеи, согласно которой душа человека рождается вместе с его телом и умирает вместе с человеком. Поэтому смысл жизни – не достижение бессмертия, а достижение счастья и блаженства, что, собственно, и является смыслом существования человеческого рода. Человек стремится к освоению духовных и материальных потребностей: «... душа человека обладает как свойствами духовных существ, так и свойствами материальных вещей...» [15, с. 96].

Пьетро Помпонацци охарактеризовал три рода одушевленных существ в мироздании: небесные интеллигенции, человек, животные. Человек, по его мнению, занимает место посередине. Когда человек совершает дела, в которых сходится с духовными существами, он превращается в Бога; когда совершает поступки зверские – в зверя. Потребность человека в красоте и наслаждении достигается тремя видами разума: созерцательным, практическим и действующим. При помощи их человек может овладеть нравственностью, научиться различать добро и зло, общаться с другими людьми, избегать пороков [15, с. 91].

Пьетро Помпонацци считал, что смертность души не исключает добродетель и не обуславливает лишь одно стремление к наслаждениям. Его идеи близки высказываниям другого итальянского мыслителя эпохи Возрождения Пико де Мирандолла (1463–1494 гг.): «Нет ничего в мире, что хоть каким-нибудь свойством не могло бы иметь общего с человеком, почему заслуженно его называют микрокосмосом, или малым миром» [20, с. 277–281; 21, с. 303–305].

Голландский ученый, богослов Эразм Роттердамский, Дезидерий (Герхард Герхардс) (1466 –1563) был нетерпим к фанатизму и самоунижению человека перед Богом, рассматривал возрождение античных искусств и наук как необходимую потребность для «истинного» христианства. В его взглядах можно проследить взаимовлияние идеального и материального в человеке, выражающееся посредством труда и таких сторон бытия человека, как его потребности. Он описал механизм формирования у человека отрицательных и положительных сторон души. Так, Эразм Роттердамский различает потребности человека, которые хотя и являются «плотскими» по

сути, но выше других, «плотских» же по причине своего происхождения: «...врождённое почитание родителей, любовь к братьям, расположение к друзьям, милосердие к падшим, боязнь дурной славы» выше, чем «похоть, роскошь, зависть». И следом он перечисляет пагубные человеческие страсти: «Первая из них – удовольствие, приманка зла, затем страдание, отпугивание и помеха для добра, потом болезнь и дерзость неразумных советчиков, ... неумолимый гнев, ... льстивая надежда» [22, с. 112–113].

Характеризуя качества человека, позволяющие ему познать Дух Божий, Эразм Роттердамский пишет: «...кротость даёт нам способность воспринимать божественный дух» [22, с. 110]. Решая вопрос о соотношении души и тела, телесного и духовного в человеке, мыслитель говорит: «...Человек – это некое странное животное, состоящее из двух или трёх чрезвычайно разных частей: из души (*anima*) – как бы некоего божества (*numen*) и тела – вроде бессловесной скотины. В отношении тела мы настолько не превосходим животных другого рода, что по всем своим данным находимся гораздо ниже них. Что касается души, то мы настолько способны воспринять божественное, что сами могли бы пролететь мимо ангелов и соединиться с Богом. Если бы не было тебе дано тело, ты был бы божеством, если бы не был в тебя вложен ум (*mens*), ты был бы скотом» [22, с. 111].

Через взаимодействие человеческих потребностей формируется душа и ее свойства. Происходит постоянный переход от материального к идеальному и наоборот (потребности выражают то материальную сущность, то идеальную. «...Ведь ты сам можешь видеть, – пишет Эразм Роттердамский, – что некоторые люди с весьма скромными природными способностями так податливы и легки, что безо всякого труда приходят к добродетели, бегут вперёд без шпор, по своей воле» [22, с. 114–115]. То есть взаимосвязь и взаимообусловленность материального и идеального является не просто природной особенностью человека, она формирует эту природу, создавая в новых последующих поколениях людей наиболее удачное соотношение материального и идеального. «...Дух, в котором выражается подобие наше божественной природе, на котором всеблагий Создатель по первообразу своему запечатлел перстом, т. е. Духом своим, вечный закон добродетели. Это скрепляет нас с Богом, делает единым с Ним. С другой стороны, третьей и средней между ними он считает душу, которая способ-

на к чувствам и естественным порывам. Она, словно в каком-нибудь мятежном государстве, не может не примкнуть к одной из двух сторон; её тянут и туда и сюда; она вольна склониться куда хочет» [22, с. 120–121]. Таким образом, делает вывод Эразм Роттердамский, душа человека участвует в формировании человека.

Английский мыслитель и писатель Святой Католической церкви Томас Мор (Saint Thomas More) (1478–1535 гг.) считал основной причиной всех пороков и бедствий частную собственность и обусловленные ею противоречия интересов и потребностей личности и общества, бедных и богатых. Частная собственность и деньги, по его мнению, порождают преступления, которые нельзя остановить никакими законами. Рассуждая об устройстве общества без частной собственности и равных потребностях людей этого общества, Томас Мор писал: «... Я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности...» [15, с. 101].

Вместе с тем, именно деньги и частная собственность, по мысли Томаса Мора, дают возможность развиваться потребностям человека вне рамок его биологической природы. Деньги дают возможность человеку удовлетворять свои потребности. Потребности, таким образом, выступают как необходимость и эквивалент социального бытия человека.

Обращая внимание на то, что у человека и животных разные основы формирования их потребностей, Томас Мор пишет о внебиологической обусловленности потребностей человека. Полноценное развитие человека было бы невозможным, если бы в основе этого развития были бы лишь склонности природы человека. Его развитие обусловлено иной природой формирования потребностей.

Говоря об основных потребностях человека, Томас Мор называл потребность в труде, образовании, воспитании, счастье (удовольствии), вероисповедании. Главной среди них Томас Мор считал потребность в счастье (удовлетворении своих удовольствий): «... душа бессмертна и по благодати божьей рождена для счастья: наши добродетели и благодеяния после этой жизни ожидает награда, а позорные поступки – мучения» [15, с. 105].

Один из самых выдающихся мыслителей эпохи Возрождения, французский политик и философ Жан Боден (1529–1596 гг.) изучал развитие

исторического процесса, а также возникновение и становление государственных институтов. Жан Боден считал, что, в отличие от природы, где присутствует круговое вращение, в обществе осуществляется прогрессивное развитие. Государство он определял по Аристотелю – как совокупность семей. Потребности людей, живущих в государстве, различны. Жан Боден выделял и различал общие потребности и частные, подчеркивал, что их нельзя смешивать, дабы не стерлась грань между государством и гражданином. Говоря о моральных потребностях, Жан Боден отмечал их огромное значение не только для отдельного человека, но и государства в целом. Он называл среди отрицательных моральных потребностей и принципов жизни прелюбодеяние, воровство, кровосмешение, отцеубийство и др. [15, с. 147].

Жан Боден утверждал, что право творить и проводить в жизнь законы принадлежит государству по определению. Государство – обладатель верховной власти. Выше только Бог и законы природы. Люди, живущие в государстве, имеют многообразные и бесконечные желания и потребности: «... желания людей чаще всего ненасытны, они хотят иметь в изобилии не только вещи полезные и необходимые, но и приятные и бесполезные вещи» [15, с. 145]. Государство же регулирует поведение и потребности людей изданием законов, адресуемых всем без исключения подданным.

Итальянский философ Томмазо Кампанелла (Джованни Доменико) (1568–1639 гг.) – один из первых представителей утопического социализма, совместивший в своем мировоззрении три направления новой философии: рационалистическое, эмпирическое и мистическое. В своих работах Томмазо Кампанелла стремился дать научную основу христианству, опираясь на чувственное восприятие и познание разумом самого себя.

Томмазо Кампанелла мечтал об идеальном государстве, где нет частной собственности, а средства производства принадлежат обществу. В своей знаменитой работе «Город Солнца» он пишет, что каждый гражданин обязан трудиться, труд носит обязательный и всеобщий характер, признается почетным и благородным делом, а жители Города Солнца того почитают и принимают за знатнейшего и достойнейшего, «кто изучил больше искусств и ремесел». Так как производительным трудом занято все население, без исключения, рабочий день длится «не больше четырех часов». Потребление, как и производство, носит общественный характер. Со-

вместная жизнь уравнивает потребности людей, делая их и богатыми, и бедными одновременно, «...поэтому они не служат вещам, а вещи служат им» [15, с. 183].

Основной потребностью, по мнению философа, должно быть стремление к свободе, равенству, справедливости. Люди должны заниматься приятными для себя делами – наукой, прогулками, беседами, чтением и т. п., испытывая радостные чувства. При этом Томмазо Кампанелла понимал, что если даже не удастся построить такое государство в точности, то все же его описание имеет большое значение, как «образец для посильного подражания».

Фрэнсис Бэкон (1561–1626 гг.) – английский философ, основатель методологии опытной науки. Его идеи оказали несомненное влияние на последующее развитие науки и философии, способствовали становлению материализма и сенсуализма, а также индуктивной логики и естествознания. Именно в рамках материалистического направления философии произошел рывок в развитии представлений о потребностях.

Фрэнсис Бэкон рассматривал потребность как связующее звено в формировании общества. Он считал потребности основой человеческой природы, вследствие чего потребность следует воспринимать как данность, так как ее нельзя отменить: «И даже в чисто естественных процессах... легче обмануть природу, чем грубо подавить ее, и, таким образом, то, что осуществляется слишком прямо, оказывается часто неудачным и приносящим вред самому себе, тогда как обходной и постепенный путь бывает удобнее и эффективнее» [23, с. 185].

Теория Фрэнсиса Бэкона об обществе и человеке создана на достижении общественного блага и добродетели. Он выделял три типа блага: избавление от одиночества, помощь в делах и защита от обидчиков [23, с. 419–420]. При этом потребность творить добро исходит из самой человеческой природы.

Многочисленные потребности, которые есть у человека, государство удовлетворить не в состоянии, но оно должно делать вид, что когда-нибудь эти потребности все же будут удовлетворены. Фрэнсис Бэкон считал, что сознание в реализации потребности в деятельности играет важную роль. Ум в сознании дает большую радость, нежели другие средства, которые

человек «...может употребить для удовлетворения своих желаний или достижения душевного покоя» [23, с. 392].

Определенный интерес для нас представляет и точка зрения Фрэнсиса Бэкона на взаимосвязь свободы и культуры: человек существует в условиях универсальной обусловленности, однако он вовсе не обречен на рабское подчинение природе и обществу.

Рене Декарт (Renatus Cartesius) (1596–1650 гг.) – французский философ и математик, основатель новоевропейского рационализма. В основе его философских взглядов лежал дуализм души и тела, «мыслящей» (*res cogitans*) и «протяженной» (*res extensa*) субстанций. Рене Декарт отождествлял материю с пространством (протяжением), а движение сводил к перемещению тел. В качестве общей причины движения он называл Бога, который является творцом материи, движения и покоя. Человек при этом не что иное, как связь безжизненного телесного механизма с душой, обладающей мышлением и волей. Рене Декарт говорил о потребности человека в познании, философии, науке, важности разума. Разум, по Рене Декарту, критически оценивает опытные данные и выводит из этих данных скрытые в природе истинные законы. При умелом применении, считал он, нет пределов могуществу разума. Так, философия удовлетворяет потребность в познании мира, развитии разума и «...отличает нас от дикарей и варваров, и каждый народ тем более гражданственен и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов» [10, с. 233].

Обосновав ведущую роль разума в познании, Рене Декарт считал высшим благом, главной потребностью человека «...познание истины по ее первоначалам, то есть мудрость; занятие последнею и есть философия» [15, с. 234].

Таким образом, понимание и становление категории «потребность» уходит своими корнями к самым началам философской рефлексии и берет свое начало в античной, древнекитайской и восточной мысли. Именно в эпоху Античности была отмечена роль потребностей в жизни человека и общества, а также произошло разделение потребностей на материальные и идеальные. Уже тогда, рассматривая природу человека, философы обращали внимание на ее общественную обусловленность. Так, например, считалось, что потребности человека – это форма его зависимости от общества.

Изучение потребностей в античности происходило как в русле материалистических воззрений и было связано преимущественно с гедонизмом и эвдемонизмом, основу которых составляло обоснование человеческого поведения стремлением к счастью и наслаждению, так и в рамках философско-материалистических учений, делавших основной акцент на разграничении животных и человеческих потребностей.

В Древнем Китае также рассматривались потребности человека, но их биологическая или социальная обусловленность не изучалась, хотя понимание того, что потребности играют важную роль в жизни человека и имеют побудительную силу, уже было. При этом потребности не связывались напрямую с социальным бытием человека. Подразумевалось, что каждый человек имеет то, что обусловлено его способностями.

В эпоху средневековья приоритетным в изучении потребностей становится теологический аспект. Потребности человека рассматриваются в свете учения о душе и Духе, их развитие ориентировано на таинственную связь с божественными истинами. Духовные потребности резко противопоставляются материальным. Главное же заключается, как отмечалось выше, в том, что формируется духовный мир, отличающийся от мифологизированного сознания человека. Однако вне поля философской рефлексии остались материальные потребности, что явилось отражением объективной обстановки, которая была характерна для того времени – господства церкви в общественной и духовной жизни.

В философии Востока в средние века преобладало понимание того, что абсолютной ценностью человеческого бытия является Бог и душа. Именно Бог и душа пришли на смену прежним представлениям о саморазвитии человека под определяющим влиянием его потребностей. Потребности человека и их развитие обусловлено наличием у него души. Душа есть только у человека, у животных ее нет. Душа и Бог – вот основные детерминанты, определяющие человеческие потребности.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Купля и продажа рабочей силы / Пол. Собр. соч. – Т. 23. – С. 177–187.
2. Материалисты древней Греции. – М., 1955. – 483 с.
3. Антология мировой философии: в 4-х т. Т. 1. Ч. I. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.

4. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. – Л., 1970. – 780 с.
5. Богомолов А. С. Античная философия. М.: Изд-во МГУ, 1985. – 370 с.
6. Платон. Федон // Соч. – Т. 2. – С. 11–95.
7. Платон: Сочинения в 3 т. / Пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1971. – Т. I. – 687 с.
8. Платон. Государство // Соч. – Т. 3. Ч. 1. – С. 89–455.
9. Платон. Государство // Соч. – Т. 3. Ч. 1. – С. 89–455.
10. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4 / общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
11. Асп Э. К. Введение в социологию. – СПб., 1998. – 277 с.
12. Аристотель. Метафизика: Мудрый и мудрость. Удивление – источник появления науки о первых началах и причинах. Божественность мудрости. // Соч. в 4 т. – М., 1975, Т. I. – С. 67–70.
13. Сократ. Платон. Аристотель. Сенека: биографические очерки. – СПб.: ЛИО Редактор, 1994. – 326 с.
14. Древнекитайская философия. Поздние монеты. Сюнь-цзы. Собрание текстов в 2 томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1973. – 356 с.
15. Антология мировой философии: в 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – 776 с.
16. Августин Аврелий. Исповедь // История моих бедствий. – М., 1992. – 286 с.
17. Albertus Magnus. Opera omnia. – Т. 12. Monasterit Westfolorum, 1955. – 311 p.
18. Ибн Сина (Авицена). Избранные философские произведения. – М., 1980. – 524 с.
19. Николай Кузанский // Соч. в 2 т. – М., 1979. – Т. 1. – 362 с.
20. Дж. Реале, Д. Антисери, Западная философия от истоков до наших дней / соч. в 3-х томах. – Т. 2. Средневековье. – ТОО ТК: Петрополис, 1994. – 434 с.
21. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. – М.: Мысль, 1991. – 326 с.
22. Роттердамский Э. Философские произведения. – М.: Наука. 1987. – 452 с.
23. Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук // Сочинение в 2 т. Т. 1. – М., 1977. – 497 с.

КОММУНИКАЦИЯ КАК СТРУКТУРНО-ПОНЯТИЙНОЕ ЯВЛЕНИЕ

А. А. Гук

Солидаризируясь с утверждением одного из исследователей, обозначим основные условия существования коммуникации: 1) наличие двух или более субъектов коммуникации; 2) наличие хотя бы у одного из субъектов некоторого смысла; 3) возможность превращать смысл в формализованное сообщение; 4) наличие каналов связи; 5) способ перекодировки сообщений и возможность извлечения из них понятного содержания [5, с. 45]. Перечисленные условия действительно составляют основные моменты осуществления коммуникации, но, на наш взгляд, более тесно соотносятся с феноменом общения, потому что предполагают субъектно-субъектные отношения.

Данные условия, превращаясь в сущностные характеристики, с точки зрения отдельных авторов, могут составлять законы коммуникации. Первый из них гласит: «*Всякая коммуникация представляет собой взаимодействие, характеризующееся обменом разного рода информацией, следовательно, должно быть не менее двух сторон...*». Второй закон постулирует принцип обратной связи, «*которая выступает необходимым условием осуществления коммуникативного акта...*». Третий – провозглашает знаковый характер коммуникации, подчиняющейся определенным правилам. Четвертый – определяет общую систему кодирования и декодирования информации («*закон минимального основания*»). Пятый – утверждает различие «*информационных потенциалов взаимодействующих систем*» («*закон гетерогенности*») [9, с. 23]. На наш взгляд, некоторые из перечисленных выше законов также не могут носить всеобщий характер, потому что сужают содержание коммуникации до «*взаимообмена*», «*обратной связи*», которые преимущественно характерны для общения. В таком случае из смыслового поля коммуникации выпадают формы, которые лишь передают информацию, осуществляя управляющее воздействие на объект со стороны субъекта.

Ради чего совершается коммуникация? Ответ на этот вопрос предполагает формулировку цели. По мнению большинства исследователей, це-

левая направленность коммуникации состоит в том, чтобы получатель понял отправителя информации. К примеру, Грачев В. И. пишет: «Главная цель коммуникации – это понимание содержания передаваемого коммуникантом и получаемого реципиентами коммуникационного сообщения...» [1, с. 18]. Сам феномен понимания, по словам М. Мерло-Понти, раскрывается не только в языке через семиотические категории, но, прежде всего, с помощью языкового осуществления – речи. Понимание у него и есть речь [1, с. 15]. По теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, на которую ссылается Грачев В. И., коммуникация ориентирована «на достижение, сохранение или обновление консенсуса как основного фактора солидарности и стабильности общества» [1, с. 16–17]. Хочется заметить при этом, что обозначенная цель принадлежит только социальной коммуникации и не распространяется на коммуникацию в целом, так как в неживой природе понимания быть не может, там есть только отражение.

Вполне логично предположить, что основным эффектом коммуникации следует считать «меру совпадения смысла отправителя со смыслом, который формируется у получателя после принятия соответствующего сообщения» [5, с. 45–46].

Коммуникация – это процесс, в котором можно выявить отдельные элементы, составляющие его структуру. При определении структуры коммуникации у большинства исследователей практически нет разногласий. Одной из первых структурных моделей коммуникации явилась модель, предложенная в 1948 году Г. Лассуэлом. Она включает в себя следующие основные элементы: «кто сообщает – что – по какому каналу – кому – с каким эффектом» [9, с. 443]. Это однонаправленная линейная модель коммуникации, которая в дальнейшем совершенствовалась и развивалась и которую можно назвать социолингвистической. Несколько иная, технологическая модель коммуникационного процесса была представлена в 1949 году Шенноном и Уивером. Схема его такова: источник – передатчик – сигнал – приемник – получатель. Между передатчиком и приемником функционирует сигнал, которому, как правило, сопутствуют различного рода шумы [10, с. 14].

Современные исследователи коммуникации включают в ее структуру «как минимум: 1) двух участников – коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, напри-

мер, языка; 2) ситуацию, которую они стремятся осмыслить и понять; 3) тексты, выражающие смысл ситуации...; 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными...; 5) процесс материальной передачи текстов» [6, с. 30–31]. В этой структуре уже заметна смена акцентов – если первые модели коммуникационного процесса отправной точкой своих построений делали средства массовой коммуникации и информации, то на современном этапе стала учитываться такая его форма, как общение.

Центральной категорией и элементом коммуникации является понятие сообщения, которое в семиотике обозначается как текст. В данном случае мы будем отождествлять оба этих понятия. Отдельные авторы даже утверждают, что сущность коммуникации состоит именно в создании текста [10, с. 85]. Любой текст несет в себе определенный смысл и является единицей языкового (речевого) действия. В основе текста лежит знаковая система. Сами по себе знаки любого типа и вида обладают значением, а их совокупности формируют осмысленные высказывания.

Все формы коммуникации, так или иначе, основаны на производстве и потреблении знаков. Изучение знаков имеет давнюю традицию и составляет основной предмет семиотики. В логико-философской традиции (Ч. Морис, Р. Карнапу) знак понимается как материальный носитель, «представляющий другую сущность...» [8, с. 17]. У Ф. де Соссюра знак выступает как двусторонняя сущность. «...Материальный носитель называется означающим, а то, что он представляет – означаемым знака» [8, с. 17]. Синонимами «означающего» могут быть такие понятия, как «форма», «референт», а синонимами «означаемого» – термины «содержание», «значение». По мысли Соссюра, знак представляет не самого себя, а связь между вещами. Значение конкретного знака «не дано в нем самом», а детерминируется отношениями в языковой системе на социально-культурной основе [7, с. 33].

Общей функцией знаков является их способность к замещению чего-либо или кого-либо реального. Ю. Лотман в своей работе «Анализ поэтического текста» формулирует это следующим образом: «Знак всегда замена. В процессе социального общения он выступает как заменитель некоторой представляемой им сущности... Отношение заменяющего к заменяемому, выражения к содержанию составляет семантику знака» [3, с. 14]. К сказанному можно добавить, что знак не только представляет и замещает

предметы, но и «анализирует, абстрагирует и обобщает их признаки» [4, с. 39]. Обобщая сказанное о знаках, можно сделать вывод о том, что в содержание знака входит: предмет (означаемое); референт (означающее); отношение между предметом и референтом, представляющее собой ассоциативную связь или референцию. Все эти отношения укладываются в известный равнобедренный треугольник Огдена-Ричардсона.

Р. Барт, анализируя отношение между означающим и означаемым, вводит такие понятия, как «денотация» и «коннотация». С его точки зрения, очевидное значение знака без каких-либо риторических или идеологических наслоений, соотносящееся непосредственно со здравым смыслом, называется денотацией [7, с. 36]. Коннотация, напротив, отражает в знаке эмоционально-чувственное в общем ценностном контексте культуры. Важным при этом является то, что означающее первого порядка (денотация) оказывается знаком коннотации (означающим второго порядка). Р. Барт в качестве примера, различающего денотацию и коннотацию, приводит фотографию. По его мнению, то, что фотографируется, есть денотация, а то, как фотографируется – коннотация. Слово, как знак, тоже имеет денотативное (референтное) и коннотативное значение.

Между знаками существует связь, определенного рода отношения, которые Соссюр обозначил как парадигматические (алфавит) и синтагматические (соединение парадигм) [7, с. 35]. Алфавит человеческого языка является наиболее убедительным примером парадигматических отношений. Комбинация элементов парадигмы (алфавита) приводит к формированию синтагмы (слова, предложения), которая представляет собой цепочку, несущую значение. Так как знаками могут быть не только слова, но и другие символы и даже просто предметы, то речь может идти о культурной парадигме и синтагме. «...Наша одежда представляет собой синтагму выборов из парадигм шляп, галстуков, рубашек, брюк и т. п.» [7, с. 35]. Соединение элементов парадигмы детерминировано некоторыми правилами (в словесном языке – это грамматика или синтаксис). Синтагматические отношения обеспечивают существование текста. Для его создания и восприятия необходимо владение определенными правилами, или кодами.

Код – это, прежде всего, система, конвенционально устанавливающая связь между совокупностью знаков и их значением (смыслом). С помощью кодов, по словам П. Н. Ольшевского, в ситуацию «равновероятно-

сти источника» вводится система вероятностей [8, с. 24], которая затем закрепляется. Функция знаковой конвенции состоит в том, чтобы с помощью означающего отправитель знака мог актуализировать значения в сознании получателя. Данный способ установления конвенциональных норм принято называть кодификацией (и декодификацией) [8, с. 18]. Код есть условное преобразование, обычно взаимно однозначное и обратимое [1, с. 93]. Существует бесконечное множество кодов, которые, тем не менее, можно различать так, как это делает Д. Чандлер в отношении масс-медийных кодов, структурирование которых носит, на наш взгляд, универсальный характер. Он выделяет социальные, текстуальные и интерпретативные коды. Социальные коды: вербальные, тела, товарные, поведенческие, регулятивные. Текстуальные коды: эстетические (коды реализма), жанровые, теоретические, стилистические, коды канала. Интерпретативные коды: восприятия, придания значения и интерпретации, идеологические [8, с. 70].

В тексте необходимо различать семантику, синтактику и прагматику. «Семантика текста – это характеристика его отношений с действительностью, что и как отражено», то есть его смысл. Синтактика текста представляет его организацию, или характеристику внутренней структуры сообщения. И, наконец, прагматика характеризует отношение текста и аудитории. Здесь важна степень усвоения текста аудиторией, ценность представленной информации, ее практическая полезность [4, с. 163].

Текст всегда существует в каком-либо культурно-историческом контексте и вне него рассматриваться и правильно пониматься не может. По словам Т. Ван Дейка, «мы понимаем текст, только если понимаем ситуацию, о которой идет речь, то есть если у нас есть модель этого текста» [10, с. 85]. Понимать текст, не интерпретируя его, невозможно. Понятие интерпретации имеет несколько смыслов: это и вид критики, деконструкция (по Дерида); это и термин обыденной речи, и характеристика художественной презентации, и лингвистическое понятие (З. Шмидт). Г. В. Лысенко, со ссылкой на Г. Гадамера, пишет, что текст в процессе интерпретации становится многозначным. Таковым его делает потребитель, который на основе личного опыта и анализа контекста дополняет текст релевантной информацией, непосредственно в нем не содержащейся [4, с. 168–169].

В середине 70-х годов статистический анализ текста уступает место динамическому, он переосмысливается как коммуникативный процесс, и

текстовая терминология заменяется дискурсивной [4, с. 170]. Понятие «дискурс» вводит в научный оборот Д. Фриске. Дискурс определяется им как «язык или система репрезентации, которая развилась в ходе социальных процессов и которая создает и поддерживает когерентный набор смыслов относительно какого-то важного предмета» [8, с. 45]. Голландский лингвист Т. Ван Дейк трактует дискурс как «актуально произнесенный текст», а «текст», по его мнению, это абстрактная грамматическая структура произнесенного [4, с. 170]. Иначе говоря, дискурс представляет собой речевое действие, а текст – языковую систему, базирующуюся на лингвистической компетентности. Понятие «дискурс» является более широким, чем понятие «текст», и включает помимо него экстралингвистические, социокультурные, психологические и другие факторы [4, с. 170]. Поэтому для французских исследователей дискурс – «прежде всего определенный тип высказывания, присущий социально-политической группе или эпохе...» [4, с. 170–71].

Если попытаться выяснить содержание понятия «коммуникация», то перед нами возникнет целый веер определений, который, например, дан в относительно новом учебном пособии «Основы теории коммуникации». Его авторы представляют коммуникацию как сложное многоаспектное явление, которое может быть рассмотрено и описано с точки зрения технической, биологической, социальной, а также с позиций универсального философского знания.

Обширный перечень определений коммуникации приведен в статье Е. П. Тавокина «Массовая коммуникация как научная категория» [5]. Например, С. Теодорсон и А. Теодорсон, определяя коммуникацию, отмечают, что это есть передача информации от человека к человеку или от группы к группе посредством символов [5, с. 40–41]. Г. Гебнер в своем определении, уточняя механизм коммуникации, вводит вместо понятия «символ» понятие «сообщение» и, в противоположность Теодорсонам, акцентирует внимание на социальном взаимодействии, то есть на двусторонней направленности информации [5, с. 41]. Каждый из исследователей, раскрывая понятие коммуникации, по-своему расставляет акценты, вводит в него различные смыслы. У В. П. Конецкой обращается внимание на условия общения, при которых происходит процесс передачи и восприятия информации [5, с. 41]. У В. П. Шаркова основными характеристиками коммуникации

является системность и процессуальность взаимодействия при создании, передачи и приеме информации [5, с. 41].

Наиболее универсальное определение коммуникации предложено в Российском энциклопедическом словаре: «Коммуникация – 1) путь сообщения, связь одного места с другим; 2) общение, передача информации от человека к человеку – специфические формы взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся, главным образом, при помощи языка (реже при помощи других знаковых систем)» [11]. Бесспорно, в данном определении схвачены специфические характеристики коммуникации, но не совсем ясно, ради чего происходит это взаимодействие и какова его цель?

Интегрируя многие из приведенных выше определений коммуникации, Е. П. Тавокин выделяет в них два основных смысла: «1. Средство или технология, обеспечивающая возможность информационного взаимодействия между субъектами (телеграф, радио, телефон, СМИ, транспорт и т. д.; 2. Сам процесс информационного взаимодействия между субъектами коммуникации» [5, с. 44–45]. При таком подходе в определении коммуникации «исчезает» результат информационного взаимодействия, но его автор полагает, что результат является частным случаем процессуальности.

Гуманитарии, обращаясь к коммуникации, имеют в виду, прежде всего, социальную сферу, то есть апеллируют к социальной коммуникации. Такой подход демонстрирует, например, Н. Г. Асмус, подчеркивающий, что в теории термин «коммуникация» используется для обозначения и характеристики «многообразных связей и отношений, возникающих в человеческом обществе» [9, с. 12]. И с ним солидарны большинство современных исследователей. «Коммуникативные процессы рассматриваются как специфическая форма взаимодействия людей по передаче информации от человека к человеку, осуществляющаяся при помощи любых знаковых систем (Василик 2003; Вацлавик 2000; Зверинцев 1997; Землянова 1999; Кашкин 2000; Конецкая 1997; Панфилов 2001; Почепцов 1997, 2001)» [9, с. 12].

Инвариантом подавляющего большинства определений коммуникации является понятие информации. Но в коммуникации присутствует не только информационный аспект (смысл), но и целый ряд других. У некоторых авторов этих основных интерпретационных смыслов три: 1) средст-

во связи любых объектов; 2) общение человека с человеком; 3) общение и обмен в обществе [1, с. 12, 4, с. 13]. На наш взгляд, наиболее полно и системно они изложены в работе И. Н. Дубины, который выделяет пять смысловых аспектов коммуникации: информационный, интеракционный, управленческий, организационный, технологический [2, с. 69–70]. По мнению И. Н. Дубины, информационная коммуникация выступает как связь, передача, обмен сведениями, данными, сообщениями, сигналами между системами, которые способны их принимать, хранить, преобразовывать, воспроизводить и т. д. Причем такими системами могут быть не только «человек-человек», но и «человек-машина», «человек-биологический организм», «животное-животное» и т. д.

Коммуникация как интеракция есть, прежде всего, межсубъектное взаимодействие, которое часто называют общением. Интеракционная коммуникация диалогична и равноправна. Как только она становится монологичной, на первый план выходит управленческий аспект и коммуникация из субъектно-субъектных отношений переходит в субъектно-объектные отношения. В управленческой коммуникации «объектный» участник является предметом преобразования, оценки, познания для «субъектного» участника.

С точки зрения организационной коммуникация выступает как способ внутренней организации и внутренней эволюции коллектива, общества. А коммуникация как технология реализуется главным образом через ее средства, способы, каналы [2, с. 69–70].

Очень важным и дискуссионным в теории коммуникации остается вопрос о соотношении понятий «коммуникация», «общение». Существует несколько точек зрения на эту проблему. Одни исследователи отождествляют понятия коммуникации и общения (Л. С. Выготский, В. Н. Курбатов, Л. А. Леонтьев, Т. Парсонс, К. Черри), другие разделяют их (М. С. Каган). Одни авторы считают понятие коммуникации более узким, чем понятие общения (Г. М. Андреева), другие наоборот (А. В. Соколов) [9, с. 24–26].

Подвергая критике редукцию понятий «коммуникация» и «общение», П. В. Мусиец замечает, что в первом случае информация только передается, тогда как во втором она еще и формируется, уточняется, развивается [6, с. 27]. В связи с этим тогда возникает вопрос: откуда же берется

информация в процессе коммуникации, кто ее формирует? Ответ, на наш взгляд, очевиден: все тот же субъект коммуникации, который в принципе ничем не отличается от субъекта общения. Их различие можно усмотреть лишь в том, что субъект коммуникации готовит свою информацию заранее, тогда как субъект общения извлекает ее из своего интеллектуального багажа непосредственно в момент взаимодействия. Хотя существуют и монологические формы общения, при которых данное различие размывается (учитель-ученик, актер-зритель, офицер-солдат и т. д.). Спорными представляются и суждения М. С. Кагана, проводящего демаркационную линию между рассматриваемыми понятиями на основе оппозиций: коммуникация – информационный процесс, общение – практически-духовный процесс; первая – монологична, второе – диалогично. На наш взгляд, это различие относительно, не является сущностным и носит характер тенденции, историзма.

Что касается проблемы – что уже, а что шире из данных понятий, то здесь важна точка отсчета, прежде всего, в отношении информации. Если подходить к информации как сведениям, которыми человечество обменивается, то понятие «общение» предстанет самым широким. В нем вместе с информационной стороной взаимодействия людей присутствует также интерактивная и перцептивная стороны. А если информацию рассматривать как всеобщий атрибут материи, отражение разнообразия в окружающей нас действительности, то всякое взаимодействие можно трактовать в терминах коммуникации [9, с. 28].

Из множества определений коммуникации, данных современными исследователями, для нас наибольший интерес представляют такие, которые: а) не претендуют на всеобщность, универсальность; б) опираются, прежде всего, на социально-личностную сферу; в) подчеркивают деятельностный характер коммуникации. В соответствии с этим нами предлагается следующее операционное (рабочее) определение. *Коммуникация – это способ социально-личностной деятельности людей, основу которого составляют информационные потоки, реализуемые с помощью разнообразных знаковых систем для обеспечения существования и развития человеческих отношений.*

Литература

1. Грачев В. И. Коммуникация – ценность – культура. – СПб., 2006.
2. Дубина И. Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций. – Новосибирск, 2000. – 189 с.
3. Ликинская И. С. Проблема условности в искусстве: на материале современного российского кино. Дис. ...канд. филос. наук: 09.00.04. – М., 2001. – 144 с.
4. Лысенко Г. В. Средства массовой коммуникации в современном обществе. – Волгоград, 2005.
5. Массовая коммуникация в структуре социальной информатиологии: сб. статей. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 282 с.
6. Мусиц П. В. Социально-философский анализ субъектов коммуникации. Дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2006. – 170 с.
7. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. – М., 1999.
8. Ольшевский П. Н. Семиотические аспекты телевизионной коммуникации. Дис. ...канд. социолог. наук: 22.00.04. – М., 2006. – 130 с.
9. Основы теории коммуникации. Учебно-метод. пособие / сост. Ж. В. Николаева. – Улан-Удэ: ВСГТУ. – 2004.
10. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. – Барнаул, 2003.
11. Российский энциклопедический словарь. – Кн. 1. – М.: 2001.

ПРОБЛЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ

Л. И. Петров

Проблема потребностей человека, их природа и роль в человеческой жизни всегда привлекала внимание ученых. Она заявила о себе в античный период. Еще Аристотель, Гераклит, Демокрит, Лукреций, Платон, Сократ и другие мыслители древности говорили о «нужде» как учительнице жизни. «Именно в эпоху Античности была отмечена роль потребностей в жизни человека и общества, а также произошло разделение потребностей на материальные и идеальные. Уже тогда, рассматривая природу человека, философы обращали внимание на ее общественную обусловленность. Так,

например, считалось, что потребности человека – это форма его зависимости от общества.

Общественные и личные потребности имеют конкретно-историческую обусловленность, проявляющуюся в генезисе, сущности и конкретном содержании в различные периоды истории. Изучению потребностей посвящено большое количество отечественной и зарубежной научной литературы. В ней предпринимается попытка дать определение потребности, выявить ее сущность, структуру и другие специфические характеристики. Однако к единой точке зрения в осмыслении феномена потребностей наука так и не пришла. Несмотря на обилие толкований потребности на личностном и социальном уровнях, в рамках разных наук и теорий, настоятельная необходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата категории «потребность», позволяющего осуществить ее более глубокий и всесторонний анализ, никуда не исчезла. В настоящее время в философской, социологической, культурологической, экономической и психологической литературе существует большое разнообразие подходов в понимании потребностей.

Целью настоящей статьи является попытка разобраться в существующих теориях потребностей и выявить основные отличия в толковании рассматриваемой категории в рамках разных наук. Для того чтобы достичь поставленной цели, обратимся к сути понятия «потребность» и выделим основные детерминанты, определяющие ее содержание и направленность.

Несмотря на то, что проблема потребностей волновала людей издавна и нашла отражение в творчестве многих выдающихся мыслителей прошлого, как самостоятельная проблема в области научного знания она стала обсуждаться сравнительно недавно – в начале двадцатого века. По мнению ряда исследователей, одной из первых работ, посвященных потребностям, стала книга Л. Brentano «Опыт теории потребностей», в которой автор определил потребность как «...всякое отрицательное чувство, соединенное со стремлением устранить его при помощи удаления вызывающей его неудовлетворенности» [3, с. 10]. С того времени появились различные точки зрения на природу потребностей и их сущность – от биологических до социологических, экономических, культурологических и философских. Но это нисколько не упростило проблему.

В самом широком значении потребность (need; requirement) является существенным звеном в системе отношений любого действующего субъекта, – отмечает А. Г. Здравомыслов, – это определенная нужда субъекта в некоторой совокупности внешних условий его бытия, притязание к внешним обстоятельствам, вытекающее из его существенных свойств, природы. В этом качестве потребность выступает как причина всякой жизнедеятельности. Это наиболее общее, философское значение потребности, оказывающее прямое или косвенное влияние на трактовку понятия в рамках таких наук, как социология, культурология, социальная психология, комплекса дисциплин, изучающих политические процессы, и других общественных наук. Данное понятие распространяется на весь мир органической и социальной жизни, как бы указывая на естественную связь между этими двумя высшими формами движения материи. В известной степени этим обстоятельством объясняется и многогранность понятия потребности, и его достаточно общий характер [7, 12].

Различные науки исследуют многообразную картину потребностей, делая акценты на разных ее сторонах и свойствах, подразделяя их:

- по сферам деятельности (в труде, познании, общении, отдыхе и развлечениях и др.);
- по объекту (материальные, духовные);
- по значимости (доминирующие, второстепенные или центральные и периферические);
- по устойчивости (устойчивые, временные или ситуативные);
- по функциональной роли (естественно-физиологические, социокультурные);
- по субъекту (индивидуальные, групповые, коллективные, общественные) и др.

Все это обуславливает разнообразные точки зрения на сущность потребности – от биологических (витальных) до социально-философских. К первым, например, относятся представления З. Фрейда (о влечении) [23], ко вторым – представления Д. А. Леонтьева о потребности как отношении между личностью и окружающим миром [11] и В. С. Магуна (как отсутствия блага) [12].

Выделяются несколько различных подходов к изучению потребности. Так, например, одни исследователи характеризуют потребность через

нужду, необходимость, некое состояние, обусловленное бытием индивида, то есть потребность в данном случае понимается как объективное явление, определяющее поведение человека (Л. П. Евстегнеева, [6, с. 50], А. А. Нестеренко [21, с. 5], Л. С. Сысоева [22, с. 33–34]), другие видят в потребности субъективное состояние, обуславливающее человеческую активность (Н. С. Кузнецов [9, с. 98], А. Н. Леонтьев [10]), третьи исходят из особенностей человека как биологической системы (Л. А. Зеленов [8, с. 32]), четвертые подходят к потребностям как выражению субъективно-объективного отношения человека к окружающему миру (В. Г. Афанасьев [1, с. 219], С. С. Батенин [2, с. 66], Л. П. Буева [4], Б. М. Мочалов [20, с. 4]). Таким образом, делает вывод автор, попытка отыскать внешние и внутренние характеристики, взаимосвязь объективного и субъективного в определении потребности привела к тому, что некоторые ученые стали рассматривать потребность не как состояние объекта или субъекта деятельности, а как специфическое отношение между ними. Отсюда потребности человека в их интерпретации выражают практическую связь с миром и зависимость от него, наличие самих потребностей (например, по С. Л. Рубинштейну) свидетельствует о том, что человек испытывает нужду в чем-то, что находится вне его, и означает, что он существо страдающее и, в этом смысле, пассивное. Вместе с тем потребности человека есть исходные побуждения к деятельности: благодаря им человек выступает как активное существо.

Мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые полагают, что потребности, являясь сложным, многогранным явлением, детерминированы как внешним, так и внутренним, объективным и субъективным. «Соотношение между указанными сторонами потребностей (объективной обусловленностью и «осознанием») очень часто бывает противоречивым. Так, изменение социального статуса личности не предполагает автоматического изменения сознания. Это происходит не сразу (тут возможны как отставание от изменений бытия, так и опережение). В качестве примера можно взять сегодняшнюю социально-экономическую ситуацию. Быстрый переход человека из одной социально-экономической группы (как правило, экономической) в другую не предполагает автоматического переворота в его духовном мире. К несчастью, привычные формы его отношения к себе, окружающим, обществу (образ мыслей, ценности, идеалы, потребности и т. д.) еще долго сохранятся или вовсе не изменятся».

Изучение категории «потребность» в рамках философской теории проходило по двум основным направлениям – материалистическому и идеалистическому. «И это не удивительно, так как большинство научных подходов всегда располагалось между двумя философскими течениями: рационализмом и иррационализмом, – отмечает Г. Г. Дилигенский. – И в этом смысле потребности не исключение» [5]. Приверженцы материалистических воззрений обращали внимание на зависимость поведения человека от «природного начала», обуславливающего его сознание и волю. Идеалисты же объясняли потребность как некую производную особой духовной субстанции. Это объясняет тот факт, что в философской литературе не дается единой трактовки потребностей.

Несмотря на то, что представители идеалистического направления внесли значительный вклад в разработку категории «потребность», по нашему мнению, понять потребность в качестве основной детерминанты, обуславливающей поведение человека, возможно лишь с материалистических позиций. И в этом смысле концепция потребностей К. Маркса имеет непреложное значение для нашего исследования. Дело в том, что изучение человеческих потребностей К. Марксом является отправной точкой их системного изучения, ибо он заложил основы представления о «материальном» как исходном элементе деятельности, соотнес потребности с человеческой деятельностью, определив их в качестве основного иницирующего фактора деятельности субъекта.

Потребности человека, как элемент его социального бытия, меняются, находясь в системе «производство – потребление». Исследуя эту взаимосвязь, К. Маркс обратил внимание на единство производства и потребления: «...Потребление создает... идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, ...влечение к производству, оно... также полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» [13, с. 28]. По мнению К. Маркса, само производство, в широком смысле, есть акт потребления (производительное потребление): «...Производство как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством...» [13, с. 26]. Потребности же выполняют роль связующего звена между производством и потреблением, так как в самом акте производства изменяются не только объективные условия, но и сами производители: «Производ-

ство создает... не только предмет для субъекта, но также субъект для предмета» [13, с. 28]. Именно потребление воспроизводит потребность, «...порождает способности производителя, побуждая в нем направленную на определенную цель потребность» [13, с. 29].

Собственно потребление продуктов производства (потребительное производство) есть воспроизводство самого человека. «...В процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, – это ясно, – отмечает К. Маркс, – но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, которое с той или другой стороны, каждый в своем роде производит человека» [13, с. 27]. Говоря о взаимодействии производства и потребностей, он обращает внимание на то, что производство есть процесс расходования сил человеческого организма, поэтому все виды труда «...по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускул, органов чувств и т. д.» [14, с. 81].

Особенностью человека как живого существа является его зависимость и обусловленность предметами природы. В отличие от человека, атом «...лишен потребностей, он есть нечто самодовлеющее; мир вне его – абсолютная пустота, т. е. лишен всякого содержания, всякого смысла, всякого значения именно потому, что атом обладает внутри самого себя всей полнотой существующего» [15, с. 134]. Иными словами, отсутствие потребностей у атома детерминировано наличием у него условий своего собственного существования – возможностью существовать за счет собственной внутренней энергии. Для человека же природный мир выступает «строительным материалом» для его тела, но в качестве такового это возможно лишь при непрерывном процессе усвоения и потребления предметов природного мира. «Человек живет природой, – пишет К. Маркс. – Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [16, с. 92]. Таким образом, взаимодействие человека с миром природы является жизненно необходимым условием его существования. Основную часть так называемых жизненных средств (помимо воды, воздуха) человек обязан произвести из природного субстрата, следовательно, существование процесса производства жизненных средств и средств производства является для человека объективной необходимостью.

Потребности, являясь элементом системы «производство – потребление», находятся под непосредственным ее влиянием. Различают материальное и духовное производство. Остановимся более подробно на духовном производстве. Так, выделяют следующие виды предметно-чувственной объективации продуктов духовного производства: предметы и предметные формы деятельности [17, с. 420–421].

Считается, что в рамках духовного производства создаются предметная область духовных потребностей, а также объекты духовного потребления. К. Маркс указывал: «В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь; в распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствование между производством и потреблением; в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивида» [13, с. 25]. Именно в рамках духовного производства осуществляется распределение духовных ценностей: «Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но как уже производящий и воспроизводящий себя самого индивид» [13, с. 30]. В процессе удовлетворения имеющихся и новых потребностей «...происходит «культивирование» всех свойств общественного человека с возможно более богатыми связями, а потому и потребностями, – производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества» [13, с. 386].

К. Маркс называл «потребительным производством» такой вид духовного потребления, который предполагает развитие личности и ее воспроизводство [13, с. 26–30]. В рамках индивидуального потребления (потребительного производства) личность воспроизводит саму себя, свои способности и потребности. По мнению К. Маркса, этот процесс во многом обусловлен экономическими и социальными свойствами потребляемых предметов [18, с. 80]. В «потребительном производстве» он выделял объективные и субъективные элементы. «Потребитель, – отмечает К. Маркс, – не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и его потребностях. И те, и другие определяются его общественным положением, которое зависит, в свою очередь, от организации общества в целом» [18, с. 80].

В структуре потребностей человека отражаются как его объективные, так и субъективные характеристики. Потребности соответствуют раз-

нообразию «...способностей отдельных индивидов к выполнению различных, необходимых для удовлетворения этих потребностей видов труда» [19, с. 315].

Таким образом, потребности личности и общества обуславливаются материальным производством, получают в нем определенность и являются формой его развития: «Производство создает материал как внешний предмет для потребления, потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель производства» [13, с. 29].

В результате анализа работ К. Маркса мы приходим к важнейшему для нас методологическому выводу: его философско-социологическая концепция обусловлена развитием понимания материального как основополагающего фактора процесса производства и потребления. При этом потребности человека формируются в результате его включения в общественные отношения, процессы производства и потребления материальных и духовных ценностей. Производство, активность самого человека как субъекта потребностей при этом выступают в качестве важнейших характеристик потребностей и потребления.

Исходя из этого, можно сделать промежуточный вывод, что в самом общем виде потребности обладают следующими признаками:

- потребность обладает своим предметом, всегда осознается как нужда, необходимость в чем-либо;
- потребность имеет конкретное содержание, определенное условиями и способами ее удовлетворения;
- потребность обладает необходимостью воспроизводиться и возвышаться;
- потребность есть неотъемлемое свойство всего живого, причина всякой жизнедеятельности.

Литература

1. Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. – М., 1977. – 314 с.
2. Батенин С. С. Человек в его истории. – Л., 1976. – 432 с.
3. Brentano Л. Опыт теории потребностей. – Казань, 1921. – 235 с.
4. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1988. – 369 с.

5. Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей // Вопросы философии. – 1984. – № 4.
6. Евстигнеева Л. П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. – М., 1975. – 315 с.
7. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М., 1986. – С. 6.
8. Зеленов Л. А. Потребность и деятельность // Человек и предметный мир. – Горький, 1980. – 210 с.
9. Кузнецов Н. С. Человек: потребности и деятельность. – Свердловск: УрГУ, 1992. – 312 с.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977. – 359 с.
11. Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. – 1992. – № 2. – С. 107–120.
12. Магун В. С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии. – 1985. – № 2. – С. 118–126.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения – Т. 46. – Ч. I.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Полн. собр. соч. – Т. 20.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 47.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики // Полн. собр. соч. – Т. 2.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Полн. собр. соч. – Т. 42.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 26. – Ч. I.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4.
20. Мочалов Б. М. Потребности развитого социалистического общества. – М., 1975. – 188 с.
21. Нестеренко А. А. Возвышение потребностей в условиях развитого социализма. – К., 1981. – 224 с.
22. Сысоева Л. С., Приходько Д. Н. Эстетическая потребность и эстетическая деятельность. – Томск, 1980. – 184 с.
23. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Мир, 1989. – 448 с.

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКВИ

Т. А. Шимчук

Исходным пунктом объективного социологического анализа религии считается понимание ее как социокультурного института, которое совмещает в себе понимание религии как *культурной системы* (сфера символов и ценностей) и *социального института*, который функционирует в тесном взаимодействии с другими социальными институтами современного общества. В задачи социологии религии входит изучение религии как социального феномена, определение особенностей функционирования религии в обществе, типология религиозных организаций, исследование социальных функций религии, современной религиозной ситуации, разработка социологических теорий религии.

Таким образом, методологическую особенность социологии религии можно определить как социоцентризм. Вторая особенность социологического анализа состоит в исследовании функций Церкви (как основной формы религиозной организации) и других религиозных объединений как *культурной системы*, влияющей на другие социальные системы общества. Третья особенность связана с выявлением позиции главного действующего лица религиозной системы – человека, его религиозного опыта, религиозных чувств и настроений. Без субъекта религиозной деятельности нет объекта – религиозной системы как таковой, которая теряет свою предметность и смысл.

Современная отечественная социология религии развивается в условиях *методологической антиномии*, представленной двумя противоположными парадигмами в исследовании Церкви как социокультурного института духовности: *антитезис* утверждает, что подлинно научное и объективное исследование Церкви, как и любых других религиозных феноменов, возможно только с позиций «методологического атеизма / агностицизма», *тезис* указывает на методологическую самодостаточность христианства как мировоззрения (позиция, которую условно обозначим как «методологический теизм»).

Таким образом, характеризуя современное состояние социологии религии, религиоведения и других наук, изучающих религиозную жизнь, мы

можем констатировать, что отечественная социология и религиоведение находятся на этапе установления своего рода баланса, равновесия между, условно говоря, двумя крайними позициями – «методологическим атеизмом» и «методологическим теизмом». Это равновесие открывает возможность взаимного обогащения современного социологического и гуманитарного знания, углубляющего понимание Церкви как социокультурного (и духовного) института. В основе новой методологии должно лежать, согласно Бердяеву, разграничение двух планов бытия – небесного и земного, вечного и временного, духовного и природного. Смешением двух планов бытия и двух методов исследования грешили и апологеты веры, и апологеты неверия [1, с. 695].

Атеистическую методологию социологии как инструмент достижения объективности научного исследования религии подверг критике уже Н. А. Бердяев: «Религиозную жизнь начали научно исследовать после того, как перестали верить в ее реальность. Наука о религии не верит в реальность своего предмета, она его считает иллюзорным» [1, с. 687]. Э. Дюркгейм, продолжает Бердяев, не замечает, что «предмет науки о религии есть лишь эпифеномен жизни общества». Такую методологию русский философ охарактеризовал как «ложную методологию». Прежде всего, полагал Бердяев, «необходимо установить, что плодотворным будет то исследование, которое признает реальность своего предмета», «нужно иметь духовное зрение, чтобы увидеть и опознать духовный объект» [1, с. 689].

С другой стороны, Н. А. Бердяев подвергает критике и представителей консервативной ортодоксии, которые отрицают социальную обусловленность религиозных верований и учреждений: «Церковь есть не только мистическое тело Христово, церковь есть также социальный институт, она принуждена жить и действовать в социальной обыденности» [2, с. 21]. Церковь как социальный институт представляет собой социологический феномен, поэтому «несет на себе печать ограниченности и относительности всех социологических феноменов», «подвергается коллективным социальным воздействиям, приспособляясь к социальной среде». В этом смысле Н. А. Бердяев частично признает оправданность социологического подхода к анализу религиозных учреждений.

Задача данной статьи состоит в определении того вклада в исследование феномена Церкви, который способна внести христианская социоло-

гия, так как совершенно очевидно, что именно в сфере исследования религии и ее институтов социология религии ощущает уязвимость своих позиций и слабость своего методологического инструментария. Если же, отмечает отечественный исследователь В. А. Бачинин, социология религии «пытается напористо вторгнуться в далекие от нее сферы, если она не осознает пределов своих познавательных возможностей, это может обернуться для нее ситуациями конфузов и фиаско» [3]. Например, стремление обозначить уникальность Церкви как социокультурного института духовности в рамках социологии религии привело О. Ю. Брескую к обозначению Церкви как «квази-института» (как «не только, не до конца социального института»), так как выпрыгнуть за пределы «методологической коробки» социологии религии оказалось невозможно [4]. Автор осознает пределы познавательных возможностей социологии религии и сделала все, что возможно было, используя методологический инструментарий социологии религии для решения своих исследовательских задач.

Таким образом, перед современной отечественной наукой стоит задача выработки и расширения адекватных методов исследования, которые позволят углубить изучение Церкви как особого социокультурного и духовного института (современная социология религии исключает трансцендентные социально-духовные связи, в результате чего выпадает целый «пласт» бытия). Последнее десятилетие отмечено дискуссиями, посвященными переосмыслению методологии социального описания Церкви в современной социальной теории, в которых принимают участие эксперты социологии религии, теологии, представители разных христианских конфессий. Некоторые исследователи предлагают разработку в рамках социологии теории среднего уровня, которая «могла бы создать адекватную теоретическую базу для эмпирических исследований феномена Церкви» [5].

Особое направление представляет собой религиозная социология. На Западе она имеет несколько названий: «пастырская социология», «церковная социология», «конфессиональная социология», а в России заговорили о «православной социологии». Особую значимость приобретают проблемы концептуализации и интерпретации при разграничении социологии религии и религиозной социологии. В этой связи актуальными представляются проблемы, связанные с процессом становления и институционализации отечественной христианской социологии. В чем состоит интеллектуальная

миссия христианской социологии, которая возникает на стыке социологии религии и теологии? Таким вопросом в последнее время задаются многие отечественные исследователи, занимающиеся проблемами религии. Для многих исследователей очевидно, что христианская социология отличается от позитивистской социологии тем, что она признает существование Бога и возможность общения с Ним.

В ходе обсуждения проблем становления отечественной христианской социологии (в частности, на XVIII Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007–2008 гг.) мнения исследователей разделились. Одни считают, что не следует форсировать события, ибо становление христианской социологии должно произойти естественным путем, подчиняясь внутренней логике развития этой области знания, так как пока социология религии и христианская социология развиваются совместно (В. Ф. Чеснокова, Ю. Ю. Синелина). Ю. Ю. Синелина считает возможным существование христианской социологии внутри общей социологии, поскольку христианская социология существует сегодня как сообщество верующих социологов. Другие подчеркивают право на существование православной социологии, считая важным вкладом в ее развитие динамическую концепцию воцерковленности В. Ф. Чесноковой (С. Д. Лебедев). Оппоненты выделения православной социологии утверждают, что произойдет сужение объекта исследования до включения в исследовательское поле одних только воцерковленных [6, с. 196–197]. Третьи полагают, что невозможно создать внутри социологии христианскую социологию, так как следует четко разграничивать социологию религии и богословие (Л. П. Ипатова) [7].

Социология Церкви представляет собой раздел религиозной социологии. Она базируется на принципах христианской антропологии, философии, христианского социального учения. Когда мы говорим о Церкви, мы не можем не учитывать мистической реальности. Для нее религиозная жизнь человеческой личности есть связь живой души с живым Богом. Для церковной социологии важны основания, на которых строятся модели человеческого поведения.

Православный социолог и публицист Э. Зибницкий в статье «К социологии Церкви» дает следующее определение социологии Церкви: «Социологию Церкви можно назвать отрицательной экклезиологией – иссле-

дованием и признанием того, что не является Церковью, но что происходит в церковной среде» [8, с. 125]. Церковная социология должна заниматься исследованием «неканонических или мнимоканонических явлений церковной жизни, не замалчивая болевых точек – таких как антисемитизм, национализм, обрядоверческий магизм, искажения внутриерархических отношений (епископ-клир), формы скрытой симонии, спайка с земной властью». Задачу социологии Церкви Э. Зибницкий видит в том, чтобы «дать оценку реальному и мнимому (симулятивному) присутствию Церкви в мире». Социология Церкви, считает Зибницкий, включает два аспекта – вечное и временное в жизни Церкви.

По сути, такой же подход к православной социологии реализует другой церковный публицист и социолог – А. Рогозянский, который считает себя выразителем консервативного направления в современной РПЦ, (противостоящего «модернистам»). Консерваторы имеют свой сайт в Интернете и печатный орган – журнал «Благодатный огонь» [9].

В свое время Н. А. Бердяев, анализируя типы религиозной мысли в России, дал характеристику консерваторам (профессорам киевской духовной академии В. Экземплярскому, П. Кудрявцеву и др.), заметив, что участники этого течения не обращаются в православие, они «исконно православные»: «В религиозном отношении они очень консервативны, очень ортодоксальны, и у них нет никакой динамики религиозной мысли... Но думается, что в их совершенно ортодоксальном православии больше сердечной прямоты, больше непосредственного чувствования Христа, больше чувствования себя в самих недрах православной церкви и православного быта... Это делает их религиозно застывшими, консервативными, боязливыми к новым религиозным темам, недостаточно чуткими. Но это же налагает на их православие печать особенной честности и своеобразной чистоты в его охранении... Они дорожат соборностью церковного народа, они изнутри церкви хотят ее реформировать, очистить, обновить. Они не хотят более глубокого духовного переворота в христианстве, связанного с возможностью нового откровения» [10, с. 279].

Эта характеристика православных консерваторов, данная Н. А. Бердяевым в прошлом веке, абсолютно справедлива и в отношении наших со-

временных неоконсерваторов, объединившихся вокруг журнала «Благодатный огонь», к числу которых и относится А. Рогозянский. Нежелание более глубокого духовного переворота у современных консерваторов проявилось, например, в неприятии наследия «экумениста» А. Меня (критические статьи по поводу решения патриарха Кирилла о публикации и распространении книг А. Меня в православных храмах) [11], в критике реформ, связанных с богослужением и частичной русификацией богослужебных текстов [12]. Современные консерваторы дорожат и принципом соборности, критикуя, например, предложение протодьякона А. Кураева, которому «наплевать на православный Собор», перенести Рождество Христово на 1 января. Столь же критично оцениваются заявления митрополита Иллариона (Алфеева) о возможных изменениях православного календаря.

Иными словами, зарождающаяся христианская социология напоминает о полипарадигмальности методологии и на противоположном, относительно светской науки, полюсе исследований современной внутрицерковной жизни. Сопrotивляясь реформам и всему тому, что влечет определенные новации в жизни современной православной Церкви, консерваторы подмечают такие явления во внутрицерковной жизни, которые социолог религии или не заметит, или не рискнет анализировать, ощущая себя не на своем «поле».

Пытаясь определить ближайшее будущее Церкви, А. Рогозянский (признанный лучшим церковным аналитиком в 2006 г.) переходит к анализу тех внутрицерковных процессов, которые, на его взгляд, влияют на судьбу Церкви. Опираясь на социологические данные, которые «носят заявочный характер», при котором «конкретные количественные данные могут колебаться», не меняя общей картины, православный публицист прогнозирует тенденцию к прагматизации церковной жизни и ставит перед собой задачу определить, «как может выглядеть церковное сообщество, составленное из людей успеха и прагматиков?» [13].

А. Рогозянский анализирует сферу частной жизни (православная семья), считая, что «ориентация на индивидуальный успех сокращает число рождений в православных семьях (на 10–15 % за последние 3 года), так как многодетность оценивается скептически по причине «поражения в имуще-

ственном статусе». Доля детей из семей священников, получающих профессиональное образование, «сравнима со статистической погрешностью до 1 %». В итоге в православной общине – «один воцерковленный в возрасте 20 лет на 10–12 сверстников-выходцев из православных семей». Отход от Церкви не вызывает вопросов: «Поступил в университет... оказалось, что вокруг множество парней и девушек, которые живут свободно и вполне счастливо». Высоким является процент разводов (1 пара из 8–9 пар). Таким образом, по своей жизненной стратегии, делает вывод А. Рогозянский, «православные приближаются к своему секуляризованному окружению».

Наметился *кризис монашества* (сокращение постригов на 2/3 к уровню 2000 г.). В основе кризиса лежит смена мировоззренческого модуля в среде православных, в соответствии с которым стали популярны критические отзывы об идеале добровольного подвига – «жизни по уставу, в напряженном труде, о монастырском послушании, воспитании, аскезе». Это происходит в контексте представлений о том, что Церковь не должна быть Церковью нищих, а только Церковью богатых и успешных людей. При этом, конечно, формально традиционное понятие о ревности и добродетели не оспаривается и авторитет святых отцов Церкви таковым и остается.

На фоне обозначившейся тенденции православный аналитик прогнозирует в ближайшие годы *отток духовенства из сельских приходов* «на более перспективные вакансии» по причине «упадка, постигшего идеал подвижничества», а это значит, что «впервые за 20 лет перед Церковью встанет проблема количественного сжатия – закрытия некоторой части приходов (до 5 % в перспективе 5 лет)» [13].

Другая не очень оптимистическая оценка связана с *кризисом приходской жизни*, так как «в контексте всеобщего благополучия сюжет приходской жизни размывается», ибо «три ключевых элемента – покаяние, молитва и пастырство – оказываются в слепой зоне». Иными словами, из жизни современных христиан *исчезает молитва*, ибо «человек успешный, в отличие от человека страдающего, трудней проникает в материю молитвенного общения», он меньше нуждается в утешении и поддержке свыше.

Это обстоятельство, уточняет А. Рогозянский, ведет «к формализации отношений в связке пастыря и пасомого».

Привлечение в церковный аппарат, в духовные учебные заведения на приходские должности людей с новой психологией, многие из которых «смотрят на веру без фанатизма», избегают проникать вглубь, ориентируясь на успех, заключает православный аналитик А. Рогозянский, накладывает отпечаток на корпоративную этику и производит впечатление «движения в замкнутом круге». В результате церковная жизнь теряет главное из своих духовных качеств – подвижничество. Некоторые надежды дает движение за евхаристическое возрождение, но и здесь существует опасность подмены.

Итак, христианская социология (и церковная социология как ее раздел) в нашей стране совершает свои первые шаги. Она позволяет глубже осознать груз накопившихся не за одно десятилетие внутрицерковных проблем, освещаемых «изнутри». Христианский социолог имеет возможность для объяснения социологических проблем Церкви обратиться к богословию и поставить перед собой задачи не только описательного, но и аналитического характера, используя теосоциологический подход (В. А. Бачинин), который в свое время широко использовали русские религиозные мыслители (С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, И. А. Ильин).

Перед верующим ученым стоит более сложная задача, чем перед ученым-атеистом, так как он совмещает в своем сознании «сдвоенное проблемное пространство, в котором мирское соседствует с сакральным, временное с вечным, земное с небесным» (В. А. Бачинин) и имеет «теологическое зрение», которое дает углубленную оптику в описании религиозных феноменов и неизмеримо более высокую степень ответственности за результаты и объективность исследования перед лицом Бога. Ученый-атеист не знает такого рода ответственности, воображая, что только его оптика дает объективность исследования. В действительности же в его поле зрения попадает лишь «видимая Церковь», он обзревает брненную часть социума, сознательно лишив себя свободных полетов над социальным ми-

ром, упростив свою задачу обзором феноменального мира, лишённого трансцендентной глубины.

Таким образом, Церковь как социокультурный институт духовности является предметом междисциплинарных исследований целого ряда как светских наук, так и теологических дисциплин. В рамках трансдисциплинарного подхода возможно взаимное обогащение достижений как атеистической методологии (которая имеет право на существование, хотя секулярная социология религии, утратившая связь с Церковью, по отношению к самой религии пребывает в ситуации вероломства), так и теистических концепций в том смысле, что атеист-ученый делает акцент на Церкви как социальном институте, а религиозная философия и теология сосредоточены на сакральной (мистической) природе Церкви.

Литература

1. Бердяев Н. А. Наука о религии и христианская апологетика / Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I–VI). М.: Информ-Прогресс, 1992. – 752 с.
2. Бердяев Н. А. Два понимания христианства (к спорам о старом и новом в христианстве) // Путь. Орган русской религиозной мысли. – 1932. – № 36. – С. 17–43.
3. Бачинин В. А. Христианская социология в XXI веке // Христианская мысль: Библия и культура. Христианская социология и антропология. Т. VIII. – СПб.: Новое и старое, 2006. – С. 77–92 или: Бачинин В. А. Интеллектуальная миссия христианской социологии [электронный ресурс] / URL: www.mirvboge.ru (дата обращения 28 апреля 2012)
4. Бреская О. Ю. Социология Церкви в Восточной Европе: методология и предмет исследования [Электронный ресурс] // URL: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-07/Breskaya.pdf> (дата обращения: 20.02.2012).
5. Бреская О. Ю. Ежегодная конференция EASR «Плюрализм и репрезентация: религия в образовании, культуре и обществе (г. Бремен, Германия, 2007) // Вестник Брестского университета, серия гуманитарных и общественных наук, 2007. – № 4. – С. 142–144.

6. Гиндер И. А. Православные вопросы в социологии религии // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России. Сборник материалов международной практической конференции, посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. – Красноярск, 2008. – С. 196–202
7. Проблемы христианской социологии [Электронный ресурс] // URL: <http://christ socio.info/content/view/760/42/> (Дата обращения 12.03.2012).
8. Зибницкий Э. В. К социологии Церкви // Новый мир. – 2005. – № 2. – С. 122–127.
9. Православный журнал «Благодатный огонь» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.blagogon.ru/> (Дата обращения 28.04.2012)
10. Бердяев Н. А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России / Н. А. Бердяев. – М.: Канон +; ОИ "Реабилитация", 2004, 448 с.
11. Патриарх Кирилл благословил распространение трудов отца Александра Меня в храмах Русской Церкви [Электронный ресурс] // URL: <http://www.blagogon.ru/news/152/> (Дата обращения 28.04.2012)
12. Судоплатов А. Нужна ли нашей Церкви реформа? Православное межприходское молодёжное сообщество «Консервативная инициатива-2012» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.blagogon.ru/digest/307/> (Дата обращения 28.04.2012).
13. Рогозянский А. Церковная жизнь в перспективе перемен [Электронный ресурс] // URL: <http://www.radonezh.ru /analytic/11865.html> (Дата обращения 28.04.2012).

**ДУАЛЬНОСТЬ КАРТИНЫ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
СКУЛЬПТОРА А. П. ХМЕЛЕВСКОГО**

А. В. Ткаченко

Алексей Павлович Хмелевской – один из наиболее ярких, талантливых и известных скульпторов Кемеровской области. Однако его творческое наследие до сих пор не получило должного осмысления и художественной оценки.

Творчество Алексея Хмелевского одинаково плодотворно развивалось по нескольким направлениям. Он проявил себя как талантливый медальер, создатель произведений станковой скульптуры. Однако наиболее известны монументальные произведения А. Хмелевского, которые украшают улицы и площади города Кемерово. Большинство из них было создано в 70–80-е годы XX века. Художник прошел путь от камерной скульптуры малых форм, представленной медалями и плакетами, станковой скульптуры до высот монументальных скульптурных памятников [2].

В 1985 году скульптор создал произведение, стилистически принадлежащее грядущей эпохе. Оно было установлено в 1998 году, известно под двумя названиями: «Скрипачка» и «Двое в архитектуре» [3] (рис. 1). Его основная тема – одиночество и разобщённость людей в современном мире. Проблема одиночества и бездуховности является в данный момент едва ли не самой большой опасностью для современного человеческого общества. Предчувствуя эту тенденцию, художник и создал подобное произведение. Скульптура представлена сидящими фигурами женщины и мужчины, которые расположены каждая в своей отдельно стоящей нише, обозначенной металлической каркасной конструкцией из тонких стальных элементов. Это подчеркивает различные жизненные пространства женщины и мужчины. Усиливает эту идею расположение фигур спиной друг к другу и смещение их на плоскости. Каждая фигура расположена на своем невысоком постаменте. Фигура мужчины более крупная, массивная, решена единым объемом: руки свободно расположены и прижаты к телу, ноги немного подогнуты в коленях и сжаты между собой. При круговом обходе скульптуры возникает впечатление некоторой «вдавленности» головы в плечи, что

наводит на мысль о тяжелом грузе, лежащем на плечах мужчины. Голова немного опущена и повернута в противоположную от женщины сторону. Его фигура расположена в более низкой нише с квадратным завершением, что создает впечатление ограниченности, недостатка места для фигуры и замкнутости пространства. Художник пластическими средствами скульптуры создал закрытый образ мужчины.

Совершенно по-другому читается женский образ. Фигура женщины решена в более свободной манере. Она устремлена вверх, это подчеркивается жестом рук, которые разведены и напоминают крылья птицы. Женщина легко держится за высокое основание, на котором сидит. Создается впечатление, что через мгновение она встанет, оттолкнется от земли и взлетит. Усиливает это впечатление положение и поворот головы, направленной в противоположную от мужчины сторону и устремленной вверх, а так же большое пространство ниши, которое завершается арочным проемом, что символизирует возвышенность и духовность образа. Арка – символ царствия небесного. Женская фигура мастерски вылеплена. Чрезвычайно красив рисунок струящихся складок, которые свободно и легко обнимают фигуру.

Выразительно лицо женщины. Создавая ее образ, скульптор перерабатывает тип, встречающийся в более ранних его произведениях, отбрасывая все второстепенное и стремясь к идеализации. Лицо, обрамленное тяжелыми, слегка вьющимися волосами, собранными на затылке в массивный пучок, полно благородной красоты. В нем не осталось графической жесткости предыдущих скульптур. Черты лица смягчены и преобразованы во впечатляющий идеальный образ. Автор преклоняется перед женщиной и создает в этом произведении благородный, сильный, яркий женский образ.

Стоит остановиться на мастерском техническом исполнении группы. Статуи выполнены из меди и прочеканены с исключительной тонкостью. Зритель ощущает фактуру волос, обнаженных частей тела, одеяний мужской и женской фигур. Замечательно переданы кисти рук с напряженно пульсирующими жилами и тонкими трепетными пальцами. Большое внимание уделяет скульптор декоративным эффектам в обработке бронзы, любясь мерцанием металла, игрой теней и рефлексов, происходящей от света, падающего на скульптуру.

Скульптура, состоящая из двух фигур, установлена в небольшом сквере перед Областной филармонией. Преимущества композиционного решения, избранного Хмелевским, очевидны. Художнику удалось показать главенствующее положение женщины в композиции: женская фигура размещена лицом к зрителям и расположена в высокой нише, а фигура мужчины повернута спиной. Такое расположение усиливает противопоставление образов, подчеркивает своеобразный композиционный контраст. Осью симметрии композиции является самая высокая часть стальной конструкции. Эта ось едина для обеих ниш, в которой расположены фигуры людей, это точка соприкосновения двух миров – мира женщины и мира мужчины.

Смелое и удачное композиционное решение рассмотренной скульптуры Хмелевского «Двое в архитектуре» явилось продолжением и развитием заложенных скульптором основ камерного городского монумента в городе Кемерово («Дружба народов», «Земля кузнецкая», «Экология») [4]. С одной стороны, это декоративные скульптурные композиции, исполненные в рамках дизайнерского подхода при организации городской среды. Но вместе с тем эти произведения наполнены значительным содержанием, что даёт им право быть причисленными к монументальной скульптуре, несмотря на сравнительно малый размер и пластическую разработку объемов, характерную для станковой скульптуры.

Произведения мелкой пластики и скульптура малых форм стоят в творчестве кемеровского скульптора А. П. Хмелевского особняком. Особое положение они занимают, во-первых, потому, что из всего созданного мастером эта группа произведений наиболее сложна для понимания. А, во-вторых, потому, что художественное своеобразие не позволяет их отнести к какому-либо из направлений в искусстве.

Одна из наиболее востребованных для художника тем – тема двойственности, дуальности мира.

Наиболее наглядно поиски в области отражения дуальности окружающего мира видны в работе, которая так и называется – «Раздвоение» (1996) [1] (рис. 2). Дуальность картины мира автора, его искусства, которую можно было наблюдать в монументальных произведениях, проявилась в этом произведении мелкой пластики. Художник изобразил обнаженную женскую фигуру. В верхней части она полая и «распластанная», напоминает вырезанную из листа металла выкройку. Возникают ассоциации с мане-

кеном, графическим знаком «человек». Причем верхняя часть скульптуры разрезана вдоль, образуется двумя симметричными полуфигурами. Разрез заканчивается в области солнечного сплетения. Нижняя же часть фигуры выполнена в реалистической манере. Ноги женщины слегка расставлены. Позу нельзя назвать целомудренной. Верхняя и нижняя части фигуры женщины как бы противопоставлены. Продольный разрез верхней части и схематизм в изображении головы символизируют раздвоенное и измененное сознание человека. Нижняя реалистически выполненная часть тела говорит о примитивности желаний современного человечества.

В произведениях 80–90-х г. скульптор концентрируется на передаче двойственности, переменчивости предметов и явлений, запечатлённых им в пластическом искусстве, стремясь отразить различные состояния окружающего мира. Для решения этой задачи нужен особый, выразительный пластический язык.

В рассматриваемом произведении дуальность окружающего мира дополнительно подчёркнута использованием двух разных материалов: дерева, из которого выполнен постамент, и бронзы, из которой отлита скульптура. Личное авторское отношение к изображаемому можно определить как протест. Подчеркивая аномальность, неестественность раздвоения сознания, художник помещает фигуру внутрь постамента, который к тому же велик относительно скульптуры. Скульптор применяет оригинальное пластическое решение. Символом его протеста против изображаемого разлада, раздвоения явились накладные стяжки наподобие тех, что применяют, когда хотят приостановить процесс разрушения здания. Этими стяжками скреплены детали верхней части скульптуры. Создается эффект высокого напряжения, сила внутреннего разлада настолько велика, что стяжки вот-вот разорвутся. Разрушаются материальные объекты, стремительно меняется окружающий мир, и этому процессу не видно конца. Вместе с этим меняется человеческое сознание, трансформируется внутренний мир личности.

Очевидно, искусство XXI века будет искать ответы на вопросы: как приспособиться к новым, стремительно меняющимся условиям, как адаптировать к ним личностное сознание? Этот поиск потребует новых выразительных средств, которыми не располагает искусство реализма. И хотя в России искусство реализма сохранилось дольше, чем в других странах ми-

ра, в силу идеологических особенностей и специфики развития страны, многие художники уже давно искали новый выразительный язык. А. П. Хмелевской принадлежит к их числу. В своих творческих поисках он старается соответствовать духу времени.

Иначе решается проблема дуализма в произведении «Прощание». По своей художественной направленности скульптурная композиция «Прощание» (1996) соответствует эстетике постмодернизма. В ней используются выразительные средства, присущие сюрреализму, символизму, романтизму. Произведение отражает впечатление трагичности происходящего. Мысленно следуя за плавной, тягучей, в чём-то сюрреалистической пластикой этой скульптуры, зритель незаметно втягивается в его повествовательную драматургию. Если бы автор не указал нам в названии произведения на определенное прочтение композиции, то, как и во многих произведениях последнего периода творчества А. П. Хмелевского, зритель нашёл бы несколько смыслов, идей, концептуальных пластов. Можно трактовать разворачивающуюся сцену как единение мужчины и женщины, их союз, который на наших глазах перерастает в неделимую субстанцию. Однако название произведения выражает иной смысл – долгое, затянувшееся прощание, медленное расставание двух людей. Не впервые художник обращается к теме разделения двух половинок единого союза: («Мужчина и женщина» (1996), «В одиночестве» (1983)). Для того чтобы ярче показать неразрывную близость двух людей, автор представляет пластические объёмы двух фигур так, что зритель воспринимает их как единое целое. Причём при круговом обзоре данная особенность проявляется постепенно. Сначала виден силуэт мужской фигуры, склонившей голову к женщине. Затем силуэт меняет свои очертания, появляется колено, плечо, голова женщины, и лишь при фронтальном обзоре становится понятно, что перед нами сюрреалистическая двуединая фигура. В таком круговом обзоре есть некий символический подтекст, говорящий о стремлении приостановить бег времени, отложить трагический момент.

На заднем плане вырастает вертикальный объём как напоминание о том, что пришло время покидать разрушающееся пристанище, – крест погоста. Силуэт этого объёма вторит пространственному разрыву, который разъединил цилиндрическое основание, изображающее пристанище, и протянулся далее, к головам пока ещё единого изваяния. Острый, углова-

тый абрис, состоящий из вертикальных динамичных полос, является объектом, символизирующим идею разъединения. Этот объект повторяет и продолжает движение резкого разлома, образующегося в основании, на котором расположены фигуры.

Но этому разъединяющему началу противостоит другой мощный импульс. Так же незаметно, как внедряется в единую форму символ разрыва, появляется другой символ – оберегающий целое от разрушения. Это плавно перетекающий материальный объём, причудливо извивающийся и принимающий очертания дерева. Движение женской руки к сердцу подчёркивает благородную возвышенность происходящего. В контрасте между тягучими, плавно струящимися, вязко сопротивляющимися разъединяющему воздействию линиями силуэта фигур и динамичными линиями конструкции заднего плана заложен некий драматический конфликт.

Цилиндрический цоколь с отполированной до зеркального блеска горизонтальной площадкой, на которой располагается скульптурная группа, имеет важное значение в общем художественном замысле произведения. Это единственная деталь, имеющая правильные геометрические очертания, вносящая гармонию и порядок в медленно растворяющуюся конструкцию.

В композиции запечатлен момент прощания, разъединения, разобщения. Однако это предполагает, что до того был момент соединения, объединения, сплочения. Это один из характерных приемов современного искусства: многократное повторение, «коллаж», «клип». В произведении заложен философский смысл: все течет, все изменяется, все повторяется. . .

Еще один пример решения темы двойственности мира – скульптура «Прорыв пространства» (1998) [1] (рис. 3). Название символично. В качестве постамента скульптор использует деталь некоего механизма. Её очертания геометрически абсолютно точны. На постаменте находится пластическая форма свободных очертаний. Динамизм скульптуры создается многократно повторяемыми горизонтальными рельефными линиями. Этот приём становится характерным для манеры скульптора. Пластический объём разделён на две части пространственными разрывами, дополнительно усиливающими динамизм скульптуры. Одна из них представляет абстрактную человеческую фигуру, стремящуюся оторваться от сдерживающей её порыв субстанции, которая является второй частью скульптуры.

Возникает ощущение, что ещё остающиеся перемычки между ритмично расположенными пространственными разрывами вот-вот разорвутся и фигура обретёт свободу, целое распадётся на части. Рассматриваемое произведение также строится на принципе дуализма.

Несмотря на небольшие размеры, скульптура выглядит монументально. Постамент, представляющий собой техническую деталь, ассоциативно соотносится с технократическим фундаментом, на котором базируется современная цивилизация. Несколько нелепый вид постамента заставляет думать, что такими же нелепыми, возможно, в скором будущем покажутся многие достижения технического прогресса, и отсылает зрителя к прошлому. В конце XIX века движущиеся картинки на экране, получившие название кинематографа, казались современникам чем-то невероятным. В живописи, как реакция на это событие, появилось направление, получившее название «ташизм». Возникла потребность запечатлеть мимолётность момента, переменчивость состояний окружающего мира. Оформилось направление «импрессионизм», которое вначале было воспринято обществом неоднозначно. Возможно, творческое наследие А. П. Хмелевского тоже ещё не понято и не осмыслено, так как художник поставил перед собой задачу изобразить средствами скульптуры переход окружающего видимого мира в качественно новое состояние, которое неизбежно меняет и внутренний мир человека.

Для художника творчество не было ограничено рамками повседневного, обыденного правдоподобия. Он не изображает окружающую действительность, а сочиняет на темы этой действительности, раскрывая свою картину мира, собственные чувства и размышления. Скульптор отдаёт предпочтение изображению известных сюжетов – библейских, исторических – но отображает действительность всегда необычно, неожиданно. Применяет нетрадиционные композиционные приемы, насыщает произведения символом, метафорой, гротеском. Работы А. П. Хмелевского предполагают неоднозначность восприятия.

Таким образом, на протяжении творческой жизни скульптор обращается к теме дуальности, двойственности мира. Сюжеты, которые выбирает мастер, отличаются большим разнообразием. А. П. Хмелевской, являясь выдающимся скульптором Кузбасса (можно говорить о мировом значении его творчества), развивал традиции реализма в скульптуре малых форм и

монументальном искусстве; поднялся в своем творчестве до высот изображения трагического, философского, духовного; сумел сказать свое слово в искусстве.

Литература

1. Алексей Хмелевской [Альбом] автор-составитель М. Чертогова, б. и. 2001, 20 с., ил.
2. Откидач В. Сила дерзаний [Текст] // Художник. – 1986. – № 10 – С. 28–31.
3. Чертогова М. Ю. Художники Кемерова. 1930-е – 2003. [Библиографический справочник] // – Кемерово. – 2003. – 139 с., ил. 3.
4. Юдин Ю. Гений места [Текст] // Культура. – 16/03/2006. – С. 5

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ

О. В. Сокол

В музыкальной науке понятие «символ» рассматривается в соподчинении с понятием «знак». Существует определенная иерархия знаков, и на ее ступени знак приобретает значение символа. Уровень символов располагается над уровнем знаков. В своей работе «Семантика музыки» Генрих Орлов пишет: «Знак, становящийся символом, обретает новое измерение, он воспринимается не в местном смысловом контексте, а в неизмеримо более широком контексте реальности, представителем которой он выступает». Далее Г. Орлов приводит цитату П. Тиллиха из монографии «Геология культуры», в которой говорится: «Капитальное различие между знаком и символом заключается в том, что знаки никоим образом не причастны той реальности, на которую указывают. Символы же, хотя и не являются тем, что они символизируют, причастны смыслу и могуществу символизируемого. Слова языка – это знаки выражаемого ими смысла. Но в любом языке есть слова, большие этого. И в тот момент, когда в них обнаруживается смысл, выходящий за пределы того, на что они указывают как знаки, они приобретают значение символов» [5, с. 466].

Под музыкальными символами в контексте данной статьи мы будем понимать явления отечественного музыкального творчества, несущие ин-

формацию о России, с одной стороны, и способствующие идентификации России, ее национального характера и менталитета, с другой стороны.

Среди множества явлений отечественного музыкального творчества, отмеченных художественным совершенством, остановимся на двух, несущих, на наш взгляд, наибольшую национальную смысловую нагрузку. Это русская народная песня и колокольные звоны Русской Православной Церкви.

Русский национальный характер – это предмет многочисленных исследований по философии, культурологии, этнологии. О его непостижимости и уникальности писали многие. Русский философ Н. О. Лосский на заре своего творческого пути так определил существенные грани характера русского народа: «Чувство и воля, свободолюбие и доброта; даровитость русского народа и его способность к высшим формам опыта» [4, с. 335].

Эквивалентом русского национального характера в музыке является русская народная песня. В ней и через нее отразились языковая сторона русской культуры и тот непрерывный культурный континуум, который составляет ядро русской национальной культуры.

Русская народная песня – извечный животворный источник для творчества – полнее всего ассоциируется с протяжной песней как главной ее жанровой разновидностью. Протяжная песня (чаще всего хоровая или ансамблевая) требует коллектива исполнителей. В этом – яркое проявление русской ментальности, таких качеств русского национального характера, как совместность, коллективность, соборность. В ней и уникальность звучания, ведь все участники исполнения протяжной песни – по сути, солисты, соавторы, сиюминутно творящие песню. В ней и отражение многих впечатлений от жизни, природы, широты и необъятности просторов родной земли. В ней и особая сдержанность чувств, переходящая в обобщение важнейших, ключевых эмоций. Это сердечность, широта души, безграничная доброта, безбрежность чувств и оптимизм.

Характерными музыкальными особенностями русской протяжной песни являются широкий объем мелодического звукоряда (до септимы и октавы), мелодическое развитие особой силы напряжения, происходящее из «прорастания» зерна-попевки, внутрислоговые распевы, повторы слов для создания протяженности напева. Отдельно следует подчеркнуть оригинальные особенности формы, вырастающие из исполнительской манеры,

где в процессе хоровой «разработки» темы рождаются принципы подголосочной полифонии, вариантной в своей основе, свободной и импровизационной.

Остается актуальным высказывание выдающегося педагога – музыканта, энтузиаста русской музыки Н. Я. Брюсовой, сформулированное ею более полувека назад. «Мелодия народной песни, – писала Н. Я. Брюсова, – это органически законченное произведение творческой мысли. В мелодии русской народной песни, в ее одном, едином образе, как в фокусе, сосредоточены черты и краски всей картины. Основной образ один, а чувства и мысли очень последовательны и выдержаны. Одна из самых характерных ее черт – большая простота и сдержанность в выражении чувства. Певец не описывает его с подробностями, не любит им, но в то же время передает всю его глубину» [1, с. 15].

Здесь как нельзя лучше обнаруживается идентичность эстетических основ народного творчества и принципов профессионального композиторского творчества: выбор для изображения устойчивых состояний, чувство меры в изображаемых явлениях, принцип единства в многообразии, ясность и законченность формы. Современное музыкознание трактует русскую протяжную песню как достижение мировой мелодической культуры, сопоставимое с итальянским оперным стилем бельканто.

Встречается много восторженных отзывов иностранцев, посещавших Россию с XVIII в. о красоте русских народных песен. Так, например, гость герцога Голштинского камер-юнкер Берхгольц в своем путевом дневнике оставил названия особенно понравившихся ему русских народных песен в записи латинским шрифтом «Stopotskipostolisku» («Стопочки по столику») и «Roboragodilla» («По бору ходила») [3, с. 47].

В XIX веке известный французский музыкант Л.-А. Бурго-Дюкудре восклицает: «Русские народные песни заслуживают того, чтобы их перевели на все языки мира... Мы много бы дали за то, чтобы песни наших французских провинций были собраны и гармонизованы такой же мастерской рукой, как у Н. А. Римского-Корсакова» [4, с. 7].

У зарубежных критиков звучала и мысль о том, что знакомство с произведениями композиторов новой русской школы должно помочь западноевропейским музыкантам преодолеть гипноз вагнеровского влияния. Композитор и фольклорист Л.-А. Бурго-Дюкудре в курсе истории русской

музыки, читаемом им в Парижской консерватории сказал: «Западная музыка отжила свой век. После Вагнера на этой дороге ничего не осталось. Русские же указали нам совсем новый путь. Они окунулись в народ и вынесли оттуда новое животворное начало. Они открыли новый источник, из которого могут черпать все европейские композиторы. Они пошли в народ. Они открыли ритмы и гаммы, из которых гениальный композитор может создать новые, совершенно не известные в музыке произведения. Я смело заявляю вам, что Вагнер не может принести нам никакой пользы, но изучайте русскую музыку, и ее влияние будет спасительным!» [2, с. 89].

Известна любовь русских композиторов к русской народной песне и рожденная ею потребность в изучении глубинных основ народного песнетворчества. Народная песня из предмета изучения стала могучим источником, питающим их творчество. Динамика претворения песенного фольклора классиками русской музыки шла от цитирования и стилизации народных напевов до свободного преломления в авторском народном стиле народного музыкального материала. Идея народности составила основу творческой концепции русских композиторов от М. И. Глинки до С. В. Рахманинова.

На интонационном уровне это выразилось в синтезе народной песенности с иными интонационными планами, соответствующими словарю эпохи (по Б. В. Асафьеву), несколько различающемуся у М. И. Глинки, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского. Народная песенная интонация выполняет скрепляющую функцию. Это многочисленные трихорды, тетрахорды и гексахорды, квинтовые и секстовые попевки, придающие «русскость» всему музыкальному повествованию. И не с этими ли общительными, сердечными интонациями русская музыка проникала в сознание западной музыкальной интеллигенции, кумирами которой становились в разное время А. П. Бородин, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, И. Ф. Стравинский.

Мощным символом России является колокольный звон, который появился на Руси в X веке и относился к числу атрибутов христианского богослужения Русской Православной Церкви. Он имеет своим предназначением: созывать к богослужению, выражать торжество церкви в ее богослужении, возвещать не присутствующим в храме об известных молитвословиях и чтениях богослужения, совершаемого в храме, и таким образом

побуждать тех, кто не находится в храме, соединять свои молитвы с молитвами находящихся в нем.

Римлянин Гербиний, посетивший Киев во второй половине XVII века, отмечал необыкновенную красоту и великолепие православного богослужения на Руси. Он пишет: «Грекороссияне гораздо святее и величественнее прославляют Бога, чем римляне. Псалмы и другие песнопения ежедневно возглашаются в храмах, с припевами народа, на родном языке и по правилам музыкального искусства. В самой приятной и звучной гармонии слышатся раздельно дискант, альт, тенор, бас. У них простой народ понимает, о чем клир поет или читает на природном славянском языке. Все миряне, поэтому поют в соединении с клиром, и притом так гармонично и благоговейно, что мне, в восторге от слышанного думалось, будто я в Иерусалиме, и вижу там образ и дух первоначальной Христианской церкви. Тронутый красотой русского богослужения, я, по примеру святых Амвросия и Августина, прослезился и восхвалил Сына Божия словами: «Полны суть небеса и земля величием славы твоя» [7, с. 44].

Русский народ всей душой полюбил и достойно оценил благочестие и духовную красоту Православия. Расширенный, украшенный и усовершенствованный народной мудростью колокольный звон так же, как иконопись и знаменный распев, широко и прочно вошел в церковный обиход и в домашнюю жизнь наших предков. Издавна известна любовь русских к колокольному звону. Благодаря этой любви церковный звон получил у нас совершенно особенное, чрезвычайное развитие, какого не встречаем ни в какой другой стране. Такого звона и таких колоколов, как в России, со всем их разнообразием нет ни в одной из стран мира.

Звук колокола представляет собой более сложное явление, чем звук любого музыкального инструмента или человеческого голоса. Н. Гарбузов сообщает, что кроме основного тона, который часто бывает довольно слабым, колокола издают, как наиболее сильный и преобладающий, один из частичных тонов, который и определяет слышимую высоту. Физико-акустические свойства колокольных звонов создают впечатление объемности, даже «глобальности», силы и в то же время необычайной красочности.

Физико-акустические свойства звонов, обусловившие их выразительность, послужили важным стимулом к перерастанию колокольных звонов из утилитарно-моноподической основы в художественную форму.

Исследователь колокольных звонов А. Ярешко высказывает предположение о том, что развитие колокольных звонов до художественного явления шло постепенно и под влиянием двух факторов. Первый – отсутствие музыкальных инструментов в богослужебной практике и, привлечении колоколов в качестве дополнительного художественно-эстетического средства. Вторым фактором выступают сами потенциальные музыкальные свойства и возможности колокольных звонов, которые содержали в себе предпосылки к творчеству и не могли остаться незамеченными талантливыми людьми. Можно согласиться с мнением музыковедов и культурологов о том, что звон заменял в Древней Руси музыку[9].

Как неотъемлемая часть богослужения, колокольный звон регулируется церковным богослужебным уставом – Типиконом и, в соответствии с его требованиями, разделяется на три главных вида: благовест, трезвон и перезвон.

Исполнение звонов имеет свои композиционные особенности. Анализируя дошедшие до нас образцы звонов, А. Ярешко отмечает сложившиеся устойчивые принципы строения. Это вступление к звону, собственно звон, завершение. Собственно звоном называется звон, при котором ударяют в два и более колокола вместе. Различаются следующие виды звона: будничный – звон в два-три колокола (чаще – в два малых и повседневный), «красный» – наиболее красочный, красивый – звон в несколько колоколов (чаще – в пять) без участия самых больших.

Все композиции звонов обычно имеют свое завершение – одиночный или троекратный удары во все участвовавшие в звоне колокола одновременно, с небольшим подготовительным разделом [9, с. 49].

В искусстве колокольного звона сложились свои модели, «шаблоны» исполнения. В звучании колоколов есть свои ритмические формулы и интонационные попевки. Известна связь «музыки» колокольных звонов с мелодикой знаменного распева, отмечаются и мелодические параллели с русской народной песней.

В функционировании колокольных звонов сложились свои устойчивые каноны. А. Ярешко классифицирует их как структурно-технические, формообразующие и функционирующие внутри обряда. Важнейшее формообразующее свойство колокольной музыки – это оstinatность. Равно-

мерно повторяющиеся удары, первоначально несущие сигнальную функцию, уже обладали остинатностью. Ход развития колокольности от утилитарности к собственно искусству представляется как процесс синтеза различных видов остинатности, а затем постепенное преодоление ее путем сочетания с вариационным принципом развития, корнями уходящим в народное музыкальное творчество.

Основу, своеобразный фундамент звона, составляет всегда басовый органнй пункт в виде одного звука или созвучия, составляющий колористический звуковой комплекс на протяжении всего звона. Примерно к XVII веку русские звонари вырабатывают свой особый трехголосный стиль музыки звонов с делением на басовые, средние и высокие (завонные) голоса. Становление этого стиля шло в тесной связи с партесным стилем в церковном пении и в связи с национальным песенным творчеством [9].

Колокольные звоны Русской Православной Церкви воплощают идею соборности не только в религиозном плане. Существовали также виды звонов, употребляемые вне церковной практики. Это набат (учащенный звон в один колокол по поводу бедствия или происшествия), бой часов и куранты на башнях, политический звон в Древней Руси, созывающий народ на вече.

Звучание колокольных звонов всегда вдохновляло творчество отечественных композиторов. Композиторы русской национальной композиторской школы активно воссоздавали его в своих произведениях. Вслед за ними колокольные звучания включают и современные отечественные композиторы: Г. В. Свиридов, В. А. Гаврилин, Р. К. Щедрин, А. Г. Шнитке. Ими передаются не только ритмическая основа, мелодические обороты, гармонические сочетания, фактурные особенности звучания колоколов. Колокольность становится неотъемлемой частью художественного мышления многих отечественных композиторов. Она воплощается и как стилиевой прием и проникает в драматургическое решение произведений разных жанров: оперных, симфонических, камерно-инструментальных, камерно-вокальных. Включение русскими композиторами – классиками в свои произведения колокольных звонов оправдано многими причинами: религиозно-философским смыслом, красочной звучностью, эмоциональными от-

тенками звучания, отечественной символикой. Для создания исторической достоверности вводятся звучания колоколов в оперы, посвященные истории России («Псковитянка», «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н. А. Римского-Корсакова, «Борис Годунов» и «Хованщина» М. П. Мусоргского, «Князь Игорь» А. П. Бородина). В этом случае колокольные звучания не просто символизируют голос Родины, но и играют драматургическую роль, выполняют организующую, соединяющую функцию. Ликующие, сострадающие, вещающие и зовущие в храм колокольные звучания помогают понять смысловую канву и погружают в эмоциональную глубину произведения.

Литература

1. Брюсова Н. Я. Русская народная песня в русской классике и советской музыке. – М.: Музгиз, 1948. – 133 с.
2. Гозенпуд А. А. Мировая слава поистине бессмертного художника // Сов. Музыка. – 1983. – № 12. – С. 87–94.
3. История русской музыки: в 10-ти т. – Т. 2.: XVIII век. Ч. 2. – М.: Музыка, 1984. – 336 с.
4. Композиторы «Могучей кучки» о народной музыке / сост., редакция, предисл. и коммент. Е. Гордеевой. – М.: Музгиз, 1957. – 224 с.
5. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви; Издательство «Дар», 2005. – 336 с.
6. Орлов Г. Семантика музыки // Проблемы музыкальной науки. – Вып. 2. – М.: Музыка, 1973. – С. 434–479.
7. Разумовский Д., протоиерей. Церковное пение в России – Муз. Академия. – 2000. – № 4. – С. 43–60
8. Русская гамма: истоки национального своеобразия: сб. статей / сост. Е. Пенская. – М.: Европа, 2006. – 112 с.
9. Ярешко А. Канон, импровизация и новаторство в искусстве колокольных звонов // Музыка колоколов: Сборник исследований и материалов. – Спб.: РИИИ, 1999. – С. 40–74.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Е. Ю. Светлакова

Документалистика во все времена стремилась ответить на основные вопросы человеческого бытия. Не проходит она и мимо меняющихся гендерных отношений в современном обществе. Сегодня во всём мире женское кинотворчество стало очень распространенным. Возможно, потому, что доминантой постмодерна является «женское начало»- расплывчатое, неуловимое, иррациональное, парадоксальное, ироничное.

Отдельные наблюдения над гендерной спецификой произведений женского творчества нашли отражение в работах Т. Мелешко, М. Рюткенин, И. Шаберт, М. Завьяловой, С. Охотниковой, Е. Трофимовой, Г. Брандт. Несмотря на значительное число исследований в области кино, отсутствуют четкие критерии концептуального осмысления российской документальной кинематографии как культурологического продукта, обладающего рядом четких гендерных характеристик. Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать документальное кино, где визуально воплощаются мужской и женский взгляд на мир. Гендерный подход основан на том, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое этим различиям придает общество. Основой гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах и ролях мужчин и женщин, а анализ феноменов власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.

Актуальность подобного исследования состоит не только в необходимости изучить русские документальные фильмы женщин-документалистов, но и рассмотреть их в аспекте гендера – это может быть анализ типологии женских персонажей, героинь документальных фильмов или анализ фильмов, снятых мужчинами, но «женскими» по сути. Гендерная структура кинопроизводства может быть проанализирована в профессиональном аспекте: как женщины работают, как воспринимают свою профессиональную роль. Устроители международных фестивалей

женского кино, самые известные из которых проходят в Сеуле и в Кельне (Феминале), считают, что в истории феминизма рано ставить точку.

Термин «гендер» используется для обозначения культурных характеристик мужчин и женщин. Сущностью конструирования гендера является полярность и противопоставление. Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. Культура часто определяет мужчину через оппозицию к женщине. Исключение женщин из общественной жизни, науки и искусства является в большей или меньшей степени характерным для всех культур. Сегодня происходит беспрецедентная в истории человечества ломка традиционной общественной системы, общественного разделения труда между мужчинами и женщинами и всего гендерного порядка. Женщины быстро осваивают мужские профессии, связанные с этим стиль и образ жизни, поскольку их психика отличается большей пластичностью, податливостью, обучаемостью. Универсальным антропологическим феноменом мужского сознания является то, что мужчина всегда мыслит себя субъектом, а для рефлексии требуется другой взгляд – объективный. Этим «другим взглядом» обладает женщина.

Женские ролевые архетипы, или гендерные стереотипы, интересовали многих. Древние греки делили всех женщин на четыре типа: дочери богини Геры (домашние хозяйки, матери), дочери Афродиты (красавицы), дочери Фурии (ведьмы, мегеры), дочери Афины (умницы).

Ролевые архетипы, привязанные к характеру конкретного божества, – тема, обозначенная еще К. Юнгом. В каждой женщине есть восемь ролевых архетипов:

- 1) Деметра – мать;
- 2) Кора-Персефона — юная дева, жертва;
- 3) Афина – стратег и тактик;
- 4) Артемида – соперница мужчин, мстительная охотница;
- 5) Афродита – воплощение любви и красоты, муза художников и поэтов;
- 6) Гера – супруга, светская женщина;
- 7) Бестия – одиночка, посвятившая себя иному Смыслу;
- 8) Геката – сваха, шутница, колдунья.

В каждой женщине эти архетипы присутствуют и вступают в свои права по очереди, в соответствии со стадиями «Дева – Женщина – Старуха».

Русский культуролог, семиотик Юрий Михайлович Лотман писал, что конец романтической эпохи создал три литературно-бытовых стереотипа женских характеров:

- 1) девушка-ангел, покорное судьбе дитя, невинная блондинка, фемина, Золушка, Мэрилин Монро;
- 2) фатальная женщина (*femme fatale*), демонический характер, Кармен;
- 3) женщина-героиня, Мать.

В русском варианте оппозиция «мужское – женское» имеет свою особенность. В России мужчины погибали в революциях и войнах. Женщин всегда было больше, отсюда мужчина в глазах русской женщины являлся и является ещё и ценностью морального порядка. В наших советских документальных фильмах нет места невинным блондинкам, фатальным дамам. Миф советской женщины – трудовой по преимуществу. Это для буржуазной мифологии характерен миф семьи и матери, а для советской главным является миф Матери-Родины. В основе ассоциативных рядов женских типов советского документального кино лежит классический образ Ниловны Максима Горького или образ идейной женщины, отказавшейся во имя долга перед народом от безыдейного мужчины, – образ Марютки Бориса Лавренёва. Советскую женщину после революции стали называть «трудовой единицей». В основе идеологической схемы нового образа стояли слова Н. К. Крупской о том, что женщина – это «работница и мать».

Женщина чаще всего выступает в советском документальном фильме по отношению к мужчине как персонаж не только равноправный, но и «передовой». Ее достоинства измеряются трудовыми достижениями. Фильм «Наша мама – герой» (1979 г.) Николая Обуховича (Ленинградская студия документальных фильмов) рассказывает о Герое Социалистического Труда, директоре камвольного комбината. Сюжет фильма из двух параллельных линий. Одна из них представляет трудовую жизнь знатной ткачихи Екатерины Голубевой: вот она на трибуне принимает новые обязательства; выполняет пятилетку за полтора года, одни трудовые подвиги сменяются другими. Вторая линия фильма показывает семейную жизнь Екатерины. Муж ничего не делает. Сын учит к празднику 8 марта стишок:

«Мама – член бюро Обкома, И работа, и семья, Кто заменит маму дома? Ну, конечно, это я». Несчастливая ткачиха получает ордена и работает на десяти станках, а ее муж и сын едят на кухне рыбу прямо с газеты. Самыми потрясающими стали финальные кадры картины, снятые скрытой камерой. Екатерина приходит домой, снимает сапоги с опухших ног и плачет в коридоре. А ведь она, передовик производства, всегда была застегнута на все пуговицы своего кримпленового костюма. Героиня не знала, что дома ее поджидает съемочная группа, поэтому была самой собой. Такой ее и следовало снимать! Лента «Наша мама – герой» произвела колоссальное впечатление на зрителей еще и потому, что в советском кинематографе так показывать «человека труда» было не принято. Фильм был на десять лет запрещен. Только в 1989 году, перед визитом Горбачева в Германию, он был наконец разрешен к показу.

И в поздние советские годы (70-е — начало 80-х) в документальном кино господствовал старый стереотип женщины-труженицы.

Фильм новосибирского режиссёра и оператора Валерия Соломина «У кого хлеб вкуснее» (1980) рассказывает о трудовых буднях простой русской крестьянки. Легко и непринуждённо месит тесто, забрасывает его в гигантские чаны маленькая и ловкая женщина. Знакомая история. Муж болеет – дают знать о себе старые раны. Она одна крутится по хозяйству и на работе. «... Я просто пришел за хлебом в деревенскую пекарню. На дворе лето, я лег в траву, слышу, бабы поют в пекарне. Это будто «постучалось» в меня, так захотелось сделать картину о пекарне», – говорит Валерий Соломин [1, с. 3]. Но картина получилась не о пекарне, а о типичной русской женщине, которая и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт.

После распада СССР и отмены цензуры в документалистике начался настоящий бум. Гендерные стереотипы заменили стереотипы идеологические, это было знаком исторического момента. Любимый демократической интеллигенцией стереотип Золушки стал преобладающим. Перестройка сформировала свою новую мифологию. Рынок диктовал свои законы, внешность женщин стала товаром. Участницы конкурса красоты назывались патриотками. Стали появляться телевизионные фильмы, женские образы в которых не были отмечены разнообразием: часто это были звезды

кино и эстрады. Традиционный для общества потребления стереотип женщины – соблазнительницы, Афродиты стал ключевым.

В 2002 году Рената Литвинова сняла свой первый документальный фильм «Нет смерти для меня». В центре фильма – дивы советского экрана: Нонна Мордюкова, Татьяна Окуневская, Татьяна Самойлова, Лидия Смирнова и Вера Васильева. При помощи простого интервью Рената Литвинова сумела создать образы женщин, которые были знаковыми фигурами для России. Такие разные и такие прекрасные русские актрисы и, прежде всего, женщины. Красота и талант не исчезают – нет смерти для души.

Итак, от Матери к Золушке и Афродите – такова приблизительная схема смены основных гендерных архетипов в российском документальном кино.

Имеют ли право кинотексты, сделанные женщинами, выделяться в самостоятельную область исследования? Нас волнует проблема идентификации женского кино и сама личность женщины-режиссёра как говорящего субъекта. Существуют определенные различия мужской и женской речи. Мужской символизм – однозначный, женский – многозначный. Эта идея раскрывается в фундаментальном труде Камиллы Палья. Палья выявляет специфику мужского и женского творчества. На примере классиков мировой литературы – от Шекспира до Уайльда – она подчеркивает культурное, рациональное начало мужского творчества и хаотическую эмоциональную природу женского творчества. О значении женского творчества много писала Юлия Кристева, видя в нем желание женщины самоутвердиться. Женщины обогащают общество более гибким и свободным дискурсом, создавая тексты, в которых актуализируются имплицитные смыслы.

Эта мысль соответствует позиции феминистской критики, согласно которой у женского текста больше оснований называться настоящим, ибо психическая организация женщин обладает такими качествами, как пластичность, поливалентность, ненасильственность. Общество, как отметил И. Ильин, «становится на путь понимания женского творчества как более эмоционального, интуитивного, тесно связанного с природным и социальным контекстом. Женщины в целом более эмоциональны, и их переживания более интенсивны и глубоки, диапазон счастья и несчастья у них, очевидно, в целом шире, чем у мужчин. Отсюда интерес гендерологов

к деридианским концепциям децентрации и письма, когда через анализ текстовых элементов языковых образов обнажается бессознательное» [2, с. 146].

Метод наблюдения всегда был главным методом кинодокументалистики. Есть мужчины-режиссёры, которые работают именно так, наблюдая, не вмешиваясь, не строя жёстких конструкций, не разрабатывая сценариев, – то есть очень «по-женски». Они способны подолгу, иногда годами наблюдать за тем, что творится на обычном перекрёстке, как это делает питерский режиссёр-документалист Виктор Косаковский. Так работает Сергей Дворцевой, Эдгар Бартенёв. Их фильмы лишены многословия, но вызывают массу непередаваемых эмоций. Идея фильмов, несмотря на отсутствие сюжетных хитросплетений, доступна каждому зрителю.

Напротив, телевизионное документальное кино полностью подчинено слову. Коллаж как принцип структурирования документального высказывания является одним из излюбленных приемов телевизионной документалистики. Можно рассказать о любом событии, не снимая его, используя уже готовые кадры. Слово подчиняет себе визуальные образы, диктует структуру всего документального высказывания. Но объективная реальность является в первую очередь видимой, а не слышимой.

Литература

1. Вечерний Новосибирск // Такое вот кино, 18.08.2000 г.
2. Джидарьян, И. А. Представление о счастье в российском менталитете: монография / И. А. Джидарьян; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. – СПб.: Алетейя, 2001.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В ОБРЯДОВОМ ДЕЙСТВИИ

Н. В. Курбатова

Фольклор – это сокровища не только народной поэзии, прозы, музыки, но и народной педагогической мысли. Совсем не случайно возрастает сегодня интерес к фольклору как к ценному источнику изучения жизни, быта, художественной культуры народа. В современных условиях влияние

фольклора на социально-нравственный климат в обществе, на стабилизацию ситуации в культурно-экологическом пространстве приобретает огромное значение. Народное творчество мы рассматриваем как важное средство воспитания, приобщения детей и подростков к сокровищам народной художественной культуры.

Общеизвестно, что фольклорная среда основывалась на определенных условиях – устоях – традициях. Воспитание в крестьянской семье строилось по принципу «делай, как я». При этом в качестве образца выступали мать и отец, которые руководствовались четкими правилами и ориентирами общепризнанной этнопедагогики. Но сегодня большая семья – довольно редкое явление. Преемственность поколений нарушена, распались традиционные каноны, поэтому перед образовательными и культурно-досуговыми учреждениями остро встает проблема пересмотра существующих программ и методик с целью ориентации воспитательного процесса на традиционную народную культуру. Ведь именно так можно обеспечить массовый доступ подрастающего поколения к своеобразному хранилищу мудрости и жизненной силы народа. Дети должны иметь возможность в полной мере познакомиться с сокровищами национального мелоса, народной поэзии, понять особенности родного музыкального языка, его связь со словом и пластикой движений, открыть для себя метод фольклорного творчества. Поэтому возрождение, сохранение и развитие фольклорных традиций в современных условиях может быть обозначено как специально организуемый социально-педагогический процесс. Традиции находят свое воплощение в обрядах, ведь связь между ними самая органическая. Обряд и есть способ передачи духовного наследия новым поколениям.

Как самостоятельная форма культурно-досуговой деятельности обряд представляет собой своеобразный комплекс самых разнообразных действий. Жанровое многообразие, разносторонность социальной предназначенности обрядов выдвигают в каждом конкретном случае свою структуру комплексного обрядового действия. Однако во всех случаях присутствует музыкальный компонент, который представлен вокальными, танцевальными, вокально-инструментальными номерами. Музыка в обрядах не только элемент действия, но и своеобразный стимулятор эмоционального состояния участников обрядового действия. Музыкальный номер в его структуре позволяет на основе определенной социально-воспитательной

цели управлять эмоционально-психологическим состоянием участников обряда, а вместе с тем – процессом воспитания личности.

Музыка, как и другие виды искусства, придает обряду эмоционально-действенное облачение, с одной стороны, и формирует сознание людей в соответствии с идеалами и нуждами социального развития общества – с другой.

В структуре обрядового действия может быть применено все многообразие форм и жанров музыкального искусства, и прежде всего – песня. Это повсеместно распространенный вид вокальной музыки, ее выразительная, легко запоминающаяся мелодия естественно объединяется со словесно-поэтическими образами. Истоки народных песенных жанров уходят в глубокую доисторическую древность. Они переходили от старших поколений к младшим в устной форме. Включение в обрядовое действие народных песен (календарных, хороводных, игровых, плясовых и т. д.) непосредственно воздействует на чувства детей, пробуждает их к сопереживанию. Обладая большой силой эмоционального воздействия, песни создают соответствующее настроение: торжественно приподнятое, веселое или спокойное и светлое. Так, в плясовой обрядовой песне «Девки сеяли капусту» исполнители желают капустке расти большой, беленькой и крепенькой. Характер песни веселый, задорный. Она активизирует внимание, как зрителей, так и самих выступающих. При исполнении этой песни дети не только поют, иллюстрируя содержание жестами, но и танцуют парами. Очень интересен рисунок орнаментального хоровода, где видится элемент изобразительности. Под слова песни: «Вейся, вейся, капустынька. Завивайся, вилая!» – завиваются в плетень, а под следующие слова: «Развивайся ты, капустынька. Развивайся ты, вилой коченок!» – развиваются. Таким образом, песня активизирует детей, заставляет их двигаться в определенном ритме, выполняя сложные и разнообразные фигуры орнаментального хоровода – «круг», «два круга рядом», «улитка», «ворота».

Если в песне имеются действующие лица, игровой сюжет, конкретное действие, то содержание песни разыгрывается в лицах и исполнители с помощью пляски, мимики, жестов создают различные образы и выражают характеры героев. Часто персонажами песен являются животные, птицы, и участники хоровода подражают их движениям, повадкам. Здесь четко видны элементы драматического начала, театрализации, требующие актерского перевоплощения. Примером тому могут служить игровые хороводы «Летел воробей», «Как у бабушки козел» и другие. Композиционно игро-

вые хороводы строятся по кругу, или линиями, или парами. В центре происходит действие, а хоровод двигается, останавливается, приплясывает, подыгрывает. В линейном повторении дети разделены на две линии, которые ведут диалог. Игровая песня «А мы просо сеяли» состоит из вопросов и ответов, участники делятся на две группы и становятся в линии одна против другой, «стенкой» и ведут диалог.

Другим примером может служить обрядовая магическая песня, исполняемая при гадании на Рождество. Героиня пела: «Я качу, мечу золото кольцо да серебряно», держа закрытую корзину «с судьбой» в руках. Эта песня давала определенный настрой, в ней крылась таинственность и загадочность – что кому выпадет: «Кому вынется, тому сбудется. Кому сбудется, не минуется».

Рождество праздновалось всеми, но в основе своей это был праздник молодежи с играми, песнями, обходами домов, посиделками и гаданиями. Обрядовые песни закликали и описывали благополучие и изобилие.

*Коляда – маледа!
Накануне Рождества
Везде поспевай,
С Новым годом поздравляй!*

Колядовщики и ряженые исполняли колядки– пожелания, величания, воспевая в них дом, хозяйошку.

*Ходила Коляда
Накануне Рождества.
Искала Коляда
Боярского двора.
На семи столбах,
На семи дворах
И хозяйошку в дому,
Что оладушку в меду.*

А «вожак с медведем» и «коза со свитой», воплощающие жизненную силу, богатство, желают хозяйошке:

*Желаем Вам в Новом году
Уродилась чтоб пшеничка,
Горох, чечевичка,
Чтоб у Вас овес
На два метра рос.*

Таким образом, действующими лицами игры-колядования представляются ряженые – коза, медведь, дед. Они живут и действуют в предлагаемых обстоятельствах; мимикой, жестами, походкой, интонацией, тембром воссоздают своих персонажей. Фольклорная песня и танец в обряде – это средство общения и единения собравшихся. Так, в фольклорной программе с элементами обряда, посвященной именинам Домового (день Ефрема Сирина), русская народная песня имела большое значение, выполняя ряд функций. В прологе участники фольклорного коллектива исполняли русскую народную песню «Горенка» с элементами народного танца, приглашая зрителей участвовать в веселом представлении, которое развернется в этой светлой горенке. По ходу развития сюжета и появления действующих лиц: домовенка Кузи и его гостей Шишка, Банника, Потаньки, Маремьяны – фольклорно-хоровой коллектив выполнял ведущую роль. Его участники не только исполняли русские народные песни («Во горнице во светлице», «Жила – была блоха», «Нерадивая стряпуха», «Пряла наша Дуня»), но и водили хороводы («Заплетися, плетень»), играли в игры («Дедушка Трифон», «Путаница» и другие), то есть активизировали зрителей, привлекали их внимание, создавали благоприятный климат для общения.

Необходимо отметить, что в обрядовом действии широко применяются фольклорные атрибуты: маски, элементы костюмов, фрагменты условных декораций крестьянского быта, а также используются такие жанры фольклора, которые по своей природе диалогичны, – перепевы, переплясы, частушки по кругу и т. д. Нельзя забывать и о народных инструментах – баяне, балалайке, ложках, свистульках, которые своими тембрами делают обрядовое действие ярким и красочным.

Музыка в обрядовом действии выполняет ряд функций:

- художественно оформляет и закрепляет в торжественной форме определенно значимое событие общественно-гражданского, лично-гражданского или лично-семейного характера;
- создает условия для обмена чувствами, мыслями и переживаниями, возникающими в процессе празднования значимого события;
- музыкальные произведения, включенные в обрядовые действия, усиливают эмоциональные переживания человека или группы людей по отношению к событию, оказывают влияние на формирование чувств и эстетического вкуса.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ТЕМАТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ ТАЛАНТА

Н. Ф. Хилько

В течение относительно короткой истории кино, как отмечает П. Г. Сибиряков, несколько раз меняется *языковое сознание*, что в других художественных формах, в частности, в литературе, происходило значительно медленнее [1]. В кинематографе действует своеобразная языковая система, коренным образом отличающаяся от естественного языка. Это отличие становится ясным еще и в связи с тем, что он «представляет собой уникальное орудие мышления, наиболее эффективное средство реализации духовных процессов в общественно-исторической жизнедеятельности людей и является социальным средством хранения и передачи информации» [2].

В последнее время становится все более очевидным, что *реализм* документального освоения изображенных на экране фактов отвечает механизму адекватного постижения и отображения в произведении экранного искусства модели окружающей среды, которая соотносима с понятиями: «близко к реальности», «реальное отображение действительности», «образ мира». Может быть, поэтому, как справедливо указывает Г. С. Прожико, «столь значимыми для всего XX века оставались категории реализма как основные критерии художественного постижения реальности». При этом наступающее на стыке столетий и тысячелетий «изменение модели мира, деформированной новой ступенью развития человечества и технологиями трансформации, обусловило новые отношения человека с реальностью». Этот процесс становится обязательным обстоятельством миропостижения современного человека, которое сформировало или деформировало устойчивые механизмы восприятия самой реальности [2, с. 16].

Отмеченные закономерности нашли свое яркое отражение в документальном кинофильме «Андрей» режиссера Виктора Аслюка (киностудия «Беларусьфильм», 2011). Заявленная здесь *тема экологии души, сохранения таланта* воплощается при помощи комплекса изобразительных средств кинонаблюдения, ассоциативного монтажа, использования цветовых контрастов и полярного контрапункта.

Это фильм о художнике Андрее Белом, авторский фильм – портрет творческого человека, живущего среди картин в подвале многоэтажного дома. Просмотр этого фильма все больше убеждает в мысли, что особенно важным для авторской кинодокументалистики становится «*авторская организация*, преднамеренность происходящего на экране и наличие актера по функции (любой человек, выполняющий обусловленные автором-режиссером функции. При этом авторская организация предкамерной реальности способствует демонстрации естественного поведения человека перед камерой в сценарно-организованных обстоятельствах)» [3, с. 95].

Фильм можно отнести к направлению проблемно-констатирующего кинореализма, по жанру это документальный фильм-портрет. Он поднимает проблему сохранения таланта в сложных условиях бытия. Ключевая идея фильма видится в мучительности духовных поисков, которые изнашивают душу и требуют восстановления сил. Первое, что приходит в голову после просмотра этой картины, – это мысль о том, что творческий труд не только притягательный, но также *мучительный и изнашивающий* человека. Вдохновенное набрасывание Андреем красок на холст отражает чередование долгих раздумий о мире, обдумывания идеи каждого произведения и мгновенных душевных порывов.

Стилистическая манера фильма основана на экспрессивных ассоциациях и единстве светопластического решения. Картина снята с преобладанием контрового и силуэтного освещения. Контраст колорита и визуального решения фильма подчинен логике документального повествования, которое отражает мучительный поиск истины и судьбу таланта, обреченного на *вынужденное творческое одиночество*. Просматривая этот фильм, понимаешь, что «изображение движущихся красок дает возможность вскрыть такое огромное богатство человеческих переживаний, какое не может быть выражено ни в одном другом виде искусства – и меньше всего в живописи» [4, с. 250].

Операторское решение фильма состоит в кинонаблюдении. Звуковое решение картины не отличается сложностью и заключается в чередовании синхронных съемок и пауз. Темпоритмическая окраска картины подчинена плавному течению художественных событий. Этому способствует ассоциативный монтаж.

Социально-культурное значение фильма состоит в постановке задачи сохранения духовных традиций в здоровьесберегающей среде. Духовно-нравственный подтекст заключается в утверждении ценности таланта и необходимости бережного к нему отношения.

Своеобразный крик души мастера неожиданно проявляется в его новых картинах – это настоящая работа на износ. Видя это, зрители должны не только восхищаться творцом и уважать его, но и сострадать ему. Логика сюжета картины связана с кинонаблюдениями за рождением идеи у художника. Главным героем фильма является художник Андрей Белый. Показ его одинокого творческого бытия дополняется изображением окружения художника в мастерской и за его пределами.

Центральный образ фильма – образ Андрея – ассоциативно связывается с образом его тезки Андрея Тарковского. Здесь сходство не только в имени, но и в той *духовной ауре* спокойного величия духа, погруженного в собственный мир и пытающегося разобраться: где правда, а где ложь; где боль, а где отчаяние; где дружба, а где раздор; где мудрость, а где глупость.

Очевидно, что от проблемы сохранения таланта кинодокументалистика неизбежно должна была подойти к образному отражению нравственных мотивов социального признания таланта в современности. Эта проблематика просматривается в документальных фильмах-портретах «Захар» (режиссер Константин Сухарьков) и «Петр Мамонов. Черным по белому» (режиссёр Константин Смияга).

В образе Захара Прилепина отражен облик успешного человека, идущего в ногу с веком. Захар, прошедший путь от охранника до генерального директора Нижегородской газеты, воплощает всю правду совести современного человека. Его взгляд на умирающую деревню отражает мнение многих современников: если не появятся условия нормального существования, то полноценная жизнь на селе сама собой не возродится. И эта позиция Захара вполне понятна.

Проблема опустошения деревень, вымирание рода становится его личным горем. Уход из жизни близких – всегда катастрофа, но Захар в этой обстановке выживает и не теряет чувства оптимизма. Он находит себя в писательском труде и имеет немалый успех. Несколько парадоксальным выглядит визит Захара на кладбище в Нижнем Новгороде и оставленная на

могиле пачка сигарет. Наверное, счастье этого человека основано на постоянном чувстве родства с ближними. Писательский труд для него – не только выход накопившегося отчаяния, Прилепин помогает людям видеть боль и говорит правду в лицо, хотя бы и со страниц книг.

Эта картина динамична, полна сцен, снятых на городских окраинах, где люди живут в состоянии приближения к абсурду. Не может не удивлять сцена с получением премии, когда Захар оказывается в Москве с портфелем, полным долларов. Создаётся впечатление, что он стал лауреатом как-то нелепо, как будто бы случайно.

Фильм даёт ответ на вопрос, волнующий многих: нужно ли писать в стол? Зритель начинает понимать, насколько важно сегодня отвоевать, отстаивать свои приоритеты в жизни вообще и в литературе, в частности. Да, это дело не простое, но именно оно дает человеку крылья, а его произведениям – путь к широкому читателю.

Многоликость и бесшабашность прославленного рок-музыканта Петра Мамонова, кажется, не знает границ. Он является преемником российских пророков и провидцев и в своем творчестве достигает не меньшей степени своеобразного «шаманизма», чем многие его предшественники (Виктор Цой, Игорь Тальков и др.). Основная причина успеха актера, как видно из фильма, в том, что он, играя в моноспектаклях, воплощая знаковые для России образы Ивана Грозного, других деятелей государства Российского, всегда остается самим собой. Его успех – в нем самом, его Бог – в нем самом. Это подтверждается в серии интервью его сына и друга – Олега Гребенщикова. Быть любимым публикой, достойным своей эпохи всегда непросто. Быть прямым, честным, говорить только правду – дело святое. Петр воспринимается как носитель русской идеи, русской души. Поражает глубина его раздумий о русском человеке, необъятности его помыслов, грандиозности свершений.

Фильм снят на цветной плёнке с использованием световых контрастов, монтажных перебивок. Многочисленные интервью актёра и съемки встреч с его поклонниками, творческим окружением дополняются эпизодами из фильмов, представляющими собой мини-исповеди, раскрывающими ищущий характер актера, певца и музыканта, необычность его взгляда на мир, гигантскую степень воздействия его энергетики на зрителя.

Некоторое самобичевание, даже отчасти неистовство позволяют говорить о высоте самоотречения и душевной щедрости этого талантливой актера.

На примере данных документальных лент подтверждаются следующие особенности современного документального кино. В документалистике актуальны несочиненные объекты, события, действия; звучащий текст, шумы и музыка; чередование цветов, пятен света и тени – своеобразные предкамерные материалы, система комбинирования которых соответствует общему замыслу сообщения. В результате создается *материально-предметное окружение героев*; актеры нередко помещаются в реальную среду [5, с. 96].

Рассматриваемая проблематика находит свое яркое отражение также и в телевизионных жанрах. Однако здесь в большей степени преобладает ретро-тематика. Примером может служить фильм «Валерий Ободзинский. Украденная жизнь» (1-й телеканал, 2012).

В телевизионном фильме о выдающемся советском певце Валерии Ободзинском поднимается всегда актуальный для России вопрос об экологии таланта в момент его расцвета. Картина отвечает особенностям направления констатирующего реализма, соединяет в себе черты документального и игрового авторского фильма и соответствует стилистике серийных телепроизведений «Тайны века», однако по жанру она является строго документальным биографическим телефильмом.

Проблема социального угнетения таланта в своей собственной стране находит яркое выражение в теме экологии таланта. В основу фильма положена идея о долгом всеобщем невнимании общества к кумирам, приводящем к их неожиданной гибели. Последовательно-возвратная логика сюжета предполагает прамбулу в форме постановки проблемы. Прамбула завершается обращением к родительскому дому, а за ней следует биографический рассказ.

Стержневыми образами фильма являются семь человек, близко знавшие певца. Они выступили в качестве интервьюеров и игроков, распределившись вокруг центрального образа, который как бы ведет рассказ от имени ушедшего кумира. В этой роли выступил автор-актер и ведущий Сергей Медведев. В большей степени образ главного героя раскрывается в воспоминаниях его первой жены, «верной спутницы и ангела-хранителя» Нели Ободзинской, а также дочерей Анжелы и Валерии. Творческую ха-

рактистику певцу дают его друзья: Иосиф Кобзон – мэтр советской эстрады и Владимир Шаинский – композитор.

Важную роль в дополнении портрета Валерия сыграли яркие воспоминания Екатерины Семеновой – певицы, выступавшей с Ободзинским на одних концертах; его близкого друга, музыканта и композитора Владимира Михайлова; певицы Ларисы Долиной; Елены Пиковской – актрисы, помогавшей певцу в становлении его карьеры; Любви Омеляненко – подруги юности; Андрея Теплякова – друга семьи, одного из немногих поддержавших певца в трудные последние годы его жизни.

Беззаветная любовь певца к его жене Нели, детям, всем людям, понимавшим его и разделявшим его чувства, проявляется в фрагментах интервью, чередующихся с показом фотографий, киносюжетов и фрагментов записей телепередач. Хочется отметить интересную режиссуру Ирины Фирсовой, сценарий Натальи Рыбинской, удачную работу автора-актера и ведущего Сергея Медведева.

Стилистика фильма строится на оригинальном принципе двойного (визуального и документально-игрового) контраста цветного и черно-белого изображения, на обращении к игровой реконструкции событий, интервью и показу кино-, фотодокументов. Вызывает интерес талантливая работа операторской группы, которая представила зрителю великолепные съемки морского побережья Одессы, ассоциирующегося с творчеством певца, синхронную работу камер при съемке Нели с Сергеем Медведевым, съемки с движения. Выразительная актерская работа Сергея Медведева, элементы актерской игры дочерей Валерия Ободзинского в кадрах-реконструкциях событий в сочетании с закадровым голосом ведущего, удачный выбор интервьюируемых актеров из числа родственников и друзей Валерия Ободзинского, его близкого творческого окружения – всё это позволяет говорить об успешном воплощении кинематографистами идеи фильма и сценария на экране.

Успеху способствовало также интересное звуковое решение картины, в котором соединяются закадровый голос, звуковой фон в синхронных кадрах (шум моря, голоса), видеомузыкальные цитаты и емкие слова интервьюеров. Замыслу фильма также отвечает его размеренный темпоритм, соответствующий неспешному течению мыслей зрителя. Здесь, как и в документальном кино, при съемке чередуются приемы творческой съемки

«контактной», «ориентирующей», «прямой» и «скрытой» камерой [6, с. 64–65], которые определяют характер изобразительного языка различных жанров.

Сравнение жанровой и языковой специфики современной кинодокументалистики и телевидения показывает, что у них обоих есть, несмотря на технические различия, обуславливающие характер экранного восприятия, одна общая черта – принадлежность к реальной повествовательности. Это свидетельствует о том, что в России появляется давно распространенный за рубежом жанр – документальная драма [7, с. 228], насыщенная контрастным построением и комбинацией монохромного, черно-белого и цветного изображения.

Социально-культурное значение фильма заключается в привлечении внимания общества к несправедливым упрекам в сторону творческой неординарной личности. Духовно-нравственный подтекст картины читается как утверждение бережного, доброго отношения к красоте, любви и таланту.

Фанатическая влюбленность в творчество Ободзинского множества поклонников контрастирует с полным непониманием или нежеланием понять силу и глубину его манеры исполнения, особенности его дарования и почерка. Богатство и широта голосовых данных, позволивших считать голос Валерия поистине золотым и сочетающихся с необычайным лиризмом, драматизмом, «творением» песни в момент ее исполнения (слова В. Шаинского), глубоким проникновением в образ, давали ощущение, что его песни – это его судьба, его душа, его жизнь. Так оно и было.

Однако, увы, недолгая возможность свободного творчества разбилась о зависть, непонимание коллег и чиновничий произвол. Тонкая, хрупкая, болезненно воспринимающая душа певца надломилась очень быстро и попала водоворот разрушительных событий и жизненных коллизий. Удивляешься сейчас, спустя двадцать лет, в канун семидесятилетнего юбилея певца в очередной раз: не уберегли, не досмотрели, а раньше-то что думали? Да в том-то и дело, что не думали, да и думать об этом было почти никому и некогда. История Валерия Ободзинского – типичная история таланта в типичных обстоятельствах. Удивляет, что спустя столько лет мало что изменилось.

Как видно из фильма, в своем творчестве певец достиг непревзойденной душевной глубины в исполнении песен о любви, невероятно стра-

стного накала лирических чувств, которые не могли не подкупать своей суровой нежностью, очаровательной задумчивостью, трогательным сентиментализмом. Подавляющее большинство песен, исполняемых певцом, были о любви, потому что «не о любви он петь не мог», остальные также были пронизаны его лучезарной любовью. И это проявлялось даже в песнях, которые одновременно с Валерием исполняли другие певцы. У него не было ни капли подражания, он творил свой образ песни.

Фильм представляет собой постепенное телевизионное расследование всех нюансов, деталей и тонкостей не только крушения карьеры Валерия Ободзинского, но и всей его жизни. Душа великолепного тенора, подобие которому может быть не чаще чем через столетие, раскололась на кусочки, собрать которые, увы, было уже невозможно.

Литература

1. Новые аудиовизуальные технологии: учебное пособие [Текст] / отв. ред. К. Э. Разлогов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 315 с.
2. Ртищева О. В. Язык как система знаков и его взаимосвязь с сознанием // Ученые записки НИИ прикладной культурологии [Текст] / О. В. Ртищева / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – Т. 2. – С. 142–146.
3. Прожико Г. С. Экранный документ в контексте современной медиакультуры [Текст] / Г. С. Прожико // Экранная культура в современном медиапространстве: методологии, практики / под ред. Н. Б. Кирилловой, К. Э. Разлогова. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 2006. – С. 12–24.
4. Разлогов, К. Э. Искусство экрана: от синематографа до Интернета. [Текст] / К. Э. Разлогов. – М., 2010. – 95 с.
5. Балаш, Б. Кино. [Текст] / Б. Балаш. – М.: Прогресс, 1968. – 350 с.
6. Разлогов, К. Э. Искусство экрана: от синематографа до Интернета [Текст] / К. Э. Разлогов. – М., 2010. – С. 96.
7. Кириллова Н. Б., Хилько Н. Ф. Аудиовизуальная культура: словарь понятий и терминов [Текст] / Н. Б. Кириллова, Н. Ф. Хилько. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 64–65.
8. Разлогов К. Э. Искусство экрана: от синематографа до Интернета [Текст] / К. Э. Разлогов. – М., 2010. – С. 228.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КАК ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ: МИСТЕРИЯ. ПРАЗДНИК. ОБРЯД

В. П. Курбатов

Знаки окружают и сопровождают нас повсюду на протяжении всей жизни. Они появились вместе с человеком и отражают знаковость вещей, знаковость жилища, знаковость одежды, знаковость поведения и т. п. История искусства началась именно со знака. Первые изображения животных – не что иное, как иконический знак.

Режиссер – это человек, превращающий замысел сценариста, точнее, сценарий, в организованный видеоряд, в художественный образ, который воспринимают или в создании которого участвуют все присутствующие. Для этого используются определенные изобразительно-выразительные средства, или знаковыми системы. Они делятся на *основные, иносказательные и вспомогательные*, направленные, прежде всего, на передачу информации и организацию процесса общения, из которого все присутствующие понимают, что хотел сказать режиссер, для чего он осуществил данную постановку (например, обряд) и что он хочет добиться от зрителя.

Ещё в XVII в. Дж. Локк определил сущность семиотики, используя этот термин в значении «учение о знаках». Это учение имело своей задачей «рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для понимания вещей или для передачи своего знания другим» [9, с. 8].

Отсюда основная цель семиотики — создание общей теории знаков во всех их формах и проявлениях.

Семиотика как наука изучает знак и знаковые системы и подразделяется на следующие разделы.

1) Семантика изучает отношения знаков к значению через отношения к действительности, помогает устанавливать соответствия между знаком и тем, что он обозначает. Семантика определяет сущность процессов кодирования и декодирования информации.

2) Синтактика исследует отношения между знаками, их сочетаемость.

3) Прагматика определяет отношения знака и человека, который создает знак и который его дешифрует.

4) Сигматика изучает отношения знака к ситуации. Ситуация помогает дешифровать знак. Сигматика занимается выбором нужного знака в сознании (дешифровкой знака). Человек моментально помещает знак в определённую коммуникативную ситуацию. Коммуникации без знаков и знаковых систем не бывает.

Знак – нечто в реальной действительности. Любой знак двусторонен, имеет форму и содержание.

В процессе исторического развития человечества развивалась и знаковая система, состоящая из отдельных знаков, которые появились:

– по договору (т. е. люди просто договорились, что, например, дорожные знаки будут выглядеть именно так, и менять их вид не стоит, чтобы не произошло путаницы);

– в результате утраты истинного значения (изначально знак обозначал нечто конкретное, но люди забыли, что именно, и стали его использовать как им удобно); сюда относятся звукоподражания (их выделил филолог Роман Jakobson), которые нельзя отнести ни к символам (т. к. форма близка к содержанию), ни к иконам, т. к. они адаптируются языком;

– вследствие замены первостепенного значения на противоположное. Так, свастика изначально была знаком благополучия и удачи, а после Второй мировой войны стала знаком варварства и насилия.

Фердинанд де Соссюр определяет создаваемую им семиологию как «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества»: «она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются» [6, с. 54].

Чарльз Сандерс Пирс пытался охарактеризовать ряд важных семиотических понятий (понятие знака, его значения, знакового отношения и т. д.). Он отчетливо сознавал, что эта область исследования должна быть предметом особой науки — семиотики, которую он определял как учение о природе и основных разновидностях знаковых процессов.

В частности, Пирс создал базовую для семиотики классификацию знаков:

1) знаки-иконы (icon), изобразительные знаки, в которых означаемое и означающее связаны меж собой по подобию;

2) знаки-индексы (index), в которых означаемое и означающее связаны меж собой по расположенности во времени и / или пространстве;

3) знаки-символы (symbol), в которых означаемое и означающее связаны меж собой в рамках некоторой конвенции, то есть как бы по предварительной договоренности. Национальные языки — примеры таких конвенций [13].

Впоследствии Чарльз Уильям Моррис, развивая идеи Пирса, систематизировал семиотику и ввёл разделение её на синтактику, семантику и прагматику. В 1938 году он опубликовал небольшую книгу «Основы теории знаков», которая является кратким очерком новой науки. Наиболее полную попытку изложения основных проблем семиотики можно найти в его книге «Знаки, язык и поведение», изданной в Нью-Йорке в 1946 году.

Основополагающим для теории знака Э. Гуссерля является различие между знаком как признаком и знаком как выражением [3]. Функция знака-признака – оповещение (указание); например, клеймо – знак раба, флаг – знак нации и т. п. Функция знака-выражения – придание значения.

Для доказательства вышесказанного обратимся к примерам, а именно к выразительным (знаковым) системам режиссера. В дальнейших рассуждениях понятия «выразительные средства» и «знаковые системы» режиссера мы воспринимаем как адекватные подсистемы, входящие в единую систему сценография.

Приведем определения мистерии, праздника и обряда с точки зрения системно-деятельного подхода, с указанием системообразующего фактора.

МИСТЕРИЯ (*от греч. μυστήριον, «таинство, тайное священнодействие»*) – система сакральных действий, представляющая собой театрализованное представление, основанное на признании определенного божества, с ограничением круга избранных.

Системообразующим фактором мистерии является признание как факт, объединяющий все разрозненные действия в единый, логически завершенный процесс действий сакрального характера.

Источником сценографии мистерий в древнем Египте служила мифология и определенные культы, которые давали подробное описание места действия, костюмов действующих лиц и атрибутики для совершения определенных действий, заложенных в мифах. И греки, и римляне будут использовать свою мифологию как основу сценографии – знаковых систем в праздниках, обрядах и в театральных спектаклях («Прометей прикованный» Эсхила, «Антигона» Софокла или «Медея» Еврипида).

Чтобы понять, из чего состояли знаковые системы или сценография древнеегипетских мистерий, следует обратиться к описанию самих мистерий [11].

ОБРЯД – театрализованная система символических целенаправленных действий, подчиненных необходимости выделить важные факты или события в жизнедеятельности человека или общества.

Системообразующим фактором обряда выступает необходимость; в свою очередь, обряд как система является подсистемой праздника.

Необходимость – то, что обязательно должно произойти в данных условиях и при соответствующих условиях наступает неизбежно.

ПРАЗДНИК – самостоятельная система, состоящая из подсистем (ритуал, церемония, обряд), создающая особый иллюзорный художественно-реальный мир при помощи синтеза изобразительно-выразительных средств всех видов искусств и существующей реальности (природы), используемых в празднике, в соответствии с историческими, политическими и духовными потребностями самых различных социальных слоев общества.

Исходя из определения, системообразующим фактором праздника является потребность. А основной системой праздника является изобразительно-выразительная система, которая базируется на знаках.

Основным выразительным средством режиссера в любом виде зрелищных искусств является актер, его тело как знак, который с помощью слова, жеста, мимики, позы несет определенную информацию, заданную режиссером. Жесты, мимика и позы актера – невербальные выразительные средства. Они были первыми в ряду выразительных средств. Пантомима, осмысленные и последовательные движения шамана – первого актера в первом спектакле – обряде. Постепенно пантомима под аккомпанемент первых ударных инструментов перешла в танец. Совокупность поз и гримас несли различную информацию в пределах определенного отрезка времени.

Невербальные выразительные средства общения, как и вербальные, служат для общения и передачи определенной информации.

Невербальная коммуникация представляет собой обмен невербальными сообщениями между людьми, а также их интерпретацию. Она возможна потому, что за всеми этими знаками и символами в каждой культу-

ре закреплено определенное значение, понятное окружающим. Правда, в случае необходимости им легко придать смысл, понятный лишь нескольким посвященным (обычный кашель может легко стать знаком-сигналом, предупреждающим о появлении начальства) [12, с. 23].

Кинесика представляет собой совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных знаковых средств общения. Этот термин был предложен для изучения общения посредством движений тела. Кин – мельчайшая единица движения, из них складывается поведение, так же, как речь складывается из слов, предложений и фраз. Считывая кинемы, мы интерпретируем сообщения, передаваемые через жесты и другие телодвижения. Элементами кинесики являют жесты, мимика, позы и взгляды, которые имеют как физиологическое происхождение (например, зевота, потягивание, расслабление и др.), так и социокультурное (широко раскрытые глаза, сжатый кулак, знак победы и т. п.) [4, с. 125].

Большая часть жестов шамана культурно обусловлена, они являются знаками-символами и носят договорной характер, то есть все телодвижения, позы и жесты шамана понятны присутствующим и не требуют объяснения и перевода. Их можно классифицировать следующим образом:

1. Иллюстраторы – описательно-изобразительные и выразительные жесты, сопровождающие речь и вне речевого контекста теряющие смысл. С их помощью говорящий старается более глубоко раскрыть смысл высказывания, они сопровождают идущий в данный момент разговор. Например, иллюстраторы имеют свойство усиливаться, когда увеличивается энтузиазм говорящего или когда кажется, что слушающий не понимает говорящего.

2. Конвенциональные жесты, или эмблемы, используются при приветствии или прощании, приглашении, запрещении, оскорблении и т. п. Они могут быть прямо переведены в слова, употребляются сознательно и являются условными движениями. Часто их используют вместо слов, которые неловко высказать вслух. Поэтому все неприличные жесты попадают в эту категорию.

3. Модальные жесты – жесты одобрения, недовольствия, иронии, недоверия, неуверенности, незнания, страдания, раздумья, сосредоточенности, растерянности, смятения, подавленности, разочарования, отвраще-

ния, радости, восторга, удивления. Они выражают эмоциональное состояние человека, его оценку окружающего, отношение к предметам и людям, сигнализируют об изменении активности субъекта в ходе коммуникации.

4. Жесты, используемые в различных ритуалах (христиане крестятся, мусульмане в конце молитвы проводят двумя ладонями по лицу сверху вниз и др.) [1, с. 114].

Мимика представляет собой все изменения выражения лица человека, которые можно наблюдать в процессе общения. Она является важнейшим элементом невербальной коммуникации. Лицо партнера по общениювольно или невольно приковывает наше внимание, поскольку выражение лица позволяет получать информацию о том, понимает нас партнер или нет. Ведь человеческое лицо очень пластично и может принимать самые разные выражения. Именно мимика позволяет выразить все универсальные эмоции: печаль, счастье, отвращение, гнев, удивление, страх и презрение. Считается, что в выражении лица участвуют 55 компонентов, сочетание которых способно передать до 20000 смыслов [7, с. 58].

Существенными аспектами кинезиса является поза – положение человеческого тела и движения, которые принимает человек в процессе коммуникации. Это одна из наименее подконтрольных сознанию форм невербального поведения, поэтому при наблюдении за ней можно получить значимую информацию о состоянии человека. По позе можно судить, напряжен человек или раскован, настроен на беседу или хочет поскорее уйти.

Известно около 1000 различных устойчивых положений, которые способно принимать человеческое тело. В коммуникативистике при общении принято выделять три группы поз:

1. Включение или исключение из ситуации (открытость или закрытость для контакта). Закрытость достигается скрещиванием на груди рук, сплетенными в замок пальцами, фиксирующими колени в позе «нога на ногу», отклонение спины назад и др. При готовности к общению человек улыбается, голова и тело повернуты к партнеру, туловище наклонено вперед.

2. Доминирование или зависимость. Доминирование проявляется в «нависании» над партнером, похлопывании его по плечу, руке на плече собеседника. Зависимость – взгляд снизу вверх, сутулость.

3. Противостояние или гармония. Противостояние проявляется в следующей позе: сжатые кулаки, выставленное вперед плечо, руки на боках. Гармоничная поза всегда синхронизирована с позой партнера, открыта и свободна [8, с. 175].

Рассмотрение элементов невербальной коммуникации помогает лучше понять способы, с помощью которых выражается межкультурный смысл общения. В этом отношении важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с помощью всех органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния, каждый из которых образует свой канал коммуникации. На основе слуха возникает акустический канал невербальной коммуникации, по нему поступает паравербальная информация. На основе зрения складывается оптический канал, по которому поступает информация о мимике и телодвижениях (кинесике) человека. Оно позволяет оценить позу и пространственную ориентацию коммуникации (проксемику). На основе осязания работает тактильный канал, на основе обоняния – ольфакторный. К невербалике также относят понимание и использование времени – хронемiku. Все элементы невербальной коммуникации тесно связаны, они могут взаимно дополнять друг друга и вступать в противоречие друг с другом.

Хронемика – это использование времени в невербальном коммуникационном процессе. Для общения время является не менее важным фактором, чем слова, жесты, позы и дистанции. Восприятие и использование времени является частью невербального общения и весьма существенно отличается в разных культурах [4, с. 237].

Исследования хронемики различных культур позволяют выделить две основные модели использования времени: монохромную и полихромную.

При монохромной модели время представляется в виде дороги или длинной ленты, разделенной на сегменты. Это разделение времени на части приводит к тому, что человек в данной культуре предпочитает одновременно заниматься только одним делом, а также разделяет время для дела и для эмоциональных контактов.

В полихромной модели нет такого строгого расписания, человек там может заниматься несколькими делами сразу. Время здесь воспринимается в виде пересекающихся спиральных траекторий или в виде круга. Крайним

случаем являются культуры, в языках которых вообще нет слов, относящихся ко времени (например, у североамериканских индейцев).

Если в монохромной культуре время постоянно отслеживается, считается, что время – деньги, в полихромной культуре такой необходимости нет, о точном использовании времени даже не задумываются. Примером полихромной культуры может служить русская, латиноамериканская, французская культуры. Монохромные культуры – немецкая, североамериканская.

Хронемика также изучает ритм, движение и расчет времени в культуре. Так, в крупных городах мы должны идти по улицам быстрее, чем в маленьких деревушках. Ритмы африканцев, являющиеся для них измерителями времени, принципиально отличаются от европейских ритмов.

Следующая группа выразительных средств – это вербальные выразительные средства. Слово появилось после движения, но по сравнению с ним было более эмоциональным и несло большую информацию, чем движение [2, с. 34]. Слово как знак может существовать индивидуально, но в синтезе с другими знаками его использование более эффективно.

Декоративно-художественное оформление – живописные или реальные декорации, оформляющие любое зрелище.

Атрибутика или реквизит. Для каждого зрелища существует своя специфическая атрибутика – мебель и предметы быта, отвечающие времени происходящего зрелища.

Свет и музыкальное сопровождение – использование соответственного музыкального оформления и сопровождения зрелища.

Мизансцена как выразительное средство режиссера объединяет все знаки, используемые в зрелищах, в единый образ, несущий определенную смысловую и эмоциональную нагрузку. Таким образом, мизансцена – это конечная цель, к которой стремятся все используемые знаки.

Мизансцене как выразительному средству уделяется большое внимание при постановке.

И последняя группа изобразительно-выразительных средств – это иносказательные-выразительные средства. Они применяются как в сценарных технологиях, так и в режиссуре. Основными в этой группе являются знак, символ, метафора и аллегория.

Знак – это отображение реального предмета или явления посредством изображения данного или его условного обозначения. Ю. М. Лотман делит знаки на две группы: первая – условные и вторая – изобразительные. «К условным относятся такие, в которых связь между выражением и содержанием внутренне не мотивирована. Так, мы условились, что зеленый свет означает свободу движения, а красный – запрет. Но ведь можно было условиться противоположным образом [10, с. 4].

Иконические знаки отражают и замещают то, что изображено. Например, рисунки на бубне шамана, обозначающие три мира, или фигурки животных, которые шаман нашивает на свой костюм. Замещая реальную действительность, с помощью живописных панно или отдельных деталей они создают место действия, несут необходимую информацию.

Условные знаки. К данной группе относятся знаки, о значении которых мы договариваемся, например, поднятые над головой скрещенные руки шамана означают, что он путешествует на олене.

Символ – одно из самых многозначных понятий в культуре. Исходный смысл этого слова – удостоверение личности, которым служил *symbolon* – половинка черепка, бывшая гостевой табличкой в Греции.

Повседневная жизнь человека наполнена символами и знаками, которые регулируют его поведение, что-то разрешая или запрещая, олицетворяя и наполняя смыслом. Например, береза – символ России, белый голубь Пикассо – символ мира.

Анализируя возникновение символа в образном действии, Е. Тудоровская пишет: «Человека как члена рода оберегали при помощи иносказаний, как того требовали интересы рода. Например, на свадьбе нельзя было произносить собственное имя невесты (само слово «невеста» подставленное и означает «неведомое»), чтобы сбить с толку духа родового очага и не раздражать его введением в род чужого человека. Иносказание с его внесенной связью с самого начала было художественным познанием мира. Придумывая подставное слово, надо было уяснить себе свойства предмета и дать его названию замену, имеющую какие-то общие черты с предметом, например, смелый, ловкий молодец – ясный сокол, слово должно было быть непонятным для враждебных сил, но быть понятным для заинтересованных членов рода» [14, с. 84].

Аллегория – иносказание, изображение отвлеченной идеи посредством конкретного, отчетливо представляемого образа. Жизнь, смерть, надежда, злоба, совесть, дружба – любое из этих понятий может быть представлено с помощью аллегии. Например, Правосудие изображается в виде женщины с завязанными глазами, с весами и мечом в руках [5, с. 16]. В обряде аллегория выступает в виде знака. Использование аллегии обусловлено тем, что расхожие отвлеченные понятия имеют внешнее выражение, знакомое всем: смерть – старуха с косой, дружба – две соединенные руки и т. д. В обряде такой аллегией может быть дух воды, огня или дерева. При постановке обряда «оживление» духов, к которым обращается шаман, может только положительно отразиться на всем обрядовом действии.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что выразительные средства режиссуры, они же знаковые системы, имеют огромное значение для воздействия на зрителя, передавая ему нужную информацию, и вызывают потребность к общению.

Литература

1. Биркенбил В., Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – СПб.: Питер, 1997. – 176 с.
2. Винокур Т. Г., Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 159 с.
3. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / § 1–8 Перев. с нем. В. И. Молчанова. / Эд. Гуссерль. – М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001
4. Кнапп М. Л., Невербальные коммуникации / М. Л. Кнапп. – М.: Наука, 1978. – 308 с.
5. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский // Науч. ред. И. Роднянская. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 376 с.
6. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
7. Лабунская В. А., Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В. А. Лабунская. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 214 с.

8. Леонтьев А. А., Психология общения / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 239 с.
9. Лотман Ю. М. Люди и знаки. / в кн. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
10. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноискусства / Ю. М. Лотман. М., 1973.
11. Мистерии Исиды. Электронный ресурс / Режим доступа [http: // secretorder.ru/prevrashenie_mifa_ob_iside.html](http://secretorder.ru/prevrashenie_mifa_ob_iside.html)
12. Морозов В. П., Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В. П. Морозов. – М.: ИП РАН, Центр Искусство и наука, 1998. – 189 с.
13. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Т. 2 (Логические основания теории знаков) / Ч. С. Пирс. СПб., 2000.
14. Тудоровская Е. Фольклор и этнография / Е. Тудоровская. – М.,1974.

НАШИ АВТОРЫ

Веселовская Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

Громова Жанна Сергеевна, выпускница кафедры культурологии КемГУКИ

Гук Андрей Алексеевич, аспирант кафедры теории и культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, теории и истории культуры КузГТУ, директор Гуманитарного научного центра

Казарина Татьяна Юрьевна, доцент кафедры дизайна КемГУКИ, директор института визуальных искусств

Киселева Мария Александровна, выпускница кафедры культурологии КемГУКИ, кандидат культурологии

Коргожа Наталья Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой социально-культурной деятельности КемГУКИ

Курбатов Владимир Петрович, кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

Курбатова Наталья Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности КемГУКИ, доцент

Петров Лев Игоревич, выпускник кафедры культурологии КемГУКИ

Петрова Софья Игоревна, выпускница кафедры культурологии КемГУКИ

Побожай Наталья Александровна, специалист по учебно-методической работе института социально-культурных технологий КемГУКИ

Самаковская Олеся Валерьевна, заведующая сектором документационного обеспечения отдела менеджмента качества КемГУКИ, научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы

Светлакова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой фотовидеотворчества КемГУКИ

Сокол Ольга Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории искусств КемГУКИ

Сулейменов Марат Гарифуллович, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Кемеровского государственного сельскохозяйственного института

Ткаченко Андрей Викторович, старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства КемГУКИ, соискатель АлтГУ

Усова Надежда Витальевна, заведующая учебным отделом учебно-методического управления КемГУКИ

Ултургашева Ирина Григорьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры ТИи НХК КемГУКИ

Хилько Николай Федорович, доктор пед. наук, профессор кафедры кино-, фото-, видеотворчества Омского гос. университета, ст. научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии

Шимчук Тамара Алексеевна, соискатель НИИ прикладной культурологии, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук КемГСИ

СОДЕРЖАНИЕ

Образование и общество в зеркале культуры

- Веселовская Е. В.* Медийно-информационная грамотность педагогов как условие эффективного развития культурной сферы и образования региона..... 3
- Побожей Н. А., Усова Н. В.* Образ выпускника вуза в условиях современной социокультурной ситуации..... 10
- Казарина Т. Ю.* Концептуальные основы исследования феномена профессиональной культуры..... 16
- Ултургашева И. Г.* Влияние традиционной культуры на развитие творческих способностей детей и подростков в учреждениях образования и культуры.... 26
- Киселева М. А.* Три фактора (триада) взаимодействия краеведческих музеев и системы образования в сфере экскурсионной работы на рубеже XX–XXI вв... 33

Историко-культурные процессы и явления

- Двуреченская А. С., Громова Ж. С.* Отечественная мифология советской и постсоветской эпох (на материале политики и масс-медиа)..... 44
- Самаковская О. В.* Проблемы сохранения и трансляции культурного наследия музеев Западной Сибири средствами информационно-коммуникационных технологий..... 55
- Сулейменов М. Г., Илюшин А. М.* Защитное вооружение средневекового населения кузнецкой котловины (по материалам раскопок курганов)..... 62
- Коргожа Н. С.* Структурная перестройка сети культурно-просветительных учреждений в 60–70-х годах XX века..... 68
- Петрова С. И.* Мировоззренческие основания потребностей: от античности до позднего средневековья..... 74

Философско-социологические проблемы культуры

- Гук А. А.* Коммуникация как структурно-понятийное явление..... 93
- Петров Л. И.* Проблема потребностей в философской теории..... 102
- Шимчук Т. А.* Христианская социология и ее значение в исследовании проблем современной церкви..... 111

Художественная культура: современность и традиции

- Ткаченко А. В.* Дуальность картины мира в произведениях скульптора А. П. Хмелевского..... 121
- Сокол О. В.* Музыкальные символы России..... 128
- Светлакова Е. Ю.* Культурно-историческая детерминация отечественного документального кино: гендерные стереотипы..... 136
- Курбатова Н. В.* Музыкальный фольклор в обрядовом действии..... 141
- Хилько Н. Ф.* Сравнительный анализ изобразительного языка документального кино и телевидения в тематике социального признания таланта..... 146
- Курбатов В. П.* Изобразительно-выразительные средства как знаковые системы: Мистерия. Праздник. Обряд..... 154

- Наши авторы**..... 165

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Сборник научных статей

Том 2 (10)

Литературный редактор: *Е. В. Веселовская*

Технический редактор: *А. В. Василенко*

Дизайн обложки: *С. Н. Казарин*

Компьютерная верстка: *Я. А. Кондрашовой*

Подписано к печати 25.08.2012. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 8,7. Усл. печ. л. 9,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 75

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru